

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 6 (72). № 2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2020

Учредитель – КФУ имени В. И. Вернадского.

Регистрирующий орган – Роскомнадзор.

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № 1 от 30 августа 2017 г.

Главный редактор – Шоркин Алексей Давыдович, д-р филос. н., проф.,
КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Вигель Н. Л.	д-р филос. н., проф., РГМУ (Ростов-на-Дону)
Габриелян О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Грива О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Коротченко Ю. М.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин П. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лазарев Ф. В.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Морозова Е. В.	д-р филос. н., проф., ГПГУ (Краснодар)
Романова А. П.	д-р филос. н., проф., Гуманитарный институт, АГУ (Астрахань)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Карабыков А. В.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Федорова М. М.	д-р полит. н., Институт философии РАН (Москва)
Юрченко С. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Нагорный В.А.

Редактор электронной версии: Шкорубская Е.Г.

Ответственные за выпуск:

Андрющенко И. А.	к. культурологии, доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Гросфельд Е.В.	к. полит. н., доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Зарапин О.В.	к. филос. н., доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Контакты редакционного совета серии:

Тел.: +7-978-016-5387 Факс: +7 (3652) 54-52-46

E-mail: u4enyezapiskicfu-philosophy@yandex.ru

Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Журнал включен в перечень ВАК под № 2169 от 20.07.17.

Подписано в печать:

Формат 70х100 1/16 10 усл. п. л. Заказ № НП/78

Тираж: 50 экземпляров (бесплатно)

Отпечатано в отделе редакционно-издательской деятельности

КФУ имени В. И. Вернадского

295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

ФИЛОСОФИЯ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 6 (72). 2020. № 2. С. 3–14.

УДК 167.7

ФИЛОСОФСКАЯ ЭЛИТА ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК

Герасимова И. А.

Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: home_gera@mail.ru.

Автор ставит вопрос о подготовке философской элиты в технических вузах. Основной методологической установкой исследования стал принцип конвергенции естественнонаучного, технического и социогуманитарного знания. Ускорение темпов образования и развития новых направлений междисциплинарных исследований в области естественных и технических наук диктуется запросами техносферной деятельности, охватившей планетарную жизнь. Сегодня производственно-хозяйственная деятельность, накопленный экологический ущерб, уклад и ценности общества потребления, нарастающие риски системного характера непосредственно касаются феномена жизни и существования планеты. Геоэкология как новое междисциплинарное направление и проекты геоинжиниринга требуют развитых способностей коллективного мышления. В системе образования в технических вузах необходимо вводить современные способы организации научных исследований, органически соединяя естественнонаучное, инженерное и философское мышление. Фундаментальные и прикладные исследования природной среды и ресурсов, разработка инновационных технологий не могут быть полноценными без интегрально-философского уровня рефлексии. Идеалы и принципы трансдисциплинарного образования должны найти достойное место в политике образования. В технических вузах разумное сочетание дисциплинарности, междисциплинарности и трансдисциплинарности можно осуществить, соединяя уровень мировоззрения, развития методологического сознания, понимания возможностей и границ научного метода, философски-интегрального видения комплексных проблем науки-технологий-общества, социальных оценок инновационных технологий. В реализации этих целей стоит пересмотреть задачи и содержание курса по философии и методологии науки и техники. Подготовка философской элиты конкретных областей знания предполагает теоретическую разработку философских проблем этих наук и инженерии. На примере опыта преподавания философии и методологии науки в РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина автор вводит спектр философских проблем науки о нефти и газе. Основу нового диалога с природой должны составить коммуникативно-познавательные отношения. Методологические концепции взаимодействия науки, общества и технологий конкретизируются в науке о нефти и газе в проблемах геоэкологии, нефтегенезиса, альтернативной энергетики, цифровой нефтегазовой экономики, цифровом образовании.

Ключевые слова: философия науки и техники, методологическое сознание, инженерное образование, междисциплинарность, трансдисциплинарность, философские проблемы науки о нефти и газе, геоэкология, генезис нефти и природного газа.

Идея трансдисциплинарного образования. Процессы дифференциации и интеграции знания шли на протяжении всей истории науки. Дифференциация научных дисциплин диктовалась углублением в предмет исследования. Именно на узкой специализации основано инженерное образование до сих пор. Образование

так называемого широкого профиля, как правило, не выходит за рамки отдельной конкретной науки. Интегративные процессы в науке в современных условиях ведут к объединению разных сфер знания и формированию «междисциплинарных дисциплин» [1], что предполагает новый предмет исследований, развитие понятийного аппарата, методологий, способов решения задач и критерии доказательности. По существу, все технические дисциплины – в разной степени «междисциплинарные дисциплины».

Исторически трансдисциплинарное сотрудничество достигалось в элитных сообществах, занятых исследованием философских проблем конкретных наук (философия математики, философия физики, философия биологии, философия техники и пр.). Как правило, цементируют сообщество медиаторы – специалисты с двойным образованием. Проблема гармонизации разности сознаний и стилей мышления, развития способностей понимать и мыслить на разных языках, воспринимать интегральные языки философии, пожалуй, основная для трансдисциплинарного образования.

Мое предложение состоит в подготовке философской элиты в конкретных областях знания и в конкретных вузах. Исходя из реальной ситуации в образовании и дифференциации способностей, невозможно всех обучить философскому стилю мышления, но способных – можно. Будут ли это обязательные философские курсы, дополнительные занятия, кружки, творческие объединения ученых? Скорее всего, все вместе.

Понятие трансдисциплинарности расплывчато в коммуникативных реалиях науки и образования, но в его смысловое ядро входит понимание трансдисциплинарности как связующего звена с реальными проблемами человека, общества, культуры [2, С.11]. Набирают вес программы обучения трансдисциплинарному сотрудничеству [3], которые предполагают конвергенцию гуманитарного, естественнонаучного и инженерного стилей мышления [4]. Трансдисциплинарность означает сочетание специализации с пониманием сути и ценности своего труда в широком пространстве социума и культуры, с видением конкретных проблем науки и инженерии в контексте сложных взаимосвязей техносферной деятельности, истории, социума, культуры [5; 6].

Философская трансдисциплинарность – синтетический стиль мышления, искусство сочетания противоположений (кажущихся противоречий) по принципу дополнительности – систематичности и парадоксальности, дисциплинированности и спонтанности, углубления в точку зрения и целостное видение разных точек зрения, сочетание внутренне-интуитивного проникновения в смыслы и внешней логики интерпретации и метода. Ядро трансдисциплинарности – единение разнообразного, сопряжение разных сознаний и языков. Как правило, систематичность в философском образовании достигается в лекционных курсах, а развитие способностей к живому общению с проникновенным пониманием друг друга можно достичь только при условии свободы смыслопорождения в живых беседах. Свободу спонтанно текущей коллективной мысли можно развить в увлекательной философской игре. Стоит обратить внимание на гармоничное сочетание внешне-интеллектуального слоя оформления мысли и духовно-разумной

глубины порождения смыслов (интуиции). Именно в недрах внутреннего сознания зарождаются помыслы и чувство ответственности. Философская игра – тонкое сочетание философии и психологии, предполагает особый тип личности и культуру коллективного творчества [7; 8].

Вовлечение в трансдисциплинарные игры, на мой взгляд, стоит начинать с тех тем и проблем, которые осваивают и над которыми работами сами обучающиеся.

«О вреде истории для общества». На одном из занятий по философии науки и техники для магистрантов, будущих специалистов по химической технологии нефти и газа, студентка попросила дать разрешение вместо положенного задания по теме «Наука, технологии, общество» написать на тему «О вреде истории для общества». Лидерские качества студентки выделяли ее среди других – умная, красивая, с вдумчивым и активно-боевым отношением к событиям жизни в вузе, о чем можно было догадаться из-за инцидента на занятии. В самом начале занятия пожилой, седовласый профессор-химик попросил у меня разрешить уделить несколько минут для прояснения конфликтной ситуации с одним из преподавателей, которая произошла накануне. Студенты (как можно было понять – при активном участии героини) обвинили преподавателя в некачественности его работы. Санкций со стороны руководства не последовало, седым профессором было сказано, что «это право студентов выражать свое мнение». Стоит заметить, что это не первый случай, когда обучаемые делают заявления о некомпетентности преподавателей. Многие из магистрантов и, тем более, аспирантов, уже работают на производствах, знакомы с более перспективными технологиями и методами решения профессиональных задач. Каждое официальное заявление разбирает специальная комиссия, утвержденная ректоратом.

Что же происходит в нашем образовании? Перефразируя знаменитую политическую фразу, можно сказать, что «верхи не могут учить по-новому, а низы не хотят учиться по-старому». Старая иерархически-административная система подготовки высших кадров, в устоях которой был принцип субъект-объектных властных отношений уже не работает. Субъект – профессионально-организованное сообщество специалистов-преподавателей с утвержденными в министерстве программами. А объект – студент, задачу обучения которого система определяет как усвоение информации в утвержденных программах. В эпоху реформирования высшей школы «сверху», без обратной связи с профессорско-преподавательским составом и наукой, ситуация усугубилась тем, что профессионализм был подменен эффективным менеджериством, который в благоприятных условиях цифровизации образования ставит под пристальный контроль каждый шаг обучения, автоматизирует сам процесс обучения и тем самым ведет к экзистенциальным и социальным рискам высшего образования [9]. Среди самых масштабных рисков – роботизация мышления, отупение, отсутствие базовых интеллектуальных основ устной и письменной речи. Нацеленность на узкий прагматический профессионализм постоянно усиливается, сокращаются программы обобщающих теоретических дисциплин, не говоря уже о бедственном положении гуманитарной подготовки. Экзистенциальные риски высшего образования как звено в цепи, говоря на техническом языке, индуцируют разрушительные последствия для всей сети

взаимосвязанного многоуровневого глобального общества. Многие педагоги и философы видят преодоление кризиса образования в опережающем образовании для взрослых, система которого будет выстраиваться на субъект-субъект-объектных отношениях с учетом возможностей цифровой эпохи. Однако любые технологии, даже при адекватном использовании, лишь одно из вспомогательных средств в подготовке специалистов.

В курсе по философии науки методология должна занимать лидирующее положение, быть царицей наук, хотя как отдельно взятая, сама по себе она не наука. Освоение азов философствования путем развития методологического сознания будущих ученых, изобретателей и инженеров позволяет направить усилия на решение проблемы формирования интегрального мышления и способности к синтезу. Именно на занятиях по философии и нужно обучать свободному обсуждению проблем, охватывая разные точки зрения, многочисленные аспекты, контексты и дискурсы. Но высший тип «свободы в» достигается трудом и самодисциплиной мышления, развитием способностей «работы в командах». С философской точки зрения коллективное мышление (сознание) в условиях правильно понятой глобализации как кооперации народов – ведущий аттрактор когнитивной эволюции. В условиях высшей школы этот аттрактор проявляет себя в необходимости создания субъект-субъект-объектных отношений, другими словами, сотрудничества учителя и учеников, представителей разных специальностей, которое имеет разные грани и уровни.

Но вернемся к истории с «вредом истории». Во многих вузах еще сохранились условия, при которых преподаватель может относительно свободно распоряжаться временем и содержанием курса. В обучении философскому стилю мышления будущих инженеров сама постановка вопроса «о вреде истории для общества» весьма полезна. Сразу встают уточняющие вопросы, поскольку постановка проблемы неопределенная и двусмысленная: о какой истории идет речь? О каком вреде можно говорить и в отношении какого общества? Как только задумаемся над методологией истории и методологией преподавания истории, сразу всплывает вопрос о различиях с методологиями естественнонаучных и технических дисциплин, а также с их преподаванием. Дисциплинированность мышления, способность к точным расчетам, осторожная бдительность при проведении опасных экспериментов, здоровый образ жизни – необходимые профессиональные качества и установки будущих инженеров-технологов, которым приходится работать с повышенной ответственностью в условиях техногенных рисков. Неукоснительное соблюдение стандартных идеальных условий при проведении экспериментов заложено в программах (случаи летальных исходов при халатности уже были). Основой профессиональной подготовки инженеров-технологов является усвоение проверенных и отработанных теоретических схем, обучение алгоритмическим правилам и практическому проведению экспериментальных работ, грамотным выводам. В методологическом отношении можно сказать, что неопределенность в инженерной работе не исключается, а минимизируется стандартами. А в истории? Методология исторического исследования прямо противоположна инженерно-техническому подходу. Неопределенность эмпирической базы исторического

исследования снимается интерпретациями как первичными, так и вторичными, которые постоянно множатся. История как наука в соединении с археологическими исследованиями опирается на объективные методы исследования, в последнее время все шире применяя естественнонаучные разработки в поисках фактов и обосновании выводов. Но решающее значение в построении общей картины исторических событий и процессов играет теоретическая модель интерпретации.

На первый взгляд, история субъективна по сравнению с конструктивным технологическим творчеством. Однако здесь стоит призадуматься над характером и плодами технической деятельности при осознании угроз антропогенного влияния на окружающую природу. Известное, точное и определенное в теоретических моделях на одном полюсе сложной реальности оказывается в «океане неизвестного» на другом полюсе, отчасти устраняемой, но в большей степени непрогнозируемой неопределенности реальной жизни. Если искусственно созданный мир техносферы разрушает естественную среду обитания, то в таком случае стоит поставить вопросы о нашем понимании фундаментальных законов природы, ценностях жизни, искусственном и естественном. В каком смысле стоит говорить о научно-техническом прогрессе? Не являются ли на поверку рекламируемые технологии примитивными симулякрами по сравнению с природой-творцом? Может ли быть отдельная сфера человеческой деятельности прогрессивной вне зависимости от целого, ведь любой инновационный проект – социален [5; 6]? Размышления над этими и другими вопросами упираются в ту же проблему субъективности наших знаний, но в ином аспекте, нежели с историческим знанием.

В ценностном отношении занятия историей выполняют важнейшую социальную функцию воспитания гуманистического подхода к жизни и смыслам человеческого существования. Но если загонять сознание ученика в теоретические схемы, утвержденные программой или по воле педагога, то такой подход вызовет отторжение, что и произошло с героиней в данном случае. Даже если точка зрения преподавателя справедлива и отражает реалии, можно предвидеть сопротивление, если она не воспринята переживающим сознанием ученика. Историческое сознание молодого человека должно созреть для самостоятельного понимания сути и уроков истории. Можно продолжить сравнение методологии истории и методологии инженерного знания и по другим критериям, но лучше передать этот вопрос самим обучающимся. При творческом сравнении, казалось бы, далеких сфер исследования происходит осознание себя и особенностей сферы своей деятельности. В размышлениях над проблемой искусственного и естественного в инженерии в фокусе, как и относительно истории, окажется проблема гуманистического подхода к жизни и смыслам человеческого существования. Люди творят историю и на ее уроках учатся, но темпы развития ускоряются. Социальное время в техногенной цивилизации сжимается, устремляясь к прогнозируемой сингулярности как точке невозврата. Время «сжимается», информационное пространство уплотняется. Именно сегодня свобода мысли и проекты инновационной науки многократно усиливают ответственность перед настоящим и будущим. Ответственность с действий, другими словами, реализованных проектов, переходит на ответственность за интуицию как сферу замыслов.

Философия науки и техники: общие проблемы. В общий раздел программы кандидатского минимума по истории и философии науки входят темы по философии истории науки, общей методологии науки, методологических концепциях науки и техники. Освоение языка и концептуального аппарата методологии науки требует значительного времени. При современных стандартах образования неискушенные в философских штудиях студенты нефилософских специальностей, честно признаемся, читать профессиональные тексты не могут. Как же достичь взаимопонимания? Точками роста могут стать проблемы жизни и самой инженерии, но в расширенном социальном контексте.

Перечислим отдельные ключевые темы «из гущи жизни», над которыми работают методологи науки и которые важны для ориентации в мире сегодняшнего студента.

Демиургическая деятельность человека в масштабах планеты смещает акценты в понимании целей и средств науки. В конструктивной деятельности сходятся в фокус идеалы истины (знания), красоты (гармонии как естественного соединения жизнеспособного целого), добра (ценностей общего блага) [9, С. 183–233; 10].

Концептуальная история науки и техники должна быть дополнена осмыслениями резких поворотов в XX–XXI вв. В техногенной цивилизации понятие техники расширяется до социотехнических систем. Союз науки и техники в Новое время способствовал социальным реформациям, о науке как непосредственной производительной силе заговорили с сер. XX в., а сращивание науки-технологий-бизнеса-управления-общества отмечают с 80-х гг. прошлого века [11]. Сценарии будущего множественны, явно просматривают полярные проекты, которые борются за завоевание общественного сознания – технократический подход с ориентацией на трансгуманизм и эколого-гуманистический подход с ориентацией на ценности жизни и скрытые потенции человека. Движение к сингулярности как точке невозврата отмечают многие исследователи вне зависимости от направлений. Философский анализ концепта сингулярности позволяет выделить математическую, космологическую, технологическую, социоисторическую сингулярность, интегрируя разные направления знания. Проблема выбора пути становится глубоко экзистенциальной, от нее зависит выживаемость человечества. Вступающие на профессиональный путь будущие инженеры уже не могут быть «наивными технарями». Профессиональные задачи инженерной деятельности в кратком выражении можно сформулировать как ресурсоэффективность, ресурсосбережение, технологическая и экологическая безопасность [12]. Важно понимать, что ни один технический проект в условиях глобальных рисков не может внедряться без социально-гуманитарной экспертизы и осознания его целей и возможных последствий широкими слоями общественности [5].

Проблема представления философской и научной картины мира сегодня обсуждается в связи с проблемой множества реальностей. Различают этнокультурные миры, науко- и техномиры, становятся привычными виртуальная реальность, гибридная реальность, дополненная реальность. В глобальном масштабе понятия сложности реальности и неопределенности входят в тезаурус и философии, и науки [4; 7; 13; 14; 15]. С понятием реальности коррелирует понятие

среды в естественных и технических науках. Если выходить на интегрально-философский уровень рассуждения, то уместно говорить о сложносоставных средах социотехнической деятельности человека, включая природную и антропо-преобразованную среду, искусственные среды, социально-коммуникативные среды. Границы научно-позитивного метода не позволяют выходить на пределы возможностей доказательства и эмпирической проверки, но на философском уровне выдвижения гипотез и моделей возможен более широкий, и отсюда целостный взгляд.

Философская культура инженера формируется в осознании личной ответственности за свой труд в видении горизонтов будущего планеты. Представление о научно-философской картине мира базируется на системных характеристиках мира, охватывающих природу, общество, человека, культуру, техносферу, космос. В крупном масштабе можно говорить о гео-социо-антропо-технической реальности. Остро стоит проблема увязывания инновационных проектов локальных масштабов с крупномасштабным анализом возможных рисков. В динамичном обществе с непредсказуемыми факторами идет перманентное изменение системных характеристик мира, один тип рисков запускает остальные [16]. Данная проблематика имеет выходы в конкретные проблемы геоэкологии – нового междисциплинарного направления исследований. В аспекте образования постановка и обсуждение философских проблем геоэкологии выполняет несколько функций – мировоззренческую для большинства студентов, исследовательскую и проективную для специализирующихся по данному направлению. Стержнем наук, вовлеченных в геоэкологические исследования (экономическая география, биогеография, почвоведение, климатология, гидрология, океанология, геоморфология и пр.) считается экологическое мировоззрение [17]. Проблемы целостного экологического мировоззрения, взаимоотношения науки, технологий, общества оказываются в центре внимания многих философских направлений исследований – социальной экологии, экофилософии, философии техники, социальной эпистемологии, этике науки, синергетике, философии сложности и пр. Геоэкология как наука вовлечена в узел планетарных проблем («Новый Климатический Режим», геоинжиниринг, пандемии пр.), которые поляризуют планетарное сообщество, сталкивая общественные выступления (протесты, экологические движения), геополитику, геоэкономику, организации мировых элит, государства, международные союзы и организации ученых.

В формировании планетарно-экологического мировоззрения бесценную роль играют учения В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере [18]. Если идеи биосферы вошли в инструментарий многих дисциплин, но понимание значения ноосферы как сферы коллективной мысли человечества явно недооценивается. Гуманитарные исследования природы человека и сознания призваны стать необходимым звеном в соединении исследований биосферы и ноосферы. Именно гуманитарная подготовка будущих специалистов позволит реально переориентировать с установки на модернизацию (механизм) на установку на экологизацию (научный витализм). Трансдисциплинарность как способ организации коллективного мышления при разности специальностей, видится, приемлемым путем гуманитаризации

технического образования, формирования культуры, соответствующей демиургической планетарной деятельности. Психология профессиональной деятельности в условиях глобальных коммуникаций становится частью методологии науки. Можно поставить вопрос о необходимости создания науки будущего, науки трансдисциплинарного типа – антропогеоэкологии.

Философские проблемы науки о нефти и газе. Техногенные катастрофы с утечками газа [19], разливами нефти, угрозы землетрясений при разработках и освоениях месторождений [20], загрязнение морской среды нефтепродуктами, «Новый Климатический Режим», далеко идущие последствия планетарно-масштабного освоения нефтегазовых ресурсов делают геоэкологию нефти и газа одной из болевых составляющих геоэкологических исследований. По моему мнению, во всех нефтяных вузах этот предмет, кроме специализации, должен войти в программы общего образования, поскольку непосредственно связан с формированием экологического мировоззрения. Комплекс дисциплин, связанных с нефтегазовой отраслью, относительно истории науки молодой. Включает как фундаментальные, так и прикладные науки по направлениям: геология, геофизика, химическая технология и экология, физика, прикладная математика, а также комплекс технических наук, ориентированных на поиск, разработку и освоение месторождений. В этом аспекте можно говорить о науках, или даже в обобщенной формулировке – о науке о нефти и природном газе [21]. Выделим социогуманитарные аспекты науки о нефти и газе.

С точки зрения истории представляют интерес исторические свидетельства о традиционном использовании нефти в экономике и об отношении народов к этому важнейшему ресурсу. Промышленное освоение нефтересурсов разворачивается в XIX в., и вместе с интересом бизнеса и общества к новым топливно-энергетическим ресурсам, получают развитие нефтехимия, геология нефти и газа, инженерные дисциплины. Нефть и природный газ составили энергетическую основу пятого технологического уклада (XX в.), остаются ключевыми и для набирающего темпы шестого уклада, но уже с учетом новых инновационных технологий [22]. Нефть и газ оказываются в фокусе глобальной политики и экономики, геоэкологии и общественного движения зеленых. Метафора «черного золота» обросла полярными смыслами: нефть как значимый для техногенной цивилизации ресурс и нефть как символ, укоренившийся в общественном сознании с ореолом денег, власти, политической воли, лжи и манипуляций общественным сознанием. Социально-феноменологический аспект восприятия нефти как символа, антропогенного воздействия на природу и энергетического будущего цивилизации – существенная составляющая антропогеоэкологического подхода.

Фундаментальной проблемой естествознания считается проблема происхождения нефти и природного газа. В социально-практическом аспекте теоретическая проблема имеет прямое отношение к вопросу о возобновляемости нефтегазовых ресурсов и, соответственно, экономике техногенной цивилизации. Начиная с науки Нового Времени непрекращающиеся дискуссии вокруг этого вопроса выделили две основных точки зрения – биогенную (органическую) и абиогенную (неорганическую, минеральную). На протяжении всей истории

дискуссий биогенная гипотеза имела значительно преобладающее число сторонников, сложились развитые концепции, но проблема продолжает оставаться открытой. Новый накал в дебатах возник в связи с технологиями глубинного бурения и открытием крупнейших залежей углеводородов, что никак не объяснишь биогенной гипотезой [23]. В условиях неопределенности и косвенных экспериментов научно-позитивная методология заходит в тупик, но выход на философский уровень рассуждения позволяет посмотреть на проблему в крупном масштабе, обнажив новые пути поиска решений. Нефть – планетарный продукт. Генезис нефти и природного газа охватывает мантийные, биосферные, атмосферные слои Земли,; также стоит принять во внимание космические факторы, влияющие на геосферные процессы (космическая, биосферная гипотезы). Известно, что каждое конкретное месторождение уникально, генезис нефти может идти разными путями. Крупномасштабный анализ приводит к неизбежности следованию методологиям сложности. А сама проблема требует объединения специалистов по трансдисциплинарному типу организации исследований и упирается в проблемы психологического характера [22].

Любые проблемы технических инновационных разработок в социотехнической среде имеют гуманитарный вектор. Например, альтернативу нефтегазовой энергетике составляет так называемая альтернативная энергетика, развитие отдельных ветвей которой поддерживают нефтегазовые кампании – биотопливо, энергии ветра, солнца, воды. Кроме ресурсных, технических, экологических аспектов есть проблемы социально-экономического, социально-экологического, социально-психологического характера. В глобальном масштабе проблемы альтернативной энергетике выходят на геополитический характер, отражая борьбу интересов магнатов нефтяного бизнеса и общества, заинтересованного в альтернативных энергетических технологиях. Идеи и новейшие разработки высоких технологий могли бы преобразить жизнь социума, особенно, если есть равный доступ всех стран и народов. И вновь возникают социогуманитарные проблемы психологии и культуры – к внедрению и использованию высокотехнологичных инноваций должно быть готово общественное сознание.

Проблема культуры в сложном техногенном мире, полном рисков и непредсказуемости, обнажает себя в проектах цифровых трансформаций экономики и общества. Дискуссии о нефтегазовой цифровой экономике, цифровом образовании, по проблемам технологий искусственного интеллекта идут давно. Философски-интегральный уровень анализа включает технологические, социоэкономические, социокультурные, экзистенциальные проблемы. Глубочайшей экзистенциальной проблемой является влияние на организм и разум человека искусственно созданной среды, перенасыщенной электромагнитными излучениями и ядовитыми газами. Нужно со всей ответственностью признать, что технологии преобразуют мир, но вместе с тем подрывают основы жизни, при своем несовершенстве и повсеместной практике внедрения непроверенных технологий в царстве «золотого тельца».

Проводимая политика в образовании направлена на подготовку исполнителей, «обслуживающих высокотехнологичную промышленность», но не ответственных

ученых и изобретателей, перед которыми в век знания открываются невиданные творческие перспективы. Разговоры о гармонизации человеческой жизнедеятельности с природой пусты без решения проблем нравственно-духовной культуры. Психология и этика профессиональной деятельности в условиях, когда коллективная мысль становится планетарной силой, становятся сердцевинной методологии научного исследования и инновационной деятельности. Подготовка философской элиты в отечественных вузах представляется неотложной задачей высшего образования, от которого сегодня напрямую зависит выход России из глубокого кризиса.

Список литературы

1. Порус В.Н. «Междисциплинарность» как тема философии науки // Эпистемология и философия науки. – 2013. – Т. XXXVIII. – № 4. – С. 5–13.
2. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Бажанов В.А., Шольц Р.В. – М.: Издательский дом «Навигатор», 2015. – 564 с.
3. Hoffman S., Pohl C., Herring J.G. Methods and procedures of transdisciplinary knowledge integration: Empirical lessons from four thematic synthesis processes. *Ecology and Society*. 22 (1) 2017:27. URL: www.sciencedirect.com/book/9780444516732/philosophy-of-ecology?via=ihub (accessed 18.05.2019).
4. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Парадигма сложности и социогуманитарные проекты конвергентных технологий // Вопросы философии. – 2016. – № 1. – С. 59–70.
5. Горохов В.Г., Грунвальд А. Каждая инновация имеет социальный характер (Социальная оценка техники как прикладная философия техники) // Высшее образование в России. – 2011. – №5. – С. 135–145.
6. Розин В.М. Техника и технология. От каменных орудий до Интернета и роботов. – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический ун-т, 2016. – 280 с.
7. Герасимова И.А., Бургете Аяла М.Р., Киященко Л.П., Розин В.М. Сложность и проблема единства знания. Вып. 2: Множественность реальностей в сложном мире. – М.: ИФ РАН, 2019. – 252 с.
8. Жаров С.Н. Образование в перспективе инновации: уроки прошлого и возможности будущего // Вестник Воронежского гос. университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2018. – № 4. – С. 42–47.
9. Даниленко К.Б. Проблемы воспитания художественного вкуса у студентов в процессе инженерного образования // Инженерное образование. – 2016. – № 19. – С. 29–32.
10. Герасимова И.А., Смирнова О.М., Фалеев А.Н., Филатова М.Н., Юдина М.Е. Проблемы и риски инженерного образования в XXI веке. – М.: Университет. кн., 2017. – 312 с.
11. Мирский Э.М., Барботько Л.М., Войтов В.А. Наука и бизнес. Этнос фронта // Этнос науки / ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мирская. М.: Academia, 2008. – С. 166–181.
12. Герасимова И.А. Инженерное знание в техногенной цивилизации // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55. – № 2. – С. 6–17.
13. Weaver, W. Science and Complexity // *American Scientist*. 1948. 36, 536. URL: <https://www.ceptualinstitute.com>. В русском переводе: Уивер У. Наука и сложность / пер. с англ. Г.С. Розенберга // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. – 2019. – Т. 28. № 1. – С. 171–177.
14. Santos, Gil C. Philosophy and Complexity. // *Foundations of Science*. – 2013. –18(4), –Р. 681–686.
15. Степин В.С. Человек, деятельность, культура. – СПб.: СПбГУП, 2018. – 800 с.
16. Соколов Ю.И. Глобальные риски XXI века // Проблемы анализа риска. –2015. – Том. 12. – № 2. – С. 6–20.
17. Фруммин Г.Т. Геоэкология как новое междисциплинарное направление на стыке географии и экологии. – URL: www.spbrc.nw.ru/councils/ecology/school_science/geoecon_mejd. (дата обращения: 1.06.2020).
18. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – 520 с.

19. Иванов Н.А. Сланцевая Америка: энергетическая политика США и освоение нетрадиционных нефтегазовых ресурсов. – М.: Магистр, 2014. – 304 с.
20. Качмент А. Бурение до землетрясений // В мире науки. – 2016. – №8/8. – С. 120–129.
21. Кучеров В.Г., Герасимова И.А. Генезис нефти и природного газа: конкуренция парадигм // Вопросы философии. – 2019. – № 12. – С. 106–117.
22. Techno-Economic Paradigm: Essays in Honour of Carlota Perez / Ed. By Wo Drecher. – London Anthem Press, The Other Canon Foundation. 2011. – 442 p.
23. Герасимова И.А. Генезис нефти и газа как проблема трансдисциплинарных исследований // Эпистемология и философия науки –Том. 57. –№ 3. – С. 125–141.

Gerasimova I.A. Philosophical Elite of Engineering // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 2. – P. 3–14.

The author raises the question of preparing the philosophical elite of engineering universities. The main methodological orientation of the study was the principle of convergence of natural, engineering and socio-humanitarian knowledge. Acceleration pace the emergence and development of new directions in interdisciplinary research in the field of natural and technical sciences dictated by the demands of anthropogenic activities that embraced planetary life. Today, industrial and economic activity accumulated environmental damage to way and values of consumer society, increasing systemic risks directly affect the phenomenon of life and the existence of the planet. Geoecology as a new interdisciplinary area, geoeconomics projects, put forward by scientists and engineers to solve global problems, require the development of collective thinking abilities. In the education system in engineering universities must be introduced modern methods of organizing scientific research, organic compounds science, engineering and philosophical thinking. Fundamental and applied research of the natural environment and resources, development of innovative technologies cannot be complete without an integral philosophical level of reflection. The ideals and principles of transdisciplinary education must find a worthy place in the politics of education. In engineering universities a reasonable combination of discipline, interdisciplinary and transdisciplinary courses can be done, connected the questions of a picture of the world; development of methodological consciousness; philosophical vision of complex problems of science; technology and society; methodologies of social assessment of technology. In realizing these goals, it is worth the objectives and content of the course on philosophy and methodology of science. Preparation of the philosophical elite of specific areas of knowledge involves the theoretical development of philosophical problems of these sciences and engineering. On the example of the experience of teaching philosophy and methodology of science at the Gubkin Russian State University of Oil and Gas author introduces the spectrum of philosophical problems of petroleum exploration. The basis of a new dialogue with nature should be the subject- subject-object relation. In the context of modern communicative practices the psychology of professional activity is becoming an integral part of the methodology of scientific research. The methodological concepts of interaction between the science, society and technology are specified in the science of oil and gas in the problems of petroleum geoecology, genesis of oil and natural gas, alternative energy, digital oil and gas economy, digital education.

Keywords: philosophy of science and technology, methodological consciousness, engineering education, interdisciplinarity, transdisciplinarity, philosophy of petroleum exploration, geoecology, genesis of oil and gas.

References

1. Porus V. «Mezhdisciplinarnost'» kak tema filosofii nauki [“Interdisciplinarity” as an issue of philosophy of science] // Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology and Philosophy of Science]. – 2013, Vol. XXXVIII, No 4, pp. 5–13.
2. Bazhanov V., Scholz R.W. (ed.) Transdisciplinarnost' v filosofii i nauke: podhody, problemy, perspektivy. [Transdisciplinarity in Philosophy and Science: Approaches, Problems, Prospects]. – Moscow, "Navigator" Publishing House, 2015, 564 p.
3. Hoffman S., Pohl C., Herring J.G. (2017) Methods and procedures of transdisciplinary knowledge integration: Empirical lessons from four thematic synthesis processes. Ecology and Society. 22 (1) 2017:27. URL <https://www.sciencedirect.com/book> (accessed 18.05.2019).

4. Arshinov, V., Budanov V. Paradigma slozhnostnosti i sociogumanitarnye proekty konvergentnykh tekhnologiy [Paradigm of Complexity and Social-Humanitarian projections of Convergent Technologies] // Voprosy Filosofii [Russian Studies of Philosophy]. 2016, No 1, pp. 59–70.
5. Gorokhov V., Grunwald Kazhdaja innovatsiya imeet social'nyy karakter (Social'naya ocenka tekhniki kak prikladnaya filosofiya tekhniki) [Each innovation has social dimension! (Technology assessment as an applied philosophy of technology)] // Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia], 2011, No 5, pp. 135–145.
6. Rozin V., M. Tekhnika i tekhnologiya. Ot kamennykh orudiy k internetu i robotam [Technique and technology. From stone tools to the Internet and robots]. Yoshkar Ola, Povolzhskiy gos.tekhn.un-t, 2016, 260 p.
7. Gerasimova I. A. (2019) Slozhnostnost' i problema yedinstva znaniya [Complexity and the problem of unity of knowledge]. Issue 2 / Gerasimova Irina A., Marina Burgete Ayala, Larisa P. Kiyashchenko, Vadim M. Rozin – Moscow, IPHRAN (Publ.), 2019, 252 p.
8. Zharov S., N. Obrazovanie v perspektive innovatsii: uroki proshlogo i vozmozhnosti budushhego [Education in an innovation perspective: the lessons of the past and the possibilities of the future] // Vestnik Voronezhskogo gos.universiteta. Seriya. Problemy Vysshego obrazovaniya [Voronezh State University Bulletin], 2018, No 4, pp.42–47.
9. Danilenko K., B. Problemy vospitaniya hudozhestvennogo vkusa u studentov v processe inzhenerenogo obrazovaniya [Problems of educating students' artistic taste in the process of engineering education] // Inzhenernoe obrazovanie [engineering education], 2016, No 19, pp. 29–32.
10. Gerasimova, I. A., Smirnova, O. M., Faleyev, A. N., Filatova, M. N., Yudina, M. E. Problemy i riski inzhenerenogo obrazovaniya v XX veke [Problems and risks of engineering education in the 21st century. – Moscow: University Book, 2017. 312 pp.
11. Mirsky E.M., Barabotko L., V., Voitov V., A. Nauka i biznes. Etos frontira. [Science and Business. Ethos of the Frontier] // Etos nauki [Ethos of Science]. – Moscow, Akademiya Publ, 2008, pp.166–181.
12. Gerasimova I.A. Inzhenernoe znanie v tehnogennoy tsivilizatsii [Engineering knowledge in the technogenic civilization]. // Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science] – 2018, Vol. 55, no. 2, pp. 6–17.
13. Weaver, W. (1948) Science and Complexity. American Scientist, 36, 536, URL: <https://www.ceptualinstitute.com>.
14. Santos, Gil C. (2013) Philosophy and Complexity. Foundations of Science. 18(4), pp. 681–686. DOI: 10.1007/s10699-012-9321-8.
15. Stepin V., S. Chelovek, deyatel'nost', kultura [Man, Activity, Culture]. – Saint Petersburg: Spbgup (Publ.), 2018, 800 p.
16. Sokolov Ju.I. Global'nye riski XX veka [Global risks of the 21st century] / Problemy analiza riska [Problems of Risk Analysis] – 2015, Vol. 12, no 2, pp. 6–20.
17. Frumin G., T. Geojekologiya kak novoe mezhdisciplinarnoe napravlenie na styke geografii i jekologii [Geoeccology as a new interdisciplinary direction at the geography and ecology] – 2020, URL: www.spbrc.nw.ru/councils/ecology/school_science/geoeccol_mejd. (accessed 18.05.2019)
18. Vernadsky V., I. Filosofskiye mysli naturalista [Philosophical thoughts of a naturalist]. – Moscow, Nauka (Publ.), 1988, 520 p.
19. Ivanov N., A. Slanzevaya Amerika: energeticheskaya politika SSHA i osvoenie netraditsionnykh neftegazovykh resursov [Shale America: US energy policy and development of non-traditional oil and gas resources]. – Moscow: Magistr publ., 2014, 304 p.
20. Kachment A. Burenie do zemletrjasenij [Earthquake drilling] // V mire nauki [In the World of Science]. – 2016, No 8/8, pp. 120–129.
21. Kutcherov, V., G., Gerasimova I., A. Genezis nefiti i prirodnogo gaza: konkurenciya paradigm [Petroleum Genesis: Competition of Paradigms] // Voprosy Filosofii [Russian Studies of Philosophy]. – 2019, No 12, pp. 106–117.
22. Wo Drecher etc (2011) Techno-Economic Paradigm: Essays in Honour of Carlota Perez / Ed. By Wo Drecher. London Anthem Press, The Other Canon Foundation. 442 p.
23. Gerasimova I.A. Genezis nefiti i gaza kak problema transdisciplinarnykh issledovanij [Petroleum genesis as a problem of transdisciplinary research] // Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]. – 2020, Vol. 57, no. 3, pp. 125–141.

УДК: 141.201

СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕННОСТНОГО ДИСКУРСА В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Клецкин М. В.

Самарский государственный медицинский университет, доцент кафедры философии и культурологии, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: *samkoms@mail.ru*

Целью работы является исследование становления ценностного дискурса в античности и нахождение взаимосвязи концепта Блага с вопросом об истинности познания. Приводится авторская интерпретация Блага на материале произведений античных философов. Показано сходство и отличие понимания Блага у Платона, Аристотеля и стоиков; также показана связь фундирующего ценностное бытие Блага с практическим целеполаганием и истиной. В философии Платона Благо является высшей идеей, обобщающей содержание еще не различных ценностных форм сознания индивида; более того, именно у Платона бытие и познание впервые становятся ценностными через свою причастность к Благут. Понимание целесообразной деятельности немыслимо без ценностных представлений о фундирующем ее ценностном отношении, являющимся, в свою очередь, формой реализации практического отношения индивида к мироокружному сущему. Наличные сущности ценны, поскольку рассматриваются в аспекте пригодности для достижения необходимого индивиду телоса. Действительное бытие индивида в этом смысле всегда «подручно», то есть служит для индивида средством реализации предзаданного бытием телоса (Блага). Выдвинуто предположение, что общей тенденцией в философии античности было гипостазирование Блага и его деиндивидуализация. Источник ценностного бытия искали в так или иначе понятой природе, в боге, в мире идей, но не в природе человека.

Ключевые слова: Благо, истина, ценность, ценностное бытие, практика.

Первых европейских философов уже волновал вопрос: как и почему вещи становятся ценными и желанными для индивида? Ответ на этот вопрос сводился в античности к интерпретации понятия «Благо», которое перешло в философию из религии и мифа, поэтому было синкретично с этическими, юридическими и эстетическими смыслами понятий: «справедливость», «добро», «истина», «прекрасное». Например, в знаменитом фрагменте книги Анаксимандра, говорится об «ущербе», «возмездии»: «А из каких [начал] вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу законное возмещение неправды [ущерба] в назначенный срок времени» [1, С. 127].

Синкретичное происхождение ценностных понятий подтверждается и этимологией слова «ценность». В словаре Макса Фасмера указывается, что слово «цена» восходит к древнеиранскому слову, обозначающему «возмездие, месть, наказание», также и соответствующее древнегреческое слово «ἀξία» [2, С. 298]. То

есть «цена» – это «наказание» за что-то, за что мы должны «платить цену». За что? Чтобы получить что-то желаемое? Если рассуждать таким образом, то «обладать ценностью» для индивида означает нести наказание за обладание этим предметом – чтобы осуществить свои потребности, человеку необходимо заплатить определенную цену. Тяжесть наказания («возмездия») за владение предметом или его уничтожение, определяет ценность соответствующей вещи для индивида.

Еще в древности произошло абстрагирование ценных вещей от формирующего их «ценность» ценностного отношения индивида к сущему, поэтому существительное «ценность» (греч. αἴτια) вторично по отношению к прилагательному «ценный» (греч. αἰγιος). По тому же принципу из эстетического отношения родилась идея «прекрасного», а из ценностного отношения – идея «блага» (ценного самого по себе). Абсолютизированные идеи очень удобно навязывать обществу как универсальные и непререкаемые ценности (идеалы, догмы). Пример подобной абсолютизации мы находим у итальянского поэта и философа V-го века до н.э. Эпихарма:

«Добро – это вещь, [существующая] сама по себе,
а кто Ее познает, изучив, тотчас [сам] становится добрым,
Подобно тому как флейтист – тот, кто научился игре на флейте,
Танцор – кто танцу, плетельщик – кто плетению,
И точно так же все, что тебе угодно в том же роде:
Сам он не будет уменьем (τέχνα), но умельцем (τεχνικός)» [1, С. 262].

«Добро», согласно данному фрагменту, существует «само-по-себе», как позднее в учении Платона Благо существовало «по ту сторону» сущностей: «Существование Блага – не сущность [οὐκ οὐσίας ὄντος τοῦ ἀγαθοῦ], но даже за сущностью [ἐλέγειναι τῆς οὐσίας]» [3, 509b]. «Добрым» человек становится через изучение «добра-самого-по-себе», также и истинная ценность вещей познается через изучение «блага-самого-по-себе».

Аналогичным образом право гарантировало не только исполнение гражданских законов, но и истинность высказываний, что доказывает и этимология ценностных понятий: «Вначале слово “аксиома” означало “честь”, “ранг”, “высокое положение”, “репутацию”, а затем “достоинство” вещей и, наконец, у Аристотеля, то, что принимается за рациональное основоположение – первопринципы в математике (Метафизика 1005a20) и в философии (Метафизика 1001b7)» [4, Р. 172]. Также и в философии Анаксагора (как свидетельствует Аристотель) управляющий всем «Ум» движим «благом», и даже тождественен с ним: «Анаксагор считает благо движущим началом, ибо движет [по его мнению] ум» [5, С. 318].

Первым, кто начал изучать не сущее как таковое, не чувственную видимость, а бытие человека и смысл понятий были софисты и Сократ. Должно быть что-то общее, делающее вещи ценными и придающее смысл их существованию. Таким объединяющим началом для Сократа, судя по воспоминаниям его учеников, было Благо. Сократ первым задумался об определении общих понятий, то есть начал изучать не сущее как таковое, не чувственную видимость, а бытие человека и смысл понятий. Есть что-то общее, что делает вещи прекрасными и придает смысл их существованию. Можно, на наш взгляд, сказать, что Сократ первым выделил такую

существенную способность ценностного отношения, как его способность задавать конечные цели практики, и тем самым конституировать ценностное бытие индивида. Как позднее писал Аристотель, Благо всегда осуществляется через реализующее телос (конечную цель) действие: «Благое и прекрасное – это не одно и то же (первое всегда выражено в действии, между тем прекрасное бывает и в вещах неподвижных [таких как числа])» [5, С. 326]. Цель («телос»), как осуществление блага, связывает воедино все ценностные представления, будучи их общим принципом («архэ») и смыслом («логос»). Понимание целесообразной деятельности немыслимо без ценностных представлений о фундаменте ее ценностном отношении индивида к мироокружающему существу.

Основы психологического понимания ценностного отношения можно увидеть в этических учениях Демокрита и Эпикура. Суть психологизма выражается в утверждении, что любые объекты действительности приобретают ценностные характеристики вследствие вызываемых в душе индивида переживаний – например переживание чувств удовольствия и неудовольствия. Важнейшим ценностным критерием в учениях античных атомистов было чувство удовольствия. В учении Демокрита удовольствие свидетельствует о том, что человек поступает хорошо, а страдание свидетельствует о плохих поступках, противоречащих природе человека. Удовольствие и страдание служат, тем самым, ценностными ориентирами в деятельности индивида. Соответственно, ценно все, что способствует получению удовольствия. Подобный взгляд критикует Аристотель: «А большинство обманывается явно из-за удовольствия, ведь оно, не будучи благом, кажется таковым. Итак, удовольствие выбирают, принимая его за благо, а страдания избегают, считая его злом» [6, С. 104].

С точки зрения психоанализа, гедонистический принцип в понимании ценностей античными атомистами неверен, ведь, хотя действия индивида и направляются неосознанным стремлением получить удовольствие, однако реализация этого стремления неизбежно проходит через стадию деструкции наличного бытия и страдание. Иногда, даже с опасностью для жизни, человек сам разрушает прежнюю жизнь для удовлетворения сущностных потребностей (например, столь важного в психоанализе инстинкта размножения). «[Страдание] идет, однако, рядом с чувствами наслаждения, потому что происходит растворение в подобном любимом (= в любви)» [7, С. 220]. Чувство удовольствия от разнообразных проявлений деструкции, согласно выдающейся российской ученице Фрейда – С. Н. Шпильрейн, вызывается неосознанными комплексами, порождаемыми необходимостью осуществления инстинкта размножения. Деструкция и физическое страдание играют важнейшую роль в деле сохранения человеческого рода, поэтому должны быть не менее важны, чем ценности, связанные с чувством удовольствия.

Вслед за Сократом, основой философского учения Платона стало гипостазированное Благо, понимаемое, как высшая идею фундаментирующая действительность, и служащая исходным пунктом понимания ее генезиса. «Так вот, следует считать, что и у всего познаваемого не только познаваемость пребывает от Блага, но и быть, и быть сущностью к ним прибывает от Него, хотя существование

самого Блага не сущность – оно за пределами сущности, превосходя ее старшинством и мощью» (Καὶ τοῖς γινώσκομένοις τοῖνυν μὴ μόνον τὸ γινώσκεισθαι φάναι ὑπὸ τοῦ ἀγαθοῦ παρεῖναι, ἀλλὰ καὶ τὸ εἶναι τε καὶ τὴν οὐσίαν ὑπ' ἐκείνου αὐτοῖς προσεῖναι, οὐκ οὐσίας ὄντος τοῦ ἀγαθοῦ, ἀλλ' ἔτι ἐπέκεινα τῆς οὐσίας πρεσβεία καὶ δυνάμει ὑπερέχοντος) [3, 509b6–10]. Благо существует само по себе и не является сущностью, то есть материальной вещью. Но, при этом, даже бытие и познание «при-бывают» (προσεῖναι) от Блага. «Без идеи блага все человеческие знания даже наиболее полные были бы совершенно бесполезны» [8, С. 317].

Таким образом, в философии Платона Благо является высшей идеей, обобщающей содержание еще не различных ценностных форм сознания индивида; более того, именно у Платона бытие и познание впервые становятся ценностными через свою причастность к Благу. В диалоге Платона «Горгий» Благо связывается с «достоинством» (значимостью) вещей: «... у всех действий цель одна – благо и все прочее должно делаться ради блага, но не благо – ради чего-то иного... Стало быть, благу следует подчинить все остальное, в том числе и удовольствия, но никак не благо – удовольствиям... Но достоинство [= ценность] каждой вещи, будь то утварь, тело, душа или любое живое существо, возникает во всей своей красе не случайно, но через слаженность, через правила того искусства, которое ей присуще» [9, С. 348]. Всякая единичная вещь наличного бытия причастна благу и существует именно через эту причастность. Бытие имеет основанием благу цель (греч. ἀγάθων) и есть осуществление гипостазированной ценности – блага. «У Платона высшая из всех идей – и вместе существо их всех – есть агатон – то, что делает пригодным» [10, С. 158].

Познавая, человек ищет «сущность» и целесообразность в окружающем его мире, чувствует его имманентную ценность для себя. «Существо ценности состоит во внутренней связи с существом цели» [10, С. 71]. Благо и цель становились взаимосвязанными понятиями. В открытом, «образованном» в процессе реализации имманентной индивиду цели, наличном бытии сущее раскрывается индивиду. «Эйдос [«видность» (образность) – это один из атрибутов наличного бытия] определяется из глубины телоса» [11, С. 128]. Вспомним, что в учении Гераклита началом возникновения действительности является «от всего отдельный» логос – мышление (отождествляемое Парменидом с бытием), вынужденное различаться и становиться вещественным. В процессе осуществления целеполагания формируются действительное бытие индивида, рождающееся одновременно как ценностное бытие – бытие благое. Поэтому у Платона часто встречается аналогия Блага и солнца: «Благо породило его [солнце] аналогичным себе самому» (τὰγαθὸν ἐγέννησεν ἀνάλογον ἑαυτῷ) [3, 508b13]. Как солнце освещает мир, так, благодаря Благу, «высвечиваются» истина и сущее.

Но Благо не определяется через истину (как и через удовольствие), как солнце не может быть адекватно постигнуто через «солнцеобразные» сущности. «То, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага – причиной знания и познаваемости истины. Как ни прекрасно и то и другое – познание и истина, но если идею блага ты будешь считать чем-то еще более прекрасным, ты будешь прав. Как правильно было

считать свет и зрение солнцобразными, но признать их Солнцем было бы неправильно, так и здесь: правильно считать познание и истину имеющими образ блага, но признать которое-либо из них самым благом было бы неправильно: благо по его свойствам надо ценить еще больше» [12, С. 344].

Итак, Благо понимается Платоном как то, что раскрывает бытие сущего и делает его ценностным. «К благу стремится любая душа и ради него все совершает; она предчувствует, что есть нечто такое, но ей трудно и не хватает сил понять, в чем же оно состоит» [12, С. 339]. Для раскрытия сущности ценности и ценностного отношения важно, что в рассмотренных фрагментах: 1) Благо, хоть и неявно, связывается с целеполаганием и практикой индивида; 2) ценностное отношение индивида к сущему интерпретируется как одно из конституирующих начал действительного бытия; 3) сформулированы некоторые критерии оценивания предметов наличного бытия, актуализирующие их потенциальную ценность.

Концепт Блага (греч. *αὔθων*) был также одним из центральных в философии Аристотеля. В. К. Шохин даже предлагает назвать учение Аристотеля «агатологией», дискурс которой «вполне сопоставим с дисциплинарной аксиологией, сложившейся более 23 столетий спустя» [13, С. 109]. Аристотель отмечал у предшествующих философов отсутствие анализа категории Блага: «они правы, утверждая, что благо есть начало, но в каком смысле оно начало, они не говорят, – как цель ли, или как движущее, или как форма» [5, С. 317]. Аристотель принципиально критиковал учение Платона, прежде всего за его идеализм, но идеалистическое учение Платона о Благe он воспринял некритически. Абстрактно понятое Благо также понималось им как причина и цель любой деятельности: «Благо ... есть цель всякого происхождения и движения» [5, С. 70].

Хотя Аристотель во главу угла ставит сознание и наличное бытие сущностей («предметов желания»), он при этом утверждает, что существует на самом деле прекрасный неподвижный «высший предмет воли», то есть нечто аналогичное платоновским идеям: «Имеется нечто, что движет, не будучи приведено в движение; оно вечно и есть сущность и деятельность. И движет так предмет желания и предмет мысли; они движут, не будучи приведены в движение ... предмет желания – это то, что кажется прекрасным, а высший предмет воли – то, что на деле прекрасно. Ведь мы скорее желаем нечто потому, что оно кажется нам хорошим, а не потому оно кажется нам хорошим, что мы его желаем, ибо начало – мысль» [5, С. 309]. Нельзя во всем соглашаться с великим философом. На наш взгляд, в данном случае Стагирит в духе платонической традиции: 1) абсолютизирует Благо, превращая его в подобие платоновской идеи; 2) не рассматривает вопрос происхождения самого Блага, то есть не отвечает на вопрос: почему нечто кажется нам хорошим? Ведь если Благо неподвижно и вечно, то оно не есть сущее, поскольку движение является свойством всего сущего. В случае понимания Блага как общей цели действия, Благо становится пустой абстракцией. Тезис, что «начало – мысль» верен, если под мыслью понимать единство сознания и неосознанного мышления. На этапе становления ценностного наличного бытия правильно, на наш взгляд, говорить, что нечто потому кажется нам хорошим, что мы его желаем, хотя, в зависимости от аспекта рассмотрения ценностного

отношения, правильным может быть и обратное положение. «Они [постигаемое мыслью и ум] будут одно и то же, и мысль будет составлять одно с постигаемым мыслью» [5, С. 316]. В процессе мышления мысль и то, что мыслится, становятся для индивида одним и тем же, но сначала все же противоположны друг другу, и мысль наполняет содержанием независимое от мысли сущее.

Непреходящей заслугой Аристотеля было формирование представления о целеполагании и практике как о моментах становления наличного бытия и раскрытия истины сущего. Истинно сущее – бытие, а в качестве осознанного бытия – понятийный образ (с греч. εἶδος – вид) сущего, образованный в процессе практической реализации телоса и существующий как результат такой реализации – как «энтелехия» (с греч. ἐντελέχεια – осуществленность). Единичная сущность приобретает в процессе становления действительного бытия свое истинное понятийное бытие и ценностное значение в качестве энтелехии. Ценностность, таким образом, присуща всякому объекту действительного бытия, так как в наличном бытии воплощаются потребности индивида. Наличные сущности ценны, поскольку рассматриваются в аспекте пригодности для достижения необходимого индивиду телоса. Действительное бытие индивида в этом смысле всегда «подручно», то есть служит для индивида средством реализации предзаданного бытием телоса. Индивид выбирает в действительном бытии орудия достижения необходимого телоса, и, одновременно, ограничен наличием этих орудий.

Интересно также понимание становление представлений о природе ценности в философии стоицизма. В учении основателя стоицизма Зенона Китийского все сущее делится на относящееся к «благу», «злу» и «неразличенному» (греч. ἀδιάφορον): «из существующего одно является благом, другое – злом, третье же – безразличным» [14, С. 80]. Неразличенные сущности обладают или не обладают ценностью, в отличие от абсолютных Блага и Зла. То есть к неразличенному относятся любые сущности, которые, в зависимости от обстоятельств, могут оцениваться индивидом как ценные или неценные (греч. ἀπαξία). Критерий оценивания рационален. «Те вещи, которые обладают полной ценностью, именуются предпочитаемыми (προϋμνεον), а те, которые совсем лишены ценности – непредпочитаемыми. Предпочитаемым стоики называют то безразличное, которое мы выбираем согласно [рациональному] основанию для предпочтения. То же самое действительно и для непредпочитаемого» [14, С. 81–82].

Неразличенное делится на предпочитаемое («продвинутое» в наличное бытие), и, как следствие, обладающее ценностью, и на «непредпочитаемое» вследствие противоречия природе индивида, поэтому ценностью не обладающее. Различается и ценно то действительное, в чем нуждается индивид соответственно своей природе и рассуждению. Это шаг вперед в сравнении с философией Аристотеля, так как стоики индивидуализируют «приземленные» ценности, четко показывают их связь с индивидуальными потребностями. Но стоики так и не преодолели идущее от Платона гипостазирование Блага, они даже развивают эту идею, провозглашая дуализм Блага и предпочитаемого, радикально различая их. Цицерон правильно, на наш взгляд, критиковал понимание Блага у стоиков: «Действительно, какая разница, назовешь ли ты богатство, могущество, здоровье благом или предпочитаемым, если

тот, кто называет все это благом, вкладывает в это то же самое, что и ты, называя это предпочитаемым?» [15, С. 170–171].

Оставаясь в рамках представлений своей эпохи, античные философы исходили из существования чего-то неизменного – «перводвигателя», задающего движение космоса, и определяющего смысл и целеполагание человеческой деятельности. Не человек творил мир вокруг себя, а бог, природа или логос через человека, подчиняющегося силе необходимости вместо утверждения своей власти над природой. Из этой онтологической парадигмы исходила и античная ценностная концепция Блага. Источник ценностного бытия искали в так или иначе понятой природе, в боге, в мире идей, но не в природе человека. Средневековая христианская философия также не преодолела главный недостаток античного понимания Блага – деиндивидуализации бытия.

Список литературы

1. Фрагменты ранних греческих философов (часть 1): От эмпирических теокосмологий до возникновения атомистики. – М.: Наука, 1989. – 576 с.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 4. – 864 с.
3. *Platonis Rempublicam / recognovit brevique adnotatione critica instruxit S.R. Slings*. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 2003.
4. *A Greek-English Lexicon* Compiled by H.G. Liddell and R. Scott. A New Edition Revised and Augmented Throughout by Sir H. S. Jones. Vol. I. Oxford, 1940.
5. Аристотель. Собр. соч. в 4-х томах. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – 550 с.
6. Аристотель. Собр. соч. в 4-х томах. – М.: Мысль, 1981. – Т. 4. – 830 с.
7. Шпильрейн С. Н. Деструкция как причина становления // Логос. – 1994. – № 5. – С. 207–238.
8. Платон. Сочинения в трех томах. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3. – 687 с.
9. Платон. Сочинения в четырех томах. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – Т. 1. – 632 с.
10. Хайдеггер М. Время и Бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
11. Деррида Ж. Голос и феномен. И другие работы по теории знака Гуссерля / Ж. Деррида; пер. с франц. С. Г. Кашиной. – СПб.: Алетейя, 1999. – 208 с.
12. Платон. Сочинения в четырех томах. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – Т. 3. Ч. 1. – 752 с.
13. Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 457 с.
14. Фрагменты ранних стоиков. – М.: Греко-латинский кабинет, 1998. – Т.1. – 252 с.
15. Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. – М.: РГГУ, 2000. – 480 с.

Kletskin M. V. Formation of Value Discourse in Ancient Greek Philosophy // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 2. – P. 15–22.

The aim of the work is to study the formation of value discourse in antiquity and to find the relationship of the concept of «Good» with the question of the truth of cognition. Based on the works of ancient philosophers, the author's interpretation of «Good» is given. The result is demonstration of similarity and difference of understanding of the Good in the philosophy of Plato, Aristotle and the Stoics. Also shows the relationship of the founding value being of the Good with practical goal-setting and truth. In the philosophy of Plato, the Good is the highest idea, generalizing the content of the not yet distinguished value forms of individual consciousness; moreover, it is precisely in Plato that being and knowledge for the first time become valuable through their involvement in the Good. Actual entities are valuable because they are considered in the aspect of fitness to achieve the necessary individual telos. It has been suggested that the general tendency in the

philosophy of antiquity was hypostasis of the Good and its de-individualization. The source of value being was sought in one way or another understood by nature, in God, in the world of ideas, but not in the nature of man.

Keywords: Good, truth, value, value being, practice.

References

1. Fragmenty rannih grecheskih filosofov (chast' 1): Ot jempiricheskikh teokosmologij do vznikovenija atomistiki [Fragments of the early Greek philosophers (part 1): From empirical theokosmology to the emergence of atomism]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 576 p.
2. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. V 4-h t. [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 volumes]. Moscow, Progress Publ., Vol. 4, 864 p.
3. Platonis Rempublicam / recognovit brevique adnotatione critica instruxit S.R. Slings. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 2003.
4. A Greek-English Lexicon Compiled by H.G. Liddell and R. Scott. A New Edition Revised and Augmented Throughout by Sir H. S. Jones. Vol. 1. Oxford, 1940.
5. Aristotle. Sobranie sochinenij v 4-h tomah [Works in 4 volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1975, Vol. 1, 550 p.
6. Aristotle. Sobranie sochinenij v 4-h tomah [Works in 4 volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1981, Vol. 4, 830 p.
7. Shpil'rejn S. N. Destrukcija kak prichina stanovlenija [Destruction as a cause of formation]. Logos, 1994. № 5. p. 207–238.
8. Plato. Sochinenija v treh tomah [Works in 3 volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1971, Vol. 3, 687 p.
9. Plato. Sochinenija v chetyreh tomah [Works in 4 volumes]. St.Petersburg, St Petersburg University Publ., 2006, Vol. 1, 632 p.
10. Heidegger M. Vremja i Bytie: Stat'i i vystuplenija [Time and Being: Articles and speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 447 p.
11. Derrida J. Golos i fenomen. I drugie raboty po teorii znaka Gusserlja [Voice and phenomenon. And other works on the theory of the sign of Husserl]. St.Petersburg, Aletejja Publ., 1999. 208 p.
12. Plato. Sochinenija v chetyreh tomah [Works in 4 volumes]. St.Petersburg, St Petersburg University Publ., 2007, Vol. 3(1), 752 p.
13. Shohin V. K. Filosofija cennostej i rannaja aksiologicheskaja mysl': Monografija [Philosophy of Values and Early Axiological Thought: Monograph]. Moscow, RUDN University Publ., 2006, 457 p.
14. Fragmenty rannih stoikov [Fragments of the early Stoics]. Moscow, Greko-latinskij kabinet Publ., 1998, Vol. 1, 252 p.
15. Cicero. O predelah blaga i zla. Paradoksy stoikov [On the limits of good and evil. Stoic Paradoxes]. Moscow, RSUH University Publ., 2000, 480 p.

УДК 1(091)

**СЕМАНТИКА КАТЕГОРИЙ «СУЩНОСТЬ» И «ЭНЕРГИЯ»
В БОГОСЛОВИИ СВТ. ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ
В ВИЗАНТИЙСКОЙ И РУССКОЙ ИКОНОГРАФИИ**

Козарезова О.О.

Московский Педагогический государственный университет, Российский Православный университет им. Св. Иоанна Богослова, г. Москва, Российская Федерация.

Email: koz.helga@gmail.com

В статье рассматривается влияние учения свт. Григория Паламы о сущности и энергии на византийское и русское искусство 14-15 веков, где основной доминантой становится свет и цвет. Здесь нашла свое выражение концепция, содержащаяся в исихазме: Бог непознаваем в Своей сущности, но Он открывает Себя посредством божественных энергий, изливаемых Им в мир. Отсюда, для исихастской практики большое значение имеет созерцание нетварного Фаворского Света – через этот свет, подвижник входит в общение с Непостижимым Богом. Исполняясь этим Светом, он приобщается божественной жизни, становится ее причастником. Учение свт. Григория Паламы о нетварном Фаворском Свете находит свое отражение в иконописи – меняется не только иконография, характерной чертой которой становится психологизм, особое молитвенное настроение, но и художественные приемы, в которых свет становится доминирующей составляющей. У разных иконописцев это богословие света проявляется по-разному: если в византийском искусстве свет проявляется в насыщенности красок, сияние которых напоминает блеск драгоценных камней, то в русском искусстве интенсивность света достигается при помощи белильных штрихов, пробелов, движков – так у Феофана Грека присутствует только охра и белила, у преп. Андрея Рублева особую звучность приобретает голубой цвет, у Дионисия – розово-золотистый. Но, несмотря на различие художественной манеры письма, творчество этих художников отличает особая философичность, основной характеристикой их творчества становится созерцательность, аскетизм, молитвенная самоуглубленность, связанная с исихастской практикой умной молитвы.

Ключевые слова: исихазм, учение о сущности и энергии, умная молитва, богословие света, византийская и русская иконография.

Статья посвящена анализу категорий сущности, энергии и ипостаси свт. Григория Паламы в контексте интеллектуальной культуры поздневизантийского и русского исихазма.

Актуальность темы исследования определяется значительной ролью философии и богословия исихазма в истории средневековой культуры. Так, эстетика исихазма не только оказала существенное влияние на формирование византийской иконографии, но и определила вектор ее дальнейшего развития. Возникшая в XIV веке полемика о природе Фаворского Света, которая напрямую касалась троического догмата, нашла свое отражение в искусстве, где свет как символ божественной энергии приобретает особое смысловое значение. Богословие света в

учении исихазма дало импульс новому, духовному «ренессансу» с его аскетической направленностью, сосредоточенностью на молитвенном созерцании и нашло свое непосредственное отражение не только в византийском, но и русском искусстве: в творчестве Феофана Грека, преп. Андрея Рублева, Дионисия и др.

Среди огромного количества искусствоведческих исследований, посвященных влиянию исихазма на византийскую и русскую культуру, большинство касались преимущественно искусствоведческого анализа византийской и русской иконы. Вместе с тем мы сталкиваемся с тем, что еще недостаточно работ, в которых бы осуществлялся всесторонний культурологический и философско-богословский анализ иконописного образа в интеллектуальной культуре византийского и русского исихазма. Недостаточно также работ, посвященных непосредственно анализу богословских категорий сущности, энергии, ипостаси в византийской и русской иконописи XIV-XV вв.

Цель исследования: показать влияние тринитарного богословия исихазма, его учения о сущности, энергии и ипостаси на иконографию в сакральном искусстве Византии и Древней Руси, показать ее связь с культурным контекстом эпохи.

В связи с поставленной целью необходимо выполнить следующие задачи:

1. Выявить специфику учения исихазма о сущности, энергии и ипостаси, показать его влияние на богословие света в иконописи исихазма.
2. На материале памятников восточно-христианского искусства показать особенности иконографии «Троицы», проследить ее связь с общекультурным контекстом эпохи: в частности, с философско-богословскими направлениями византийской мысли.

Паламитские споры явились знаменательной вехой в истории византийской культуры: это было время так называемого «Палеологовского ренессанса», охарактеризовавшегося не только подъемом искусства, но и интеллектуальной культуры в целом. Здесь столкнулись два направления: гуманизм и исихазм. Главным представителем первого направления был Варлаам Калабрийский, а второго – свт. Григорий Палама. Их спор о пути богопознания касался таких фундаментальных категорий как «сущность» и «энергия». Уточнение этих формулировок было крайне важным не только в связи с необходимостью защиты православного вероучения в полемике с латинским Западом, но также и в связи с разгоревшейся полемикой относительно практики умной молитвы. В это время также окончательно кристаллизуется богословская составляющая в искусстве, получившая название «богословия в красках», поскольку основными доминантами его становятся свет и цвет.

Характерная черта богословия свт. Григория Паламы состояла в том, что в вопросе о путях богопознания он отстаивал тезис о различии в Боге не только категорий сущности и ипостаси, что было уже подробно рассмотрено в ходе триадологических споров IV-го века, но и сущности и энергии. Учение свт. Григория Паламы о божественной энергии было связано с вопросом о природе Фаворского Света: является ли он нетварным или же имеет тварную природу.

Пolemика началась с критики Варлаамом практики умного делания, с которой он познакомился на Афоне, спор перешел в область рассуждений о возможности

богообщения вообще, где на первое место выступил вопрос о соотношении божественной сущности и энергии.

Выступив в защиту священо безмолвствующих – исихастов, свт. Григорий Палама утверждал, что Бог, будучи непознаваемым по сущности, открывается нам непосредственно в своих энергиях [1, С. 13]. Святителем не отрицалась трансцендентность Божества. Вместе с тем, будучи сокрытым от мира, Бог не является самозамкнутой монадой – Он раскрывает Себя через благодатное действие. Условием этого мистического богопознания является причастность человека божественным энергиям [2, С. 54].

Защищая метод умного делания, свт. Григорий Палама отмечает, что целью его является соединение с Богом. Это достигается посредством сосредоточения ума в сердце, поскольку именно из сердца исходят греховные помыслы. Постоянное призывание Бога вкупе с покаянием, смирением, любовью, деланием добрых дел, нейтрализует их. Поэтому сведение ума в сердце составляет неотъемлемую часть монашеской аскезы. Побеждая действие вражеских помыслов, монах достигает состояния исихии, когда дух уже полностью пребывает в Боге, успокаивается в нем.

Заблуждение Варлаама относительно практики умного делания состояло в неправильном понимании соотношения божественной сущности и энергии, которое более соответствовало богословию Фомы Аквинского, у которого сущность и энергия сливались. Это положение вытекало из идеи абсолютной простоты Бога, на которой в особенности делался акцент в западном богословии.

Главным аспектом спора относительно природы божественной энергии стал вопрос о Фаворском Свете. Варлаамом Калабрийским природа Фаворского света рассматривалась как тварное явление, создаваемое Богом в различных откровениях, тогда как свт. Григорий Палама, опираясь на святоотеческое Предание и свидетельство священного Писания, настаивал на его нетварности.

Аргумент Варлаама был следующим: будучи тварным по природе, Фаворский Свет лишь указывал ученикам на Бога, но не соединял с Ним. Из этого вытекало утверждение о том, что Фаворский Свет, который видели ученики Христовы, был на самом деле обычным физическим явлением.

Позиция свт. Григория Паламы была иной, она строилась на отличии сущности и энергии, отсюда Фаворский Свет был не простым явлением, как утверждал Варлаам, а действием божественной благодати, энергии, неотделимой от божественной сущности [3, С. 93–94]. Ошибочность позиции Варлаама состояла еще и в том, что созерцание божественного Света, о котором говорили афонские монахи, он считал невозможным. Причиной такого неприятия было искаженное понимание им мистического знания как чувственного или образно-фантазийного.

Напротив, исихастская практика созерцательной молитвы отсекала какие-либо чувственные образы. Отсюда, метод чувственных аллегорий и аналогий не являлся допустимым в изображении. Так, например, в иконографии Троицы указанием на троичность Лиц служит лишь единственный библейский сюжет – «Гостеприимство Авраама», отсюда в византийском искусстве не допускалось иных неканонических изображений.

Учение о Фаворском Свете нашло также свое отражение в специальных приемах: в использовании движков и пробелов, в создании особых световых эффектов. Наглядным примером являются росписи византийских храмов (церковь мон. Хора, Богоматери Памакростос, св. Апостолов в Фессалонике, Богоматери Перивлелты в Мистре и др.), а также искусство македонской школы, и в частности, творчество Мануила Панселина.

Итак, после победы паламитского учения искусство палеологовского периода переживает подъем. Основываясь на духовных ценностях исихазма, особый акцент делается на учении о нетварном Фаворском Свете. Отсюда возникает такое обилие золотого и белого цвета в сакральных изображениях этого периода. Следует отметить, что икона – богословие в красках, является, также как и Священное Писание, сакральным текстом. На это указывают не только сюжеты, взятые из Писания, но и само значение иконописного изображения как образа божественного Первообраза. Характерной чертой живописи света становится созерцательность, где основной идеей становится достижение исихии, молитвенного предстояния перед Богом. Как отмечает прот. Иоанн Мейнедорф, «для понимания сущности византийского и связанного с ним восточно-европейского средневекового искусства необходимо учитывать цельность мировоззрения, объединявшего и мысль, и искусство. Важным элементом этого мировоззрения было богословие образа, или "иконы", унаследованное от антииконоборческих споров VIII—IX вв. и основанное на самом главном пункте христианского учения: божественный Логос стал человеком, а тем самым стал и видимым, т. е. также изобразимым, не переставая при этом быть трансцендентным. Это основное положение определяло сущность образа и задачу художника: оно требовало от последнего некоего "умозрения в красках". Именно эта специфическая черта византийского искусства заменилась в искусстве западного "Ренессанса" независимыми автономными эстетическими исканиями» [4, С. 300].

Под влиянием исихастских идей в византийском искусстве меняется также трактовка образов: их характерной чертой является особый созерцательный светоносность, в буквальном смысле слова пронизанность божественным светом. Как отмечает В.В. Бычков: «... наряду с красотой и прекрасным, византийская эстетика выдвинула еще одну эстетическую категорию ... имеющую в целом самостоятельное значение, – свет» [5, С. 93]. Эта светоносность усиливается специфическими художественными приемами: белильными штрихами, символизирующими божественные энергии, контрастом светлых и темных тонов, с помощью интенсивных мазков, создающих яркие световые вспышки и блики, при помощи ассиста, высветляющих ткань одежды и пр. Сильное сияние света придает цвету особую легкость и, вместе с тем, насыщенность, глубоким свечением наполняя цвета одежд Христа-Спасителя, Богоматери и святых. По контрасту с этим светом общий колорит иногда выглядит более темным. Замысел такого искусства – созерцание преображенной материи, пространства, осененных светом божественной благодати. Активизация динамического центра в иконе создается излучением света из одной точки, выделением фигуры или центральной композиционной оси. Наблюдается эстетическая инверсия (антиномическое противопоставление канонов

внешней и внутренней красоты, духовного покоя-тишины и ликования, духовной радости, сочетание тем «божественного» и «человеческого») и духовная экстаичность, как плод исихастской сосредоточенности. Мистический настрой и вдохновенность становятся главными организаторами богословского содержания иконы. Этому соответствует сакральная символика цветовой гаммы, подчеркивающая выразительность и сложную семантику цветов. Усиливается также внутреннее погружение и сердечная углубленность, требующие созерцания, молитвенного безмолвия.

Таким образом, метафизика света в исихазме играет особую роль, где, по словам Дионисия Ареопагита, «свет происходит от блага и является образом благодати» [6, С. 303]. Можно сказать, что свет и цвет являлись основными категориями византийского Ренессанса, в иконе и фреске свет символизирует и сияние Христовой Славы, и образ восхождения человека к Богу. Иллюстрацией этого является образ Христа-Пантократора из Государственного Эрмитажа – икона была написана в 1303 году для монастыря Христа-Пантократора на Афоне. Икона поражает своим величием и монументальностью, образ Вседержителя излучает свет – свет исходит из очей Спасителя, светом пронизан Его лик, руки, свет излучают и Его одежды. Этот мощный, интенсивный свет, исходящий из иконы создает особое молитвенное настроение. Через Иисусову молитву человек становится причастным Богу, молитва открывает перед ним глубину и беспредельность царства Божия – царства Света. Эту мощную силу света подчеркивают сияющие краски, этот эффект внутреннего горения усиливается белильными штрихами, они создают игру свет и цвета, многообразие переливающихся красок. В этих тончайших переходах тонов и переливах мы видим свет божественных энергий, которые, согласно богословию исихазма, передаются, сообщаются человеку, делая его причастным Богу. Здесь Бог открывает Себя человеку, призывая его к Себе, эта безграничная божественная любовь дарует блуждающему во тьме человеку свет истины, свет спасения. Цель человека – стать причастником божественного таинства, соединиться с Христом, открыв ему свое сердце. На это и направлена духовная борьба – постоянное призывание Бога в Иисусовой молитве открывает возможность богопознания и боговидения. Будучи причастным божественной энергии – благодати, человек обретает утраченное в результате грехопадения единство с Богом.

Раскрытие этого богословия света можно видеть и в иконе «Архангела Михаила» из Византийского музея в Афинах. По своему художественному стилю икона близка изображению «Христа Пантократора», «Богоматери Перивлепты» из музея Троице-Сергиевой Лавры, «Троицы» из Афинского музея Бенаки и др.

Богословие света свт. Григория Паламы нашло свое отражение и в монументальной живописи – в мозаике и фреске. Наиболее ярким примером этой мистики света являются росписи монастыря Хора, которые поражают своим непревзойденным мастерством и выразительностью образов. Следует особо отметить легкость и прозрачность красок, создающих эффект внутреннего свечения. Сочетание золотого и синего, белого и красного, зеленого и золотого цветов усиливают глубину света, перед зрителем предстает блистающий драгоценными камнями образ небесного Иерусалима. Этот чистый свет, лучистые, огненные

краски сочетаются с энергичным ритмом, что придает фрескам особую музыкальность. Как отмечает В.Н. Лазарев, «Особенно эффектны красочные переливы на одеяниях, где широчайшим образом использованы шанжирующие тона. Здесь белый цвет сочетается с оливково-зелеными, серыми, голубоватыми, сиреневыми и бледно-фиолетовыми тонами, а голубой цвет с фиолетовыми и красновато-коричневыми. Рядом с этой утонченной, ослепительно богатой палитрой краски Джотто могут показаться пестрыми и примитивными» [7, С.160].

Не только специфические художественные приемы, но и сама иконографическая программа монастыря Хора построена на паламитском богословии света, где основными темами являются темы Преображения и Воскресения. Росписи храма построены так, что зритель совершает своеобразное восхождение к Богу: внимание зрителя обращено с Запада на Восток – это традиционная схема расположения сюжетов, где история начинается с творения мира и заканчивается Страшным судом и всеобщим воскресением умерших. Само слово «хора» означает не только определенное место, пространство, но это еще и пространство иконическое, возводящее к созерцанию ноуменального мира. На это указывают надписи перед входом в нартекс, где расположены три образа Иисуса Христа и Богоматери: «Иисус Христос – вместилище (хора) живых», «Матерь Божия – вместилище Невместимого»¹.

Подобно тому как при «умной молитве» взор верующего обращается внутрь, в сердце, так внимание живописцев сосредоточилось на значении, сути христианского учения. Главное место в системе росписей, в конхе апсиды напротив входа, занимает сцена Сошествия Христа во ад. Сын Божий, претерпевший мучения и смерть на кресте, победил силы ада. Связаны бесы, сломаны адские врата, разбросаны ключи и запоры. Христос в белых одеждах стремительным движением поднимает из гробов прародителей Адама и Еву, чей первородный грех Он искупил Своей кровью; по обе стороны теснятся праведники, готовые к восшествию в рай. Светлые одежды Христа и белый с золотыми звёздами ореол его Божественной славы создают физическое ощущение света, исходящего от Христа. Свет источает и лик, и это особенно поражает именно на фреске, которой не присуща светоносность мозаики. Художник добился этого сильно высветлив лицо Христа. Лоб, щёки и нос прописаны тонким слоем белил, поэтому по контрасту с тёмными волосами и бородой лик кажется светящимся, поистине светоносным.

Особенностью росписей церкви монастыря Хора является соединение двух традиций – эллинистической, с ее экспрессией и изысканной утонченностью, необычайно богатой палитрой с переливами голубовато-синего, белого, золотого, розово-фиолетового и пурпурно-красного цвета, и аскетической с ее глубиной образов, особым акцентом на созерцании, молитвенном безмолвии и сосредоточенности, связанным с исихастской аскетикой умного делания. Построенный по инициативе Федора Метохита – блестящего интеллектуала, знатока античной культуры, он соединил в себе черты гуманистического и мистического течения византийской мысли. По своему строению храм отличается

¹ Эпитет «Хора тон Зонтос» (Страна Живых) является аллюзией на стих 114-го псалма: «Буду ходить пред лицом Господним в стране Живых».

легкостью, в нем монументальность и торжественность соединяется с динамизмом и экспрессивностью образов. Два цикла иконографической программы – жизнь Иисуса Христа и Девы Марии раскрывают всю многогранность и глубину исихастской христологии и антропологии. Основная идея здесь – это учение об обожении человека, его воскресении и спасении.

С росписью монастыря Хора перекликаются мозаики церкви Марии Паммакарistos в Константинополе и церкви Святых апостолов в Фессалонике. – здесь мы наблюдаем ту же повышенную эмоциональность и утонченность, золотой свет струится тонкой паутиной линий, как-бы истончая материю, делая ее прозрачной, фактически невидимой, невесомой. Земная и небесная природа пронизаны этим льющимся светом. Но, в отличие от стиля монастыря Хора, здесь все более усиливается аскетическая направленность – ее мы видим в образе Христа-Панократора «Среди образов этого ансамбля, прославленных классической красотой и деликатным мастерством, они все выделяются неожиданной строгостью длиннобородых лиц, пронзительностью выражения, углубленностью взглядов» – пишет О.С. Попова [8, С. 381]

Новый стиль, характерный для константинопольской школы, проникает также на периферию: в Мистру, о чем свидетельствуют росписи церкви Богоматери Перивлепты и Пантанассы, и в Фессалонику, найдя отражение в базилике св. Димитрия и церкви св. Апостолов. Как отмечает В.Н. Лазарев, «Здесь те же сложные повороты фигур, те же как бы надутые одеяния, те же подчеркнуто пространственные архитектурные кулисы с широким применением античных мотивов, та же обработка беспокойных, ломких складок, те же орнаментированные медальоны между евангельскими композициями на сводах. По-видимому, салоникиские мозаики выполнены при участии столичных мастеров, тем более что их заказчиком был константинопольский патриарх. Нельзя не вспомнить и о связях с Салониками Феодора Метохита, который неоднократно бывал здесь, где должность губернатора занимал паниперсеваст Иоанн Палеолог, зять великого логофета». [7, С. 173]

Этот стиль, позволил заново осмыслить наследие античности в свете нового раскрытия богословского учения, где главной доминантой становятся свет и цвет. Подобный синтез греческих живописных и архитектурных форм с аскетическим началом в восточном искусстве нашел свое отражение и в культуре Трапезундской империи. Свидетельством этого является храм Святой Софии, ставший символом могущества и силы новой империи. В апсиде расположенной в ней часовни представлен Деисусный чин с изображением Христа Пантократора с предстоящими Иоанном Крестителем и Богородицею. Примечательно, что Деисус совмещен со сценой видения пророка Иезекииля. Под Деисусом в башне монастыря – Тайная вечеря, в нижнем регистре – Служба св. Отцов. Как отмечает В.Н. Лазарев: «По-видимому, и в Трапезунде развитие палеологовского стиля было связано с проникновением столичных образцов. Палеологовские черты ясно дают о себе знать в росписях западных пещер церкви св. Саввы (КыркБаттал). Но они наслаиваются здесь на чисто восточные традиции, противоположные импортированным неоэллинистическим формам... Подчеркнутое движение, широкая манера письма,

развитой архитектурный фон – все это черты нового стиля. Но с ними мирно уживаются элементы старого восточного искусства: схематизм композиционных построений, страдающих от перегруженности, местами сильно акцентированная линейность, ярко выраженные восточные типы лиц» [7, С.174].

Когда византийское богословие пришло на Русь, оно нашло свое воплощение в аскетической практике и оказало влияние на церковное искусство. Так, исихастские идеи начали распространяться еще при митрополите Феогносте в XIV в. Свидетельством этого является переводная литература, в большом количестве пришедшая с Балкан. Творения свт. Григория Паламы были хорошо известны русским подвижникам. Не менее известны были сочинения свв. Дионисия Ареопагита, Симеона Нового Богослова, Иоанна Лествичника, «Диоптра» Филиппа Пустынника. Практика исихазма была тесно связана с деятельностью преподобного Сергия Радонежского, чей подвижнический подвиг способствовал не только религиозному, но и национальному подъему.

Учение исихазма оказало значительное влияние также и на борьбу с еретическими течениями, бытовавшими в то время. Это была не только полемика с Западом по поводу исхождения Святого Духа, но и борьба с самобытными ересями, возникшими на русской почве, и нашедшими свое отражение в эсхатологических настроениях времени. Особенностью этих движений был антитринитаризм, который вытекал из отрицания догмата о единосущности и нераздельности Лиц Пресвятой Троицы. Столкнувшись с еретическими учениями, Церковь была вынуждена снова отстаивать чистоту православного вероучения, обратившись к наследию Святых Отцов.

Исихастское учение отстаивало истинность православного вероучения в полемике с латинянами. Аргументы, приведенные свт. Григорием Паламой, позволили не только осудить ересь латинства, но и показать несостоятельность некоторых мистических учений – в частности, ереси богомилства, под влиянием которой возникло на Руси стригольничество и жидовство. Этот паламитский синтез наиболее отчетливо был представлен в искусстве великих иконописцев – преп. Феофана Грека, Андрея Рублева, Дионисия Московского, где богословие исихазма отразилось во всей своей полноте. Каждый из художников так или иначе воплотил в своем творчестве богословие света, разлив, и даже в большей степени завершив паламитское учение о нетварном Фаворском Свете. Таким образом, мистика исихазма была тесным образом связана с догматикой. Задачей художников было средствами искусства наиболее полно раскрыть догматическое учение Церкви об обожении и воскресении. Необходимость борьбы с различными ересями требовала глубокой образованности духовенства, восстановления монастырей и школ после разорения, принесенного монголо-татарским нашествием. Победа в куликовской битве стала своеобразным рубежом в русской культуре – с нее начинается национальный подъем и возрождение культуры, которое Д.С. Лихачевым будет названо «русским Предвозрождением» [9, С. 311–324]. В это время вместе с произведениями византийских подвижников-исихастов, на Русь приходит новый стиль. Здесь также, как и в Византии прослеживаются две линии – эллинистическая

и более строгая, аскетическая, которая нашла широкое распространение в монументальной живописи и иконе.

Кульминационным моментом воплощения идей исихазма в иконописи на Руси стало творчество великих иконописцев: Феофана Грека, Андрея Рублева и Дионисия Московского. У всех трех художников было разное прочтение образа Троицы, но вместе с тем все они максимально раскрыли в своем творчестве догматическое учение.

Появление в Москве преп. Феофана Грека было связано с развитием константинопольской традиции на Руси. Епифаний Премудрый, описывая житие подвижника, перечисляет города, где он работал: Константинополь, Халкидон, Галата, Кафа. Как художник Феофан сложился в те годы, когда исихастские споры достигли высшего накала и он не мог остаться от них в стороне. Он в совершенстве знал все тонкости палеологовской эстетики, имел при себе собрание новейших образцов. Епифаний характеризует его как «философа зело хитрого» [10, С. 17–18]. Эта философичность, выраженная в богословии света, нашла свое отражение в росписи церкви Спаса Преображения на Ильине улице.

Композиция росписей указывает на тему предстояния перед Богом. Изображение Христа-Пантократора в подкупольном пространстве является своеобразным композиционным центром, свойственным византийскому типу крестово-купольного храма. От него, как лучи, отходят изображения ветхозаветных пророков, святых и столпников. Росписи храма указывают на единство Церкви и делают акцент на главном из таинств – таинстве евхаристии. Тема единства здесь основная, она указывает на вечность и неразрушимость Церкви, главой которой является Христос. Исихастская символика проявляется и в том, что «сцены, представленные в росписи, не сливаются друг с другом в непрерывную цепь повествования, но являют собой тайны преображенного мира, в котором уже пребывает Господь. Храмовое пространство воспринято как вмещилище бесконечного космоса, содержимого непознаваемой и величественной силой – Сущим, объемлющим в Себе всю целокупность бытия» [11, С. 164]. На эту целокупность и цельность указывает изображение Троицы – акцент здесь делается на единосущие. Вписанность фигур в круг (круглый медальон) указывает на нераздельность: каждое Лицо Троицы находит свое отражение в Другом. Такое взаимодействие Лиц именуется перихорезой. Можно сказать, что изображение Лиц, их единство в молитвенном безмолвии указывают на личное общение человека с Богом. Здесь идеалом внутреннего созерцания становится безмолвие исихии, когда Божество проникает в человека, исполняет его Своей благодатью. Созерцая Его, обращаясь к Нему в молитве, человек обоживается, становится богоподобным.

Исихия у Феофана неотделима от Церкви. Вне Церкви, вне литургии, вне аскетики и послушания обожение невозможно – быть причастным Богу невозможно без участия в таинствах Церкви. Поэтому Церковь есть столп и утверждение истины, основание жизни каждого христианина. Как отмечает Г. Колпакова, обращение к евхаристической теме не случайно: «Существенное значение для искусства приобретает литургическая реформа конца столетия, связанная с повсеместным введением так называемого Диатаксиса патриарха Филофея Коккина.

Монах Великой лавры на Афоне и ученик Паламы в литургических преобразованиях продолжил дело преподобного Григория, который подчеркивал, что восприятие Христа невозможно без евхаристии – основы и центра церковной жизни» [11, С.164].

Особое внимание в росписи Феофана следует уделить свету и цвету. Указанием на Град Небесный, Новый Иерусалим, служит огненный цвет – охра. Она символизирует Божественный огонь: для праведников огонь благодатный, животворящий, для грешников – пополающий. Огненный цвет сочетается с голубым и белым, которые обозначают Царство Небесное, нетварный Фаворский Свет. Именно эта пронизанность светом характеризует живопись Феофана, указывает на его принадлежность исихастской традиции. Отсюда образ Троицы – это образ грядущего Преображения и обновления всей твари. Вместе с тем это преобразование невозможно без евхаристии, где происходит единение человека с Богом. Троица у художника является еще и указанием на евхаристическую трапезу.

Именно этот евхаристический момент мы находим и в творчестве преп. Андрея Рублева. Можно сказать, с его появлением открывается новая и самая значительная глава в истории московской иконописи. Многим в своем творчестве он обязан Феофану Греку, с которым вместе работал. Однако образ Рублева несколько иной. Акцент делается на откровении божественной любви, отсюда берутся легкость и прозрачность его красок. Знаменитая «Троица» преп. Андрея Рублева оценивается многими искусствоведами как кульминационная работа, которая была создана А. Рублевым в полном расцвете его творческих сил и написана в память о Сергии Радонежском. Икона стала храмовым образом Троицкого собора, воздвигнутого на месте более старой деревянной церкви. Когда Рублев приступил к писанию заказанного ему образа, тема Троицы вызвала живой интерес. Перед художником была поставлена задача продемонстрировать в назидаение инакомыслящим абсолютное единство и равенство Трех Лиц. Таким образом, «Троица» преп. Андрея Рублева раскрывает семантику единосущия Лиц и различия ипостасных свойств с помощью специфических художественных приемов – композиции, света и цвета, расположения фигур Ангелов, а также жестов, символики одежд и элементов пейзажа на заднем плане.

Характерной чертой иконы является то, что в ней нет активного действия. Это не простое повторение известного библейского сюжета Гостеприимства Авраама. В полном безмолвии на невысоких седалищах восседают три Ангела. Их головы слегка наклонены, взгляд устремлен в бесконечность. В центре находится стол, на котором стоит чаша с головой жертвенного тельца. Он означает и ветхозаветную жертву, и новозаветную, указывающую на таинство евхаристии. Руки ангелов благословляют чашу, символизирующую еще и жертву любви. Вся композиция построена так, что перед нами образуется треугольник, вписанный в круг, – указание на единосущие и нераздельность.

Большинством искусствоведов предпринимается попытка толкования образов ангелов: какой из них является Отцом, Сыном и Святым Духом? Как известно, в трактовке образов нет единства мнений. И это не случайно, поскольку тайна троического догмата заключается в том, что Лица Троицы невозможно разделить,

поэтому автор и не дает ясного указания на каждое Лицо. Более того, он как бы усложняет сюжет, намеренно помещая на заднем плане изображения горы, дерева и каменных палат. Конечно же, данные образы использовались и до Рублева. Но особенность состоит в расстановке акцентов. Во-первых, что касается ангелов, то благословляющий жест у всех трех свидетельствует об их единстве. Вместе с тем здесь есть намек и на ипостасные свойства – одеяния ангелов, синий гиматий и красный плащ как указание на богочеловеческую природу Христа, зеленый плащ как указание на Духа. Но особенность состоит в том, что во всех Трех можно найти свойства Отца, Сына и Святого Духа. Точно так же и образы на заднем плане: дерево может быть указанием на божество Отца (Мамврийский дуб), Сына (цветущая смоковница), Святого Духа (маслина). Гора может быть символом горы Синай, на которой Моисею были даны десять заповедей, Голгофы, где был распят Христос, Горы как символа духовного восхождения и преображения («Горе имеем сердца» - такой возглас произносится на Литургии). Что касается каменных палат, то в них мы можем видеть и символ ветхозаветного храма, и символ Христовой Новозаветной Церкви (два этажа указывают на богочеловеческую природу Христа), и небесный Иерусалим - царство Духа Святого.

Суммируя вышеизложенное, можно предположить, что автор создает такой образ намеренно, зритель находит в нем не один, а множество смыслов, но эта множественность не уводит его от учения Церкви, а, напротив, дает понять всю многосложность и одновременно глубину троического догмата. Как отмечает Б. Раушенбах, «отталкиваясь от ветхозаветного рассказа о встрече Авраама с Богом, Рублев сознательно устранил из иконы все бытовое, дольное и дал изумительное изображение горнего мира. Рублеву удастся сделать так, что созерцающий икону видит троичный догмат в его полноте» [12, С. 306]. Недаром иконография рублевской «Троицы» стала весьма распространенной на Руси и была принята Стоглавым собором за иконописный образец, наиболее полно раскрывающий вероучение Церкви.

Особенность рублевского иконописания раскрывается еще и в передаче света и цвета. В отличие от Феофана здесь используется не огненная охра, а мягкие, прозрачные цвета. Знаменитый рублевский голубец указывает на глубину и вечность Небесного Царства. Как отмечает И. Грабарь, «краски "Троицы" являют редчайший образец ярких цветов, объединенных в точно прочувствованную гармонию взаимоотношений. Построенная на сочетании оттенков. Цветовая гамма "Троицы" неожиданно повышается до степени ярчайших голубых узоров, брошенных с бесспорным художественным тактом и чувством меры» [13, С. 86].

Эта лиричность и прозрачность красок характерна не только для «Троицы», прозрачную яркость голубой лазури (знаменитого рублевского голубца) мы находим в образе Архангела Михаила из звенигородского чина: этот образ перекликается с ангельскими образами «Троицы» – здесь находит свое выражение та же созерцательность и кротость и, вместе с тем, внутренняя духовная сила. В образе Архангела Михаила мы видим сочетание спокойствия и решительности – перед нами предстает утонченная красота юного лика и решимость бесстрашного воина, победителя сатаны. Иллюстрацией к этому образу являются слова ап. Павла:

«наша брань не против плоти и крови, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие ... станьте препоясавши чресла ваши истиной, и облекшись в броню праведности ... а паче всего возьмите щит веры... и шлем спасения, и меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф. 12-17).

Усиление света при помощи движков, создающих эффект сияния, мы находим в центральном образе звенигородского чина – Спаса. Несмотря на полную сохранность иконы, в облике Спаса мы видим сосредоточенность и углубленность и, вместе с тем, открытость человеку. Здесь «милость и истина светятся, правда и мир облобызаются» (Пс. 84.11). Тончайшая техника наложения плавей с лессировочными переходами создает эффект внутреннего сияния – во всем господствует свет, но свет не ослепляющий и пожигающий, а мягкий, струящийся свет всепроникающей божественной любви.

Уникальная трактовка света и цвета представлена также в «Воскрешении Лазаря»: здесь мы видим, как свет и цвет играют смыслообразующую функцию. Так, белый цвет пещеры символизирует победу света над тьмой: воскрешение Лазаря становится символом победы над смертью и адом, символом Воскресения Христа-Спасителя. Белый цвет здесь имеет ту же богословскую трактовку, что и в росписи монастыря Хора – он знаменует также нетварный божественный Свет, божественную энергию. Свет, озаряющий пещеру является прообразом «Сшествия во Ад».

Подобная символика используется преп. Андреем Рублевым и в сцене Страшного Суда Успенского Собора, где «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир» (Ин. 3.19). В зените свода центрального нефа – образ Христа, грядущего в мир, Его фигура устремлена в движении навстречу ожидающим. Грозная величественность Христа не превращает его образ в мрачный символ неотвратимого возмездия, не лишает ореола светлой и радостной силы. Он – не столько грозный судья, сколько милостивый Спаситель, призвавший весь человеческий род к спасению. По склонам свода размещены восседающие на престолах двенадцать Апостолов, а за ними предстают сонмы ангелов и святых. Краски фресок спокойные, лики святых и ангелов кроткие. Основная идея «Страшного Суда» преп. Андрея Рублева состоит в том, что Бог полон милосердия и сострадания к человечеству. Вся композиция пронизана тихим светом и наполнена радостью ожидания. Гармония и согласие, мудрость и благородство сочетаются в образах апостолов, беседующих с ангелами. «Совершенная любовь изгоняет страх». У Рублёва – свет, приходящий в мир, и есть преображающая любовь.

Продолжение рублевской традиции находим в творчестве Дионисия. Как отмечает В.М. Алпатов, «в искусстве Дионисия много одухотворенности, нравственного благородства, тонкости чувства, и это связывает его с лучшими традициями А. Рублева» [14, С. 240]. Искусство Дионисия является также откровением «умного света», ведущим к боговидению, созерцанию Божественного света или энергии. Дионисий раскрывает православное вероучение об обожении всей твари, которая достигается через святость. Особенно ярко эта идея прослеживается в росписи Ферапонтова монастыря – единственного цикла фресок,

сохранившегося полностью. Работе Дионисия относят лишь несколько фресок, все остальные являются творчеством других мастеров, среди которых, предположительно, были его сыновья [15, С. 286]. Здесь прослеживается главная мысль художника – через прославление Богородицы воспеть весь род человеческий, предстоящий перед Богом. Художник показывает исповедание веры, прослеживая исторический путь Церкви от древности до конца времен, завершающийся вторым пришествием Спасителя.

Такой акцент на церковном единстве был сделан не случайно: творчество Дионисия приходится на годы правления Ивана III, когда происходит процесс объединения русских земель вокруг Москвы. Поэтому в цикле, посвященном Рождеству Богородицы, он показывает тесную связь догматического учения с историческим развитием Церкви. Не меньшее внимание он уделяет и аскетической составляющей: одухотворенность, прозрачность красок, пронизанность светом указывают на путь созерцания, на умную молитву, являющуюся лестницей духовного восхождения.

Таким образом, росписи показали и утвердили истинность православного учения (в первую очередь учения о Богородице как Приснодеве, Матери Христа, а также учения о Богочеловечестве Христа). В центре цикла росписей Дионисия находится образ Богородицы – Матери Света, из которой воссияло Солнце правды – Христос, и чрез которую благословляются и освящаются все роды земные. Так, в подкупольном пространстве, являющемся композиционным центром, мастер изображает Христа-Пантократора. На крестчатом нимбе Его начертано греческими буквами «Сый» (Суший), что указывает на Его единосущие с Отцом. «Видевший Меня видел и Отца» (Ин. 14:9), – говорится в Евангелии. На это указывают и благословляющий жест Христа. Иконографический образ Спасителя подчеркивает божественную природу Бога Слова – Второго Лица Троицы. Основная мысль Дионисия – показать действие Лиц через нетварные божественные энергии. Итак, цикл росписей показывает, что Господь Бог Иисус Христос участвует в создании мира, в историческом пути Церкви, в строительстве Небесного Царства. Поэтому не случайно в алтарной части мы видим изображение Богоматери-Одигитрии. Образ Богоматери указывает на истинность пути ко Христу, ибо через Христа и во Христе соединяется вся тварь, все человечество.

Богословие света у Дионисия, также как и в живописи Феофана Грека и Андрея Рублева, связано с учением исихазма: мастер передает его в переливах золотистого и розового цвета одежд святых, в прозрачной голубизне основного фона, где синий цвет является символом Богоматери. Мастера также отличает легкость и воздушность образов, и, вместе с тем, непринужденность и четкость композиции. Все это сочетается с удивительной гармоничностью деталей. Обращает на себя внимание также гармонически сочетающаяся цветовая гамма серебристых, розовых, сиреневых, золотистых, зеленых, синих красок, светлый колорит, радостные тона. Художник создает здесь особую атмосферу просветленности. Тема акафиста Божией Матери – центральная, подчиняя ей систему росписей, мастер изменяет традиционную иконографию, опустив сцены Успения, Страстей Господних. Вместо традиционной сцены «Причащения Апостолов» в сцене Евхаристии изображено

«Поклонение жертве». Художник показывает, что мистическое знание неразрывно связано с жизнью Церкви, с участием в церковных таинствах. Совершенно новой темой является и изображение Вселенских Соборов. На фреске «Страшный Суд», также как и у преп. Андрея Рублева, акцент делается на милосердии Божией Матери, выступающей заступницей рода человеческого. Как отмечает Н. К. Голейзовский «Композиции Дионисия построены с таким расчетом, что действующие лица как бы участвуют в общей молитве (которой придавал особое значение составитель «Послания» и в индивидуальной молитве каждого молящегося. Но в то же время изображенное – не молитва. Это результат «умного делания», ярко обрисованный в сочинениях исихастов. Вот как передает это состояние Нил Сорский: «Зрю свет, его же мир не имать, ... внутрь себе зрю творца миру, и беседую, и люблю, и ям, питался добре единым бо видением и съединився ему, небеса превъсхожду». В этом состоянии выясняется, что человек лучше ангелов, потому что бог им «невидим... еси существом, естеством же неприступен, мне же зрим всяко, и естеству твоему смешает ми ся существо»» [16, С. 238].

Учение исихазма находит свое отражение в цикле росписей собора. В то же время, художник показывает, что без Церкви невозможно спасение, ибо Церковь утверждена Богом и является столпом и утверждением истины.

Итак, мы видим, что учение свт. Григория Паламы о сущности и энергии нашло свое отражение в богословии света в искусстве. Свет и цвет здесь приобретают особое символическое значение – это и Свет божественной Премудрости, это и Свет, который увидели ученики Христовы на горе Фавор.

Учение исихазма оказало влияние на византийское и русское искусство – здесь меняется не только стиль и манера изображения, но также и сами образы: их характерной чертой становится созерцательность, акцент делается на умозрении. Отсюда возникает сосредоточенность, выраженная в ликах святых с помощью специальных художественных приемов – у Феофана Грека это суровость и аскетизм, у преп. Андрея Рублева мягкость и лиризм, у Дионисия – спокойствие и умиротворенность. Для русского искусства в большей степени было свойственно придерживаться аскетической линии, тогда как в византийском искусстве мы наблюдаем развитие как аскетической, так и маньеристской манеры письма. Но и в византийском, и в русском искусстве, несмотря на эти стилистические отличия, целью исихастской аскетики является обожение всего человеческого естества, души и тела. Это находит свое отражение в трансформации канона – в иконе постепенно исчезает монументальность, статика, ее сменяет динамика. С помощью специальных приемов высветляются лики, цвет приобретает особую звучность, насыщенность с одной стороны, и прозрачность с другой. Но самым важным моментом становится особое внимание к человеку, к его внутреннему миру, освященному действием божественной благодати.

Дальнейшее развитие русского искусства XVI-XVII вв. постепенно утрачивает эту связь с богословием исихазма, следствием чего стали кризисные явления, которые в дальнейшем привели к упадку иконописного искусства, к замене иконы картиной, где основной характеристикой стала повествовательная составляющая, а

свет и цвет уже не воспринимались как символы Божественного царства, став выражением земного света.

Список литературы.

1. Григорий Палама, свт. О божественном соединении и разделении / Свт. Григорий Палама, Свт. Трактаты. – Краснодар.: Текст. – 2007. – 251 с.
2. Григорий Палама, свт. Триады в защиту священнобезмолвствующих. – М.: Канон. – 1995. – 380 с.
3. Мандзаридис Георгий. Обожение человека по святителю Григорию Паламе. – Сергиев Посад.: Свято-Троицкая Сергиева лавра. – 2010. – 127 с.
4. Мейендорф Иоанн, прот. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в. // ТОДРЛ, т. 29, – М.-Л. – 1974, С. 291–305.
5. Бычков В. В. Византийская эстетика. – М.: Искусство. – 1977. – 199 с.
6. Дионисий Ареопагит. О Божественных именах /Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. – СПб.: Алетейя, Издательство Олега Абышко. – 2002. – 854 с.
7. Лазарев В. Н. История византийской живописи. – М.: Искусство. – 1986. – 332 с.
8. Попова О. С. Пути византийского искусства. – М.: Гамма-Пресс. – 2013. – 460 с.
9. Лихачев Д. С. Прошлое – будущему. – Л.: Наука. – 1985. – 585 с.
10. Епифаний Премудрый. Письмо Епифания к другу своему Кириллу / Пер. с др.-рус. и ком. А. И. Некрасова // Мастера искусства об искусстве. Т. 4. Избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов. – М.; Л.: Государственное издательство изобразительных искусств. – 1937. – С. 15–18.
11. Колпакова Г. Искусство Византии. Поздний период. – СПб.: Азбука-классика. – 2010. – 316 с.
12. Раушенбах Б. Предстоя Святей Троице. Передача троичного догмата в иконах / Раушенбах Б. Геометрия картины и зрительное восприятие. – М.: Азбука-классика. – 2002. – 320 с.
13. Грабарь И. Э. Андрей Рублев // Лазарев В. Н. Андрей Рублев и его школа. – М.: Искусство. – 1966. – 386 с.
14. Алпатов В. М. Всеобщая история искусств. В 3 тт. – М.: Искусство. – 1955. – Т.3. – 840 с.
15. Лазарев В. Н. Искусство Древней Руси. Мозаики и фрески. – М.: Искусство. – 2000. – 304 с.
16. Голейзовский Н.К. Голейзовский Н.К. «Послание иконописцу» и отголоски исихазма в русской живописи на рубеже XV-XVI вв. // Византийский временник. – 1965. – Том XXVI. – С. 219–238.

Kozareзова O.O. Semantics of the Categories of “Essence” and “Energy” in the Theology of St. Gregory Palamas and their Reflection in Byzantine and Russian Iconography // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 2. – P. 23–38.

The article deals with the influence of the doctrine of St. Gregory Palamas about the essence and energy on Byzantine and Russian art of the 14-15 century, where light and color become the main dominant. In this period the Hesychasts concept found expression in art: God is unknowable in his essence, but he reveals Himself through the divine energies pouring out by Him into the world. Hence, for Hesychast practice, the contemplation of the uncreated Tabor light is of great importance - through this light the ascetic enters into communion with the Incomprehensible God. Filled with this light, he joins with the divine life, becomes its partaker. The doctrine of St. Gregory Palamas about the uncreated Tabor light is being reflected in iconography, a characteristic feature of which becomes psychologism, a special prayerful mood and also artistic techniques, where light is the dominant component. For different icon painters this theology of light manifests itself in different ways: if in Byzantine art light manifests itself in the saturation of colors, the radiance of which resembles the shine of precious stones, then in Russian art the intensity of light is achieved by means of white strokes, whitewashes, engobes – so on the frescos of Theophanes the Greek only ochre and white are represented, at the St. Andrei Rublev blue color acquires a special sonority, at Dionysius – pink and gold. But, despite the difference in the artistic manner, the work of these artists is distinguished by a special philosophic, the main characteristic of their work is contemplation, asceticism, prayerful self-deepening associated with the Hesychast practice of mind prayer.

Keywords: Hesychasm, the doctrine on divine essence and energy, mind prayer, theology of light, Byzantine and Russian iconography.

References

1. Grigorij Palama, St. O bozhestvennom soedinenii i razdelenii [On Divine joining and division]. St. Grigorij Palama, Traktaty [Works]. Krasnodar, Tekst, 2007, 251 p.
2. Grigorij Palama, St. Triady v zashchitu svjashchennobezmolstvujushchih [Triads in defense of hesychasts]. Moscow, Kanon, 1995, 380 p.
3. Mandzaridis Georgij. Obozhenie cheloveka po svjatitelju Grigoriju Palame [The deification of man by St. Gregory Palamas]. Sergiev Posad, Svjato-Troickaja Sergieva lavra, 2010, 127 p.
4. Mejendorf Ioann, prot. O vizantijskom isihazme i ego roli v kul'turnom i istoricheskom razvitii Vostochnoj Evropy v XIV v. [On the Byzantine hesychasm and it's role for cultural and historical development of Eastern Europe in XV century]. TODRL, Moscow, Leningrad, 1974, Vol 29, P. 291–305.
5. Bychkov V. V. Vizantijskaja estetika [Byzantine aesthetics]. Moscow, Iskusstvo, 1977, 199 p.
6. Dionisij Areopagit. O Bozhestvennyh imenah [On Divine names]. Dionisij Areopagit. Sochinenija [Works]. Saint Petersburg, Aletejja, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2002, 854 p.
7. Lazarev V. N. Istorija vizantijskoj zhivopisi [The history of Byzantine painting]. Moscow, Iskusstvo, 1986, 332 p.
8. Popova O. S. Puti vizantijskogo iskusstva [The ways of Byzantine art]. Moscow, Gammma-Press, 2013, 460 p.
9. Lihachev D. S. Proshloe – budushchemu [The past to the future]. Leningrad, Nauka, 1985, 585 p.
10. Epifanij Premudryj. Pis'mo Epifanija k drugu svoemu Kirillu [Epiphanius's letter to his friend Cyril]. Masteraiskusstvaobiskusstve [Masters of art about art]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo izobrazitel'nyh iskusstv, 1937, Vol 4, P. 15–18.
11. Kolpakova G. Iskusstvo Vizantii. Pozdnij period. – SPb.: Azbuka-klassika, 2010, 316 s.
12. Raushenbah B. Predstojaja Svjatej Troice. Peredacha troichnogo dogmata v ikonah [Before the Holy Trinity. Transmission of the Trinitarian dogma in icon painting] / Raushenbah B. Geometrija kartiny i zritel'noe vosprijatie [The geometry of the picture and visual perception]. Moscow, Azbuka-klassika, 2002, 320 p.
13. Grabar' I. E. Andrej Rublev // Lazarev V. N. Andrej Rublev i ego shkola [Andrej Rublev and his school]. Moscow, Iskusstvo, 1966, 386 p.
14. Alpatov V. M. Vseobshchaja istorija iskusstv v 3 tomah [Universal art history in 3 vol]. Moscow, Iskusstvo, 1955, Vol 3, 840 p.
15. Lazarev V. N. Iskusstvo Drevnej Rusi. Mozaiki i freski [Art of Ancient Russia. Mosaics and frescoes]. Moscow, Iskusstvo, 2000, 304 p.
16. Golejzovskij N. K. Golejzovskij N. K. «Poslanie ikonopiscu» i otgoloski isihazma v russkoj zhivopisi na rubezhe XV–XVI vv. [“Message to the icon painter” and echoes of Hesychasm in Russian painting at the border of XV–XVI centuries]. Vizantijskij vremennik [Byzantine chronicles]. Moscow, Nauka, 1965, Vol XXVI, P. 219–238.

УДК 177.3

ОСМЫСЛЕНИЕ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ ГЕНДЕРА: ВЛИЯНИЕ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОГО СУБЪЕКТА¹

Самовольнова О. В.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: ovsamovolnova@gmail.com

В статье анализируется, как перформативные речевые акты, в том числе молчаливые, формируя дискурсивные конструкты нормальности или ненормальности, влияют на формирование гендерного субъекта. Это определяет актуальность работы, учитывая современную трактовку гендера как результата многочисленных перформативных актов. Новизна работы состоит в использовании методологических подходов в области гендерных исследований для анализа современных социальных процессов. Гендер рассматривается как перформативная репрезентация и процесс субъективации, осуществляемые дисциплинарным дискурсом и интерпеллятивным обращением власти в контексте социо-культурных практик. Отмечается, что государство играет ключевую роль в формировании необходимого гендерного субъекта, поскольку большая часть нашей жизни проходит в пространстве, которое регулирует государственный аппарат. Данный процесс осуществляется не только через речевой дискурс, но даже в случае молчаливой интерпелляции, когда никто не произносит ни слова. Например, в процессе заполнения формуляров, анкет, при цензуре, приеме на работу, в газетных статьях. Описывается, что для того, чтобы субъект был признан социумом, необходимо, чтобы он был сконструирован в рамках заданных государством норм, в том числе телесных, и прошел активацию в поле появления гендера. Данный механизм рассматривается на примере контроля за женскими телами, которые подвергаются постоянной стигматизации, стандартизируются и маркируются по тем или иным признакам нормальным или ненормальным в зависимости от целей государства. Однако гендерным репрессиям подвергаются не только женщины, но и национальные, религиозные и сексуальные меньшинства, а также пенсионеры и дети

Ключевые слова: гендер, перформативность, интерпелляция, пол, субъективация

Гендерная проблематика сегодня охватывает все сферы взаимоотношений. Сложно найти такую область, где не было бы заметно воздействие гендера и всего того, что с ним связано, на ключевые процессы: социальная и экономическая области, политическое управление, культура, государственная идеология, СМИ. В данной статье не стоит задача дать обзор концептуального развития гендерной теории. Мы хотели проанализировать связь между речевыми актами и конструированием необходимого гендерного субъекта, показать, что даже

¹ Позиция автора может не совпадать с позицией редколлегии журнала

бессловесные высказывания влияют на субъективацию. Мы стремились показать связь между политическими процессами и формированием гендера. Это, на наш взгляд, является актуальным, учитывая современную трактовку гендера как результата многочисленных перформативных актов, к которым, безусловно, относятся и дискурсивные: как социальные, так и политические высказывания. Новизна работы определяется использованием ряда методологических подходов, сформированных в области гендерных исследований для анализа современных социальных процессов. Это позволило, в частности, по-другому взглянуть на нормативы школьной формы для девочек и рассмотреть эту проблему как политическое высказывание, цель которого – начать формировать необходимый гендерный субъект уже в раннем возрасте. При этом мы полагаем, что возможно оставаться в границах законодательства РФ, в частности, закона, устанавливающего ответственность за «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних», и одновременно – обсуждать гендерную проблематику на теоретическом и методологическом уровне.

Термин «перформативность» ввел британский философ Джон Остин. Он выделил высказывания, которые порождают то, что они утверждают (иллокутивны), и высказывания, которые заставляют ряд событий произойти после произнесения (перлокутивны). Последний тип утверждения получит название «перформативные». Такие высказывания не являются бессмысленными, они не могут быть ни истинными, ни ложными. Тот, кто произносит перформативы, совершает эти самые действия. «Когда я говорю “я называю это судно «Королева Елизавета»”, я не описываю церемонию именованья, но тем самым, собственно, именую; когда я произношу “да” (“я беру эту женщину в законные жены”), я не сообщаю о свадебной церемонии, но тем самым, собственно, связываю себя узами брака» [1, С. 264]. К перформативным утверждениям относятся всевозможные вердикты и оценки, утверждение о взятии на себя обязательств или наложении их на других, договоры, правовые нормы и ряд других. При этом перформативное действие от произнесенных утверждений происходит независимо от желаний произносящего их. Самым простым примерами являются декларация войны, мира, судебные вердикты, объявление о заключении брака.

Американская исследовательница Джудит Батлер использует теорию Остина для концептуализации гендерной теории. По Батлер, гендер не является сущностью личности, неким аутентичным ядром, это не то, чем мы являемся на самом деле, а, напротив, «перформативная репрезентация, представляющая собой то, что мы совершаем в данный момент времени» [1, С. 6]. В теории Батлер гендер устанавливается в момент, когда медицинский персонал объявляет родившегося ребенка мальчиком или девочкой. И даже если этого объявления по каким-то причинам не было, то в дальнейшем гендер формируется заполнением многочисленных бланков, справок, через свидетельство о рождении. Наша жизнь начинается с фиксации гендера через дискурс, через перформативные высказывания. Французский лингвист Эмиль Бенвениста утверждает, что не существует ни одного перформативного утверждения, которое не являлось бы действием, всякое перформативное выражение речи есть акт власти [3]. Наша

идентичность вынужденно воспроизводится через язык и действия, через жесты, символы, через нормативные культурные акты. Так, по мнению американского социолога Джорджа Мида, «символизация конституирует объекты, которые не были конституированы прежде и не существовали бы, если бы не контекст социальных отношений, в котором происходит символизация. Язык не просто символизирует какую-то ситуацию или какой-то объект, которые бы заранее уже имелись налицо; он делает возможным существование или появление этой ситуации или этого объекта. Ибо он есть часть того механизма, в котором эта ситуация или этот объект только и создаются» [4]. Батлер отвергает существование додискурсивного «я». По ее словам, «гендерная идентичность не просто отражается в неких символах и ритуалах культуры, но формулируется непосредственно в момент “цитирования” этих символов и ритуалов, то есть в момент, когда символы и ритуалы существуют как дискурсивные акты» [5]. Идентичность для Батлер – не сущность вообще, а действие. У гендера? в отличие от пола, отсутствует предзаданность, он конструируется благодаря повторению игровых и перформативных практик, благодаря усвоению существующих в социуме норм, а воспроизводится в обществе за счет различных интерпелляций.

Батлер обращается к теории Луи Альтюссера. Субъект, согласно Альтюссеру, формируется в ответ на обращение, интерпелляцию (l'interpellation) власти к конкретному индивидууму. Подобное обращение может быть банальным окриком полицейского: «Эй, вы, там!». И в тот момент, когда окликаемый индивид оборачивается, и происходит субъективация. В самом развороте происходит признание индивида, что обращение адресовано именно ему, а не кому-то другому. В работе «По ту сторону интерпелляции» Мадлен Доллар пишет, что альтюссеровская интерпелляция базируется на преобразовании доидеологического состояния в идеологическое, которое после завершения процесса стирает следы своего существования, вселяя в субъекта веру в собственную автономность и причину самого себя. «И дискурсивное производство гендера показывает, что сращение <...> иллюзии, с реальностью настолько тесна, что абсолютно все, связанное с полом, как правило, кажется естественным, и любое отклонение должно казаться пугающим <...>, даже если речь всего лишь об отказе следовать явно неустойчивым конвенциям, существующим, например, в рамках моды и одного поведения» [6, С. 107]. По Альтюссеру, мы все всегда уже являемся субъектами и постоянно используем практику ритуального идеологического узнавания, которое дает нам гарантию, что мы – это действительно мы, что мы являемся отдельными субъектами, которых нельзя спутать с кем-либо другим/или заменить на другого. Альтюссер затрагивает гендерную проблематику (хотя она и не является темой его исследований). Он замечает, что «индивидуум всегда-уже является субъектом, еще до своего рождения, – это простая реальность, доступная каждому, в ней нет ничего парадоксального. <...> Таким образом, до своего рождения ребенок – это всегда-уже субъект, предписанный бытию особой семейной идеологической конфигурации, в которой его “ждали” после того, как он был зачат. Стоит ли говорить о том, что эта семейная идеологическая конфигурация структурирована в своем целом и что именно в этой неумолимой и более или менее “патологической”

(если можно употребить тут этот термин) структуре упомянутый будущий-субъект должен “найти” “свое” место, то есть “стать” тем сексуальным субъектом (мальчиком или девочкой), которым он уже заранее является» [7]. Согласно теории Альтюссера, формирование субъективной идентичности возможно только в рамках идеологии, действующей в том или ином типе идеологического аппарата государства. Альтюссер предлагает не только разделять государственную власть и государственный аппарат, но и ввести «другую реальность, касающуюся непосредственно (репрессивного) государственного аппарата, но не смешивающуюся с ним. Эту реальность мы будем называть идеологическими аппаратами государства» [7]. Альтюссер предлагает отличать их от репрессивного аппарата государства: правительства, армии, судов, тюрем и т.д., поскольку данные службы чаще всего функционируют, прибегая к помощи насилия. Идеологические аппараты государства (далее – ИАГ) есть «некоторое количество таких реальных явлений, которые предстают непосредственному наблюдателю в форме различных специализированных общественных институтов». К данным институтам относятся такие аппараты, как религиозный, школьный, семейный, политический, профсоюзный, юридический, информационный и культурный. В отличие от репрессивного аппарата идеологический функционирует с применением идеологии. Альтюссер пишет: «...можно констатировать, что если унифицированный (репрессивный) государственный аппарат целиком принадлежит общественной сфере, то значительная часть ИАГ (в своем очевидном рассредоточении), наоборот, относится к сфере частной. К этой сфере принадлежат церкви, партии, профсоюзы, семьи, некоторые школы, большинство газет, предприятий культуры и так далее» [7]. Современный австралийский социолог Рэйвин Коннел также видит в государственном аппарате важную роль в формировании гендерного субъекта. В своей работе «Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика» Коннел критикует современных исследователей, занимающихся вопросами гендера и конструирования гендерного субъекта, отмечая, что они (исследователи) чаще всего фокусируются на отношениях между людьми, игнорируя при этом роль государства. По мнению Коннела, это ошибочная методика, которая не позволяет нам до конца понять суть функционирования гендерной политики - ведь большая часть нашей жизни проходит в пространстве, которое регулируется государством. «Государства пытаются контролировать сексуальность: криминализируя гомосексуальность, законодательно устанавливая брачный возраст, юридически регулируя меры по предотвращению венерических заболеваний, СПИДа и т. п. Вторжение государства в половое разделение труда охватывает широкий спектр вопросов – от поддержки иммиграции до проведения политики равных возможностей. Государство регулирует рабочие места и семьи, обеспечивает возможность учиться в школе, строит дома» [8, С. 172]. Коннел выделяет четыре подхода к определению роли государства в гендерной политике: либеральный, дискурсивный, марксистский и патриархальный. Не будем останавливаться подробно на описании каждого из них. В данной статье нас интересует лишь второй, дискурсивный, связанный с именем Мишеля Фуко. Данный подход рассматривает государство в качестве аппарата для регуляции и доминирования.

Государство является аппаратом социального контроля, который влияет на гендерную политику через властные дискурсы. По мнению Коннел, подобная позиция «позволяет выйти за пределы представления о государстве как организации и обратиться к тому, как оно действует и как связано с повседневной жизнью» [8, С. 174].

Вернемся к теории интерпелляции. Джудит Батлер, анализируя теорию Альтюссера, считает, что она не объясняет то, по какой причине окликаемый субъект оборачивается. «Примечательно, что Альтюссер не дает и намека на то, почему этот индивидуум оборачивается, принимая голос как обращенный именно к нему или к ней и принимая субординацию и нормализацию, этим голосом вызванные. Почему субъект оборачивается на голос закона и каковы последствия такого оборота для инаугурации социального субъекта? Виновен ли этот субъект, и если да, то как он стал виновным? Необходима ли теории интерпелляции теория совести?» [9, С. 11]. Кроме этого, теория Альтюссера наделяет перформативной властью голос, то есть язык в форме речи. Но что делать с в этом случае с языком письменного дискурса или же с дискурсом бюрократической системы, где голос отсутствует? Отвечая на эти вопросы, Батлер приходит к заключению, что процесс интерпелляции осуществляется не только на уровне подчинения властному оклику, но и на уровне отрицания/отказа, когда окликаемый оборачивается только для того, чтобы опротестовать, объявить об ошибке: «Нет, это не я!». Однако во втором случае, интерпелляция оказывается более действенной, поскольку субъект не до конца уверен в коннотации самого оклика, содержит ли он в себе оскорбление или же имеет позитивное содержание. «Когда тебя окликают как “женщину”, “еврейку”, “ненормальную”, “черную”, “мексиканку”, то это можно услышать и интерпретировать и как подтверждение [твоей идентичности], и как оскорбление – в зависимости от контекста, в котором происходит оклик ... Имя прозвучало, и я уверен(а), что это мое имя, но оно не мое. Имя прозвучало, и я уверен(а) в том, что это имя мое, но оно включено в чью-то непонятную мне речь, или хуже – это кто-то кашлянул, или хуже – это двигатель какой-то машины издал звук, на мгновение напомнивший человеческий голос. Или же я уверен(а), что никто не заметил моей идентичности раздается вовсе не мое имя – это просто кашлянул прохожий, это высокий тон, изданный механизмом, – и пусть это мое имя, но все же я не признаю себя в субъекте, что в этот момент учреждает это имя» [9, С. 12]. Углубляясь в анализ теории интерпелляции Альтюссера, Батлер приходит к выводу, что наиболее эффективной интерпелляция оказывается в случае отсутствия вообще каких-либо речевых высказываний: процесс интерпелляции происходит даже там, где никто не произносит ни слова, а субъект не оборачивается. «Можно интерпеллировать, поставить на место, указать место посредством молчания, через неадресование, и это становится ужасающе очевидно в ситуации, когда мы предпочли бы быть униженными, чем чтобы к нам не обратились вообще» [9, С. 12]. Это особенно проявляется при приеме на работу, заполнении различных бюрократических формуляров, в цензуре, а также, по мнению Батлер, в политике по отношению к сексуальным и национальными меньшинствам, к которым применяют не строгие дисциплинарные методы, а формы непризнания и игнорирования нужд и прав.

Именно поэтому представители гей и лесбийских и прочих социальных движений используют в своей социальной деятельности практики активной, а иногда и агрессивной репрезентации. Интерпелляция не только субъективирует индивида, внушая ему страх и требуя соблюдения буквы закона, но и персонифицирует его в социальном пространстве, тем самым подтверждая сам закон или же ставя его – закон, – под сомнение или же вовсе его разрушая. Процесс формирования гендерной идентичности через документы и дискурсивные акты осуществляется за счет психологического и социального внушения и приучения к нормам. «Они воздействуют, когда мы едва ли ожидаем, и они сопровождают нас, стимулируя и структурируя наши собственные формы реакций. Такие нормы не просто отражаются на нас, словно бы помечая и клеймя как пассивных реципиентов культурного механизма. Они еще и “производят” нас, но не в том смысле, что они порождают нас или строго определяют, кто мы есть. Скорее, они оформляют жизненные модусы телесного существования, которые мы со временем приобретаем, и сами эти модусы телесности могут оказаться способами оспорить эти нормы или даже преодолеть их» [10, С. 34–35].

Перформативный характер гендера подразумевает наличие поля его активации и/или появления. Именно в рамках определенного, иногда даже ограниченного пространства гендер получает возможность получить признание. Поле перформативного появления гендера регулируется заданными нормами в обществе, которые определяют стандарты, в том числе телесного соответствия норме. Особенно это проявляется в контроле за женским телом. Обратимся к досоветской и советской повседневности, где контроль за девочками начинался еще на уровне школы через строгое соответствие принятым нормативам в школьной форме. Лилия Зиновьева, анализируя российскую форму в разное время, отмечает, что дореволюционные комплекты для учениц в различных гимназиях по большей части мало отличались друг от друга, состоя в основном из длинных шерстяных платьев оттенков коричневого и синего, фартука, съемных нарукавников и пелеринки, закрывающей шею. Подобная форма напоминала одеяние горничной, гувернантки или учительницы. «Сходство гимназического наряда с одеждой прислуги, горничной, несомненно, бросалось в глаза современникам, заметно оно и сейчас. Но дело не только во внешнем сходстве, дело в том, как сама структура такого платья осуществляла власть взрослого мира по отношению к девочке, определяла ее тело и ее судьбу. <...> Форменное платье заранее указывало девушке ее будущее место в социальной структуре. Гимназическое образование, а в большинстве гимназий существовали дополнительные педагогические классы, готовило девушку именно к этой деятельности и этой социальной роли – роли гувернантки, учительницы, классной дамы. <...> Естественная детская подвижность схватывалась такой формой как дисциплинарной рамкой. Она заключала живое и подвижное детское тело в темный длинный, сковывающий движения футляр. В форме должно было быть неудобно, она должна была мешать ребенку двигаться свободно, сдерживать движения, иначе ее дисциплинирующая функция не могла бы осуществиться. <...> Гимназическая форма выполняла для девочек и девушек еще одну, очень важную задачу. Она служила средством формирования корпоративной идентичности и,

соответственно, подчеркивала социальный статус обучающейся» [10]. Также строго регламентировались женщины с полными телами. Их фигуры считались не соответствующими нормам, поэтому регламентировались в социальном дискурсе. На страницах журналов женщинам с избыточным весом давались рекомендации по выбору одежды, аксессуаров, манере ходить, жестикулировать, как стричься, какой макияж наносить. «В результате для полной женщины создавалась ситуация тотальной поднадзорности, когда она непрерывно ощущала на себе бдительный взгляд коллективного Другого, носителя нормативно-властного дискурса, если говорить в терминах Мишеля Фуко. Это, естественно, развивало в ней чувство вины за то, что она выбивается из нормы, и порождало мучительный комплекс неполноценности» [11]. Полные женщины должны были тщательно скрывать свою фигуру. Им не советовали носить облегающие блузы, подчеркивать талию, надевать короткие юбки и туфли на высоких каблуках, при выборе тканей советовали отдавать предпочтения темным оттенкам и мелкому орнаменту. Все рекомендации были направлены на то, чтобы полные тела не привлекали к себе внимание. Таким образом, если полная женщина хочет быть признана в социуме, то ей необходимо найти возможность соответствовать нормам. Подвергалась жесткой критике в Советском союзе и западная мода на брюки в гардеробе женщин. Идеальной одеждой для женщины считаются удлиненные платья с широкой юбкой и тугим поясом. Сегодня несмотря на то что брюки стали уже постоянными и привычными элементами женской моды, а такой сугубо мужской элемент костюма, как галстук, появился в женском туалете не только на шее, но и в качестве пояса, тем не менее, многочисленные варианты платьев и юбок продолжают доминировать в женской моде. Многие дизайнеры выпускают коллекции, в которых популяризируются тема материнства, декларируемого в качестве единственного «женского предназначения». Модный дом Dolce&Gabbana выпустили коллекцию осень-зима 2015-2016 гг. под слоганом «Да здравствует мама». На подиуме вместе с моделями, в том числе беременными, выходили дети, а в коллекции не было ни одного брючного костюма. Главным элементом декора на всех нарядах была красная роза, которую по традиции дарят в День матери, а многие платья были украшены принтами в виде детских рисунков. Современное российское государство, поставившее перед собой цель повысить рождаемости, усилило дискурсивный контроль за женским телом. На законодательном уровне это проявилось в виде так называемого патриархального разворота в политике контроля за рождаемостью. В течение последних 10 лет изменилось отношение к семье и рождению детей. Были реализованы многие законодательные инициативы, основная цель которых – вернуть государство и социуму в целом контроль за женским телом и заставить их рожать: демонстрация эмбрионов беременной женщине, запрет на проведение абортов в частных клиниках, право врача отказать в проведении операции по личным убеждениям и др. Но самая серьезная рекомендация – вывод абортов из системы ОМС – пока не получила поддержки. В общественном пространстве идет постоянная дискуссия на данную тему, в том числе со стороны представителей РПЦ и общественных деятелей. Более того стали подвергаться критике женщины, откладывающие появление детей или вовсе отказавшиеся от этой идеи. Некоторые

общественные деятели, в том числе представители церкви и медицины, порой выступают с агрессивной критикой. Во многих регионах, дабы стимулировать рождение детей у молодых женщин, местные власти предоставляют льготы на поступление в вузы. Данных об успешности подобной инициативы пока нет. Помимо женщин гендерной критике и попытке вывести за поле нормального подвергаются национальные и религиозные меньшинства. Так, в нашей стране в 2013 г. был принят закон, запрещающий пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, и гомосексуальные меньшинства были лишены права появления в общественном политическом пространстве. Такая же участь постигла представителей секты «Свидетели Иеговы», запрещенной в 2017 г. Верховным судом РФ. Но, по мнению Батлер, лишенная голоса группа, тем не менее, может и должна говорить с властью, требуя расширения поля появления гендера. Объединяясь в группы, молча или через лозунги, артикулированные правовые требования, через социальные сети, исключенные могут ослабить жесткое соответствия предъявляемым гендерным нормам, расширить границы нормальности, и приобрести статус признаваемого [12].

Список литературы

1. Остин Дж. Перформативные высказывания // Остин Дж. Три способа пролить чернила. – СПб.: Алетейя, 2006. – 335 с.
2. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. – 168 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
4. Мид Дж. Символический интеракционизм – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 216 с.
5. Юрчак А. Мужская экономика: «Не до глупостей, когда карьеру куешь» // Неприкосновенный запас. – 2001. – № 5 (19). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2001/5/muzhskaya-ekonomika-ne-do-glupostej-kogda-kareru-kuesh.html> (Дата обращения: 15.09.2019 г.)
6. Обухова Е.Н. Политика гендера в перформативном измерении: дис ...к. ф.н. 09.00.11. – М., 2013. – 134 с.
7. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 3 (77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (Дата обращения: 15.09.2019 г.)
8. Коннелл Р. Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика. – М.: Новое литературное обозрение. 2015. — 432 с.
9. Жеребкин С. Забыть/помнить Фуко. Концепция психики власти Джудит Батлер // Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя. – 2002. – 168 с.
10. Зиновьева Л. Форма образа. Форменный костюм российской школьницы в прошлом и настоящем // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. – 2013. – №26. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2966> (Дата обращения: 15.09.2019 г.)
11. Вайнштейн. О. «В соответствии с фигурой: полное тело в советской моде». URL: <http://polit.ru/article/2010/05/25/vainshtein/> (Дата обращения: 15.09.2019 г.)
12. Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 248 с.

Samovolnova O. V. Understanding of Gender Performativity: the Impact of Performative Statements on Formation of Gender Subject // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 2. – P. 39–47.

The article analyzes how performative speech acts (including unspoken ones) form the discursive constructs of normality or abnormality and how they affect the formation of gender subject. This determines the relevance

of the work, given the modern understanding of gender as the result of numerous primitive acts. The novelty of the work consists in the use of methodological approaches in the field of gender studies to analyse contemporary social processes. Gender is seen as performative representation and the subjectivation process, executed by disciplinary discourse and interpellation appeal of the authority in the context of socio-cultural practices. It is noted that the state plays a key role in the formation of the necessary gender subject, since most of our lives pass in the space that regulates the state apparatus. This process is carried out not only through speech discourse, but even in the case of silent interpellation, when no one speaks a word. For example, in the process of filling out forms, questionnaires, censorship, employment, in newspaper articles. It is described that in order for the subject to be recognized by society, it is necessary that it be constructed within the framework of the norms set by the state, including corporal, and be activated in the field of appearance of gender. This mechanism is considered as an example of monitoring female bodies that are constantly stigmatized, standardized, and labeled for whatever signs are normal or abnormal depending on the goals of the state. However, not only women, but also national, religious and sexual minorities, as well as pensioners and children, face gender repression.

Keywords: gender, performativity, interpellation, sex, subjectivity

References

1. Ostin Dzh. Tri sposoba prolit' chernila: Filosofskie raboty [Philosophical Papers]. St. Petersburg, Aletheia, 2006, 335 p.
2. Batler Dzh. Psihika vlasti: teorii sub"ekcii [The Psychic Life: Of Power. Theories in Subjection]. Kharkov, KCGS, St. Petersburg, Aletheia, 2002, 168 p.
3. Benvenist E. Obshchaya lingvistika [Problems in General Linguistics]. Moscow, Progress Publ, 1974, 448 p.
4. Mid Dzh. Sivolichestkij interakcionizm [Symbolic Interactionism]. Moscow, MSUPress, 1994, 216 p.
5. YUrchak A. Muzhskaya ekonomika: «Ne do glupostej, kogda kar'eru kuesh'» // Neprikosnovennyj zapas [Male economy: "Not to stupid things when you career career"// NZ Russian journal]. Moscow, 2001, URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (Accessed: 15.09.2019)
6. Obuhova E.N. Politika gendera v performativnom izmerenii [Performative Gender Policy], Candidate's thesis, Moscow, 2013, 134 p.
7. Al'tyusser L. Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva [Ideology and Ideological State Apparatuses] NZ Russian journal, Moscow, 2011, №3 (77), URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (Accessed: 15.09.2019)
8. Konnell R. Gender i vlast': Obshchestvo, lichnost' i gendernaya politika [Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics], Moscow, Polity Press, 2015, 432 p.
9. ZHerebkin S. Zabyt'/pomnit' Fuko. Konceptiya psihiki vlasti Dzhudit Batler// Batler Dzh. Psihika vlasti: teorii sub"ekcii [Forget / Remember Foucault. Judith Butler The Psychic Life: Of Power. Theories in Subjection], Kharkov, KCGS, St. Petersburg, Aletheia, 2002, 168 p.
10. Zinov'eva L. Forma obraza. Formennyj kostyum rossijskoj shkol'nicy v proshlom i nastoyashchem // Teoriya mody. Odezhdha. Telo. Kul'tura [In Uniform Image: Girls' School Dress in Russia Past and Present] Fashion Theory: The Journal of Dress, Body & Culture, Moscow, NLO, 2013, №26. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2966> (Accessed: 15.09.2019).
11. Vajnshtejn. O. «V sootvetstvii s figuroj: polnoe telo v sovetskoj mode» [According to the figure: full body in the soviet fashion] URL: <http://polit.ru/article/2010/05/25/vainshtein/> (Accessed: 15.09.2019)
12. Batler Dzh. Zametki k performativnoj teorii sobraniya. [Notes a Performative Theory of Assembly], Moscow, Ad Marginem, 2018. 248 p.

УДК: 162.6

**«ВСТАНЬ И ИДИ»:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ
В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ТЕКСТОВОЙ КУЛЬТУРЫ¹**

Цокало О. А.

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация

E-mail: shapiro.olha@gmail.com

Статья посвящена исследованию делиберативной аргументации, т.е. аргументации, направленной на совершение некоторого действия его адресатом. В результате анализа рекламных текстов автор выявляет набор актуальных сегодня аргументативных паттернов, представляющих собой короткие, однотипные и регулярно повторяющиеся аргументативные структуры. Автор полагает, что анализ аргументативных паттернов, используемых в делиберативной аргументации, обращенной к массовому адресату, позволит лучше понять стиль мышления современной эпохи. Выявленные паттерны убеждения автор делит на 2 группы: аргументативные и квазиаргументативные; кроме того, выделяет и парааргументативные способы убеждения в рекламе. Аргументативные паттерны инвариантны для публичной аргументации, они описаны еще Аристотелем; квазиаргументативные паттерны рекламных текстов зависят от ведущего типа текстовой культуры и социально-исторического контекста. Объяснение этому факту автор находит в теории принятия решений Д. Канемана, утверждающей существование двух когнитивных систем. Такой подход акцентирует внимание на промежуточном шаге делиберативной аргументации, на принятии адресатом рекламного текста решения о действии. Аргументативные паттерны обращены к рациональной Системе 2, они используются в рекламном тексте, но недостаточны для принятия решения, поскольку адресат не всегда готов актуализировать рациональную Систему 2. Квазиаргументативные паттерны апеллируют к Системе 1, и хотя с точки зрения логики они не могут претендовать на обоснование принятия соответствующего решения, на деле они оказываются крайне эффективны.

Ключевые слова: аргументативный паттерн, делиберативная аргументация, история аргументативных практик, квазиаргументация, когнитивные процессы, продающий текст.

Говоря сегодня об информационном обществе, мы понимаем, что весь массив информации представляет собой огромный разнородный корпус текстов. Особенности этих текстов могут пролить свет на ряд актуальных социокультурных процессов.

В частности, аргументативный потенциал текстов позволяет определить стиль мышления эпохи, поскольку «аргументацию можно рассматривать как прикладное мышление» [1, С. 339]. При этом современные исследования в области истории

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием»).

аргументативных практик наглядно демонстрируют, что мы можем выделить несколько периодов, характеризующихся использованием тех или иных способов обоснования и убеждения в текстах. Эти периоды являются аргументативным отражением изменения типа текстовой культуры, таких типов четыре: устная, рукописная, печатная и электронная [2]. Специфика изменения аргументации с переходом от одной текстовой культуре к другой описана в работах С. Тулмина, С. С. Гусева, О. А. Шапиро [3; 4; 5; 6] и др.

Какого рода аргументация характерна для современных текстов? Чем она отличается от аргументации, используемой в прошлом? Что за стиль мышления она репрезентирует и продуцирует? К чему это приводит в социальной практике? Эти вопросы обширны и фундаментальны. Поиск ответов на них должен начинаться с выделения аргументативных паттернов – коротких аргументативных блоков, регулярно повторяющихся в текстах разного рода. *В этой статье речь будет идти о паттернах, используемых в дилиберативной аргументации, т.е. аргументации, целью которой является убеждение своего адресата совершить некоторое действие.*

Делиберативная аргументация использовалась во все времена. Если убеждение в истинности идей имеет характер принципа, то провоцирование совершения конкретного действия имеет практическую ценность. Самые яркие примеры текстов, ядро которых представляет дилиберативная аргументация – это реклама, политическая агитация, религиозная проповедь, поучения и пр. Здесь я остановлюсь преимущественно на рекламных текстах и прослежу историческую трансформацию аргументативных паттернов рекламы.

Несмотря на то, что сегодня в литературе можно найти массу исследований способов убеждений в рекламе, – теоретических и практических; с позиций теории аргументации, психологии или филологии, – все они ограничиваются перечислением уловок, встречающихся в рекламных сообщениях, и оценкой их эффективности. Диахронические исследования мне удалось обнаружить только в рамках такой дисциплины как «история рекламы», все они носят дескриптивный характер, не прибегают к анализу используемой в рекламе аргументации и сопоставлению аргументативных средств в разные периоды развития рекламы. Я полагаю восполнение этого пробела очень важным: понимание динамики развития аргументации, разделение культурно-обусловленных и инвариантных для всех текстовых культур аргументативных паттернов позволит глубже понять специфику феномена **убедительности** текста и человеческого мышления в целом.

В этой статье речь будет идти об изменении рекламной аргументации при переходе от печатной текстовой культуры к электронной. Выбор такого исторического периода обусловлен как остротой актуальности исследования именно современной дилиберативной аргументации, так и техническими трудностями анализа более ранних рекламных тестов: примеров рекламы допечатного периода текстовой культуры осталось не слишком много (см., напр., [7]), и предполагается, что основной массив рекламной информации транслировался целевой аудитории устно в виде выкриков торговцев, глашатаев, устных рекомендаций и пр. Однако мы сможем сопоставить полученные результаты с

рекомендациями к публичным речам, сделанными еще античными авторами, и выяснить, какие из применяющихся сегодня аргументативных средств имеют универсальный характер, а какие являются результатом изменения социокультурной ситуации и трансформации целевой аудитории аргументации.

Начиная с 18 века сохранился целый ряд рекламных объявлений в печатных изданиях, листовок и плакатов. Тексты в них носили преимущественно информационный характер, сосредоточиваясь на основных характеристиках товара, важное значение при этом имело графическое оформление рекламного текста: «К середине XIX в. театральные афиши приобрели почти современный вид. Основным средством воздействия по-прежнему оставался шрифт» [8, С. 52]. Оба эти компонента продолжают играть важную роль в современных рекламных текстах. Так, авторы бестселлера «Пиши, сокращай» М. Ильясов и Л. Сарычева на протяжении большей части книги концентрируются на том, каким образом максимально эффективно описать рекламируемый товар или услугу, используя при этом информационный стиль изложения [9].

Что касается работы со шрифтами и прочими компонентами графического оформления, то это – одна из важнейших составляющих современного концепта «продающего текста». Я буду называть такого рода способы привлечения внимания и убеждения парааргументативными, поскольку они, с одной стороны, влияют на результат процесса убеждения, но с другой стороны, не содержат в себе ни аргументов, ни квазиаргументации (лингвистических, психологических и пр. уловок). В психологии рекламы парааргументативным средствам уделяется достаточно много внимания (см., напр., [10; 11]), а в современной теории аргументации этот аспект процесса убеждения кажется оставленным за кадром.

Я предлагаю посмотреть на данную сторону дилиберативной аргументации сквозь призму современной научной риторики. А.Г. Гросс, Дж.Е. Хармон и М. С. Рейди в своей работе, посвященной истории аргументации в научных статьях, обращают внимание на три аспекта аргументативного текста: презентацию, стилистику и собственно аргументацию [12]. Рассмотрение этих трех аспектов лежит в основании предлагаемой ими методологии исследования трансформации аргументативных структур. В современной текстовой культуре именно презентация, представляющая собой структурирование и графическое оформление текста, является первым критерием при его оценке адресатом. Идея того, что не оформленный должным образом текст вообще не будет прочитан, распространяется сегодня далеко за пределы естественной области применения продающего текста – например, на современную научно-популярную литературу [5]. Как же обстоит дело с собственно аргументативной стороной рекламных текстов?

Многочисленные пособия по написанию продающего (рекламного, «сильного» и пр.) текстов пестрят различными советами. Но на роль паттернов, закрепленных в интересующем нас жанре, претендуют только те способы убеждения, которые, во-

первых, признаются всеми специалистами как эффективные, и во-вторых, регулярно реализуются в рекламе. Рассмотрим наиболее распространенные из них².

Аргументативные паттерны.

1) *Описание специфических преимуществ* товара. Основной посыл здесь – «наш товар лучше, чем у конкурентов, по причине А, В и С». Фактически это единственный паттерн, использующий доказательную аргументацию или ее имитацию. Здесь мы имеем дело с энтимемой, в которой посылка – «только наш товар имеет свойства А, В, С», а вывод – «Вам нужен наш товар», когда пропущена посылка «Вы нуждаетесь в товаре, имеющем свойства А, В, С».

Можем ли мы говорить о корректности такого способа убеждения? Нужно иметь в виду, что здесь бывают сложности с истинностной оценкой первой посылки. Во-первых, товар Х в действительности не всегда имеет заявленные качества А, В и С. В структуре аргумента при формулировке этих качеств скорее всего будут использованы лингвистические уловки, создающие позитивное отношение к товару; в результате, заявленные качества будут близки к реальным, но не тождественны им. Но кроме перечисления качеств в посылке присутствует в явном или скрытом виде коварное «только», утверждающее, что аналоги других марок заявленными А, В и С не обладают. Эта небольшая деталь делает все суждение в целом как минимум не обоснованным, т.к. для его подкрепления необходимы результаты репрезентативных эмпирических исследований. Вместо этого потребителю обычно подсовывают сравнение товара с абстрактным «обычным порошком», что связано в том числе и с запретом на упоминание в рекламе конкурентов [13].

Таким образом, первая посылка закрепившегося аргументативного паттерна, который мы условно будем называть энтимемой, является как минимум необоснованной, и как максимум – ложной. Но все ли в порядке со второй (скрытой) посылкой? В ней предполагается наличие у целевой аудитории рекламы определенных потребностей. Мы можем интерпретировать этот ход двояким образом: или как уловку «чтение в сердцах», или как навязывание адресату аргументации потребностей, т.е. целенаправленное создание «своего» потребителя (см., напр., [14; 15]). У меня нет достаточных аргументов в пользу первого или второго варианта, но интуитивно кажется, что ближе к истине – второй. В этом случае мы снова имеем дело с энтимемой: люди типа N (успешные бизнесмены / хорошие матери / привлекательные девушки и пр.) имеют потребность в Y; адресат рекламы X считает себя (или хочет считать себя) N, следовательно, X должен нуждаться в Y. В этом свернутом силлогизме мы также сталкиваемся с очевидными проблемами с истинностью посылок.

² Для выделения паттернов были использованы материалы контекстной рекламы социальных сетей (в частности, обучающих программ разнообразных направлений); видеореклама на каналах youtube.com (продукты питания, бытовая химия и пр.) и music.yandex.ru (продукты питания, контент музыкального канала); сделанные обобщения были сопоставлены с теоретическими разработками в области написания рекламных текстов [9; 16].

Таким образом, формально напоминающий энтимему аргументативный паттерн не выполняет одного из центральных правил относительно аргументов (аргументы должны быть истинными, обоснованными высказываниями), и по этой причине не может в полном смысле считаться случаем доказательной аргументации.

2) *Story telling*. Основная цель копирайтеров – увлечь адресата интересной историей, которая должна быть рассказана предельно образно, с яркими деталями и подробностями. Такая история формирует заинтересованность вкупе с позитивным образом рекламируемого товара. Обратим внимание, что, если герой истории достаточно сильно похож на типичного представителя целевой аудитории рекламы, то история стимулирует у адресата рассуждение по аналогии: «если с героем X случилось то-то, и ему пригодился товар N, а у нас с героем X много общего, то и мне товар N может пригодиться». Т.е. фактически здесь используется правдоподобная аргументация, додумать которую предоставляют адресату. Но история может выполнять и традиционную для риторической традиции функцию примера или иллюстрации, цель которых – наглядная демонстрация преимуществ рекламируемого товара.

Квазиаргументативные паттерны.

1) «*Продажа цены*», включающая в себя предложение в комплекте к товару дополнительных услуг или бонусов (пример: «купите наш телефон всего за 14999 р. и получите чехол в подарок»). Эту уловку можно квалифицировать как аргумент к выгоде.

2) *Продажа «красивой жизни»* (статуса, причастности, успешности, красоты, личного счастья и пр.). В этом случае потенциальному покупателю демонстрируют желаемый для него образ жизни в качестве фона для предлагаемого товара; психологический эффект достигается подсознательным соединением обладания рекламируемым товаром и достижения демонстрируемой фоновой картинкой: выбор определенной марки кофе соотносится с семейным уютом, пива – с веселой дружеской компанией, конфет – с успехом в романтических отношениях и пр. Этот паттерн можно рассматривать как частный случай аргумента к тщеславию.

3) *Аргумент к авторитету* – один из любимых приемов, особенно в визуальной рекламе и рекламных видеороликах. При этом используются авторитеты двух типов: эксперты («ведущие стоматологи рекомендуют») или популярные публичные фигуры (преимущественно звезды шоу-бизнеса, спортсмены и пр.), демонстрирующие использование рекламируемого товара. Ярким примером использования такого рода паттерна в сочетании с продажей «красивой жизни» является оригинальная версия напумевшей рекламы *Reebok*. Здесь в одном комплекте потребителю предлагалось мнение публичных фигур (спортсменок, актрис и др.) и причастность к модным сегодня феминистским взглядам. При этом сочетание представлялось настолько эффективным, что аргументативные паттерны в рекламной кампании не использовались вовсе. Такая позиция маркетологов оказалась оправданной: продажи действительно заметно выросли (подробнее об аргументативной специфике оригинальной рекламы *Reebok* и ее отечественного аналога см. [17]).

Современные технологии СМК довели искусство рекламы сегодня до своего рода пика. На фестивалях рекламы демонстрируют ролики, имеющие высокую художественную ценность (наиболее известен фестиваль рекламы «Каннские львы»), а рекламные тексты создаются и оформляются профессионалами. Однако так ли сильно менялась аргументативная составляющая рекламного текста на протяжении истории культуры? Сопоставление полученных при анализе рекламы результатов с классическими работами по риторике показал, что основные тенденции делиберативной аргументации сохраняются со времен античности, хотя отдельные паттерны трансформируются со сменой текстовой культуры.

Так, Аристотель пишет: «...все ораторы излагают свои доводы или приводя примеры, или строя энтимемы, и кроме этого не пользуются никакими способами доказательства» [18, С. 21]. Но что Аристотель понимает под энтимемой? Обязательно ли это должен быть сокращенный простой категорический силлогизм?

Во второй книге «Риторики» Аристотель делит все используемые ораторами энтимемы на 3 группы: показательные, обличительные и кажущиеся. [18; С. 227]. Показательные основаны на посылках, принимаемых слушателем, обличительные – на посылках, не принимаемых слушателем, а кажущиеся вообще не относятся к силлогизмам. Здесь возникает иллюзия, что мы можем уверенно отнести первые две группы энтимем к аргументативным паттернам, а кажущиеся энтимемы – к квазиаргументативным. Но далее две главы Аристотель посвящает описанию топов энтимем (гл. 23 кн. 2 – показательных и обличительных энтимем, а гл. 24 кн. 2 – кажущихся). Оставим здесь кажущиеся энтимемы в стороне и посмотрим, какие способы убеждения Аристотель считает силлогистическими. В главе приводится всего 26 топов энтимем. Среди них есть сокращение привычных нам дедуктивных рассуждений (условно-категорическое рассуждение, *modus ponens*: «что-нибудь есть, если есть причина» [18, С. 243]; разделительно-категорическое рассуждение, *modus tollendo ponens*: «например, если все поступают несправедливо по трем причинам, <...>, по двум первым поступить несправедливо в данном случае невозможно...» [18; С. 234]). Но среди приведенных топов встречаются также:

- 1) топы, построенные на недедуктивных рассуждениях (рассуждение по аналогии: «из заключения, что по аналогии получилось бы так-то» [18; С. 239]);
- 2) топы, которые принято считать уловками (адвокатский аргумент: «если сказанное против нас самих мы обратим против сказавшего» [18, С. 232]);
- 3) топы, которые принято считать ошибками (отрицание антецедента: «чего-нибудь нет, если нет причины» [18, С. 243]). Это не полный перечень топов энтимем, но уже по нему мы видим, что в риторическом концепте Аристотеля отсутствует требование дедуктивности в нашем современном понимании.

В другом месте «Риторики» Аристотель пишет: «Примерами следует пользоваться в том случае, когда не имеешь энтимем для доказательства <...>, когда же энтимемы есть, то примерами следует пользоваться, как свидетельствами, помещая их вслед за энтимемами в виде эпилога» [18, С.215]. Эту мысль развивают Х. Перельман и Л. Олбрехт-Тытека, говоря, что частный случай «может исполнять

самые разные функции: выступая в качестве примера, частный случай делает возможным обобщение, в качестве иллюстрации он может подкрепить уже установленное правило, в качестве образца – побудить к подражанию» [19, С. 207]. Т.о., *story telling* при наличии четкого и ясного описания преимуществ товара над товаром конкурентов выполняет функцию примера, а при отсутствии – функцию правдоподобной аргументации по аналогии (побуждая к подражанию).

Однако есть и аргументативные паттерны, зависящие от социально-исторического контекста, и находятся они в поле использования паттернов-уловок, построенных на неправильных силлогизмах энтимем и оформления рекламного текста.

Например, в первом из рассмотренных выше вариантов современных рекламных энтимем утверждение уникальности свойств, приписываемых товару, может не быть обязательным для определенного круга адресатов аргументации. Тогда рассуждение можно восстановить до такого: «Если вы купите товар N, то получите выгоды A, B и C. Вы хотите получить A, B, C, значит, вам следует купить товар N». Исследования, проведенные в США в 1980-х гг., показали, что «утверждение консеквента» является устойчивым паттерном рассуждения [20] и вплоть до конца XX века такого типа структура была достаточной для достижения делиберативной эффективности. Любопытно, что то же самое обнаруживается и при анализе рекламных текстов прошлого века: слоганы и плакаты описывают привлекательные свойства товара, но не заявляют своей исключительности и не сравнивают себя даже с абстрактным конкурентом; видимо, это обусловлено отсутствием интенсивной конкуренции в виде многообразия однотипных товаров. То же касается отсутствия сравнения с конкурентами цен, всевозможных акций и скидок, кроме того, массовизация современного общества повлияла на интенсивность использования аргумента к авторитету: обращение к публичным личностям становится все более актуальным с конца XX в. То же касается и аргумента к выгоде (см., напр., [21]).

Почему же одни аргументативные паттерны оказываются более эффективными, чем другие? Или, если смотреть на эту проблему более утилитарно: почему указание на реальные преимущества товара может оказаться недостаточно, а разнообразные уловки становятся достаточно мощным стимулом для совершения покупки?

Ответ на эти вопросы кроется в промежуточном шаге делиберативной аргументации, который часто оставляют без внимания. Между аргументативным процессом и совершением действия X должно произойти принятие решения о действии. Аргументация влияет на когнитивное состояние своего адресата, и уже только через него – на реальные события: «... человек действует на основе имеющихся у него убеждений и изменение убеждений является одновременно изменением его поведения» [1, С. 4].

Логическая теория принятия решений предполагает, что основными критериями здесь являются идеи максимизации потенциального выигрыша и минимизации потенциального проигрыша, которые хорошо согласуются с теоретико-игровым подходом к исследованию человеческого поведения и

коммуникации. Кроме того, они репрезентируют достаточно эффективный механизм решения, например, производственных и управленческих задач. Однако в быту мы регулярно сталкиваемся с решениями, не выдерживающими рациональной критики. Люди поступают иррационально, зачастую прекрасно осознавая все недостатки принятых решений, ссылаясь на интуицию и «веление сердца».

Это можно объяснить с позиций теории принятия решений Д. Канемана [22]. Он разделяет все когнитивные процессы на Систему 1, представляющую собой быстрые спонтанные когнитивные операции, и Систему 2, отвечающую за сложные когнитивные действия, требующие высокого уровня сосредоточенности. Большая часть простых решений принимается на уровне Системы 1, требующей на порядок меньше когнитивных усилий и использующей такие мыслительные паттерны, как стереотипы, привычку и пр.; Система 2 включается когнитивным агентом целенаправленно в том случае, когда он осознанно стремится справиться со сложным заданием. Получается, что Система 1 не является в полной мере рациональной (она до-рациональна, пред-рациональна), и мы не можем ожидать от нее адекватного прогнозирования следствий принимаемых решений.

При принятии решения для Системы 2 оптимальна расходящаяся схема аргументации, когда выводятся следствия из потенциального решения и сопоставляются по своей приоритетности. Система 1 оперирует стереотипами, сиюминутными впечатлениями, образами и эмоциональными состояниями; наиболее эффективной здесь оказывается правдоподобная единичная аргументация, построенная на базе аналогии. Это учитывают современные копирайтеры, выписывая свои рекомендации в дискурс *on-line* реальности. Энтимема обращена в рациональной и корректной Системе 2, но эффективнее оказывается обращаться к Системе 1, подверженной влиянию квазиаргументативных паттернов.

Таким образом, мы можем прийти к **выводу**, что рекламные тексты, всегда содержащие в качестве своего ядра делиберативную аргументацию, обращаются сразу к двум когнитивным системам. При этом ведущей здесь негласно считается Система 1, обращение к ней изменяется в зависимости от социокультурного контекста, в силу того что Система 1 во многом идет на поводу у стереотипов, моды и пр. При этом в рекламе обращение к Системе 1 сочетается с обращением к Системе 2, и поскольку основания рационального рассуждения носят вневременной, априорный характер, то именно они представляют собой инвариантную основу делиберативного текста, хотя и не являются его ведущей частью с точки зрения прагматической значимости.

Список литературы

1. Ивин А.А. Аргументация в процессах коммуникации. Pro et contra / Ивин А.А. – М.: Проспект, 2017. – 384 с.
2. Коммуникация и смысл в текстовой культуре / Л.Т. Рыскельдиева, О.В. Зарапин, О.А. Шапиро, Е. Г. Шкорубская. – Симферополь: «Ариал», 2018. – 276 с.
3. Toulmin S. Return to reason / S. Toulmin. –Harvard University Press, 2003. – 243 p.
4. Гусев С.С. Рациональность: истоки и эволюция //Философские науки.–2015. –№ 5.– С. 42—50.
5. Шапиро О.А. Трансформация аргументативных стратегий в современной популяризации науки//РАЦИО.RU. –2018. –№1(19). –С. 38–100.

6. Шапиро О.А. Аргументация в публичной переписке: от журнальных статей к социальным сетям//Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. –2017. –№ 3. –Том 3 (69). –С. 30–41.
7. Онегова Я.В., Ошнянская С.А. История рекламы и особенности ее развития//Научно-практические исследования. –2019. –№ 1(16). –С. 41–44.
8. Лешуков А.Г., Чеботарев А.М. Трансформация информационно-коммуникативных изданий в истории отечественной рекламы XVIII–начала XX в. // Вестник культуры и искусств. –2017. – № 4 (52). –С. 48–54.
9. Ильяхов М. Пиши, сокращай / М. Ильяхов, С. Сарычева. – М.: Альпина Паблишер, 2019. –440с.
10. Осетрова О. Психологическое восприятие шрифта в рекламе//Вестник ВГУ. Серия: Филология, Журналистика. –2004. –№ 2. –С. 145–150.
11. Резепов И.Ш. Психология рекламы и PR. URL: <http://bzbook.ru/Psikhologiya-reklamy-i-PR.AContents.html>(Дата обращения: 16.06.2020).
12. Gross, Allan G., Harmon, Joseph E., Reidy, Michael S. Communicating Science: The Scientific Article from the 17th Century to the Present / Allan G. Gross, Joseph E. Harmon, Michael S. Reidy. – New York: Oxord University Press, 2002. – 267p.
13. Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ. URL: <https://fzrf.su/zakon/o-reklame-38-fz/>(Дата обращения: 17.06.2020).
14. Лагаева К.А. Реклама как способ воздействия на психику потребителя //Актуальные проблемы социальной и экономической психологии: методология, теория, практика.// Под. ред. Камневой Е.А., Симоновой М.М.–М.: ООО СВИВТ, 2019. –С. 90-97.
15. Васильева Е.А., Журавкова В.А., Козловская В.А. Реклама как фактор формирования потребностей человека // PR и реклама: традиции и инновации. –2011. –№ 6–2. –С. 69–71.
16. Кот Д. Копирайтинг: как не съесть собаку. Создаем тексты, которые продают / Д. Кот. – СПб.: Питер, 2011. –256с.
17. Титова П.С. Возможности критического осмысления рекламных сообщений в контексте современной массовой культуры // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. –2019. –№ 2. –Том 5 (71). –С. 112–125.
18. Аристотель. Риторика / пер. с древнегреч. Н.Н. Платоновой. – М.: АСТ, 2019. – 352с.
19. Перельман Х., Олбрехт-Тытека Л. Из книги «Новая риторика: трактат об аргументации» // Язык и моделирование социального взаимодействия: сб. статей / общ. ред. В.В. Петрова. – М.: «ПРОГРЕСС», 1987. –С. 207–259.
20. Finocchiaro, Maurice A. Two Empirical Approaches to the Study or Reasoning // Informal Logic. – 1994. – Vol. 16.– No 1.–P. 1–21.
21. Легкая Д. Дореволюционная реклама. URL: <https://www.culture.ru/materials/196701/dorevolucionnaya-reklama> (Дата обращения:19.06.2020).
22. Канеман Д. Думай медленно, решай быстро / Д. Канеман. – М.: АСТ, 2014. – URL: https://vk.com/doc-180589301_521869169?hash=6396f868b4a990a224&dl=6d2e45de2c11768509(Дата обращения: 28.02.2020).

Tsokalo O. A. «Get up and Go»: Transformation of the Deliberative Arguments in Textual Culture Development History // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 2. – P. 48–58.

The article is dedicated to deliberative argumentation research (argumentation is deliberative if it is directed to an action committing by its addressee). As a result of promoting text analysis, the author marks a set of argumentative patterns, which are popular today. An argumentative pattern she understands as a short, same type and repeating argumentative structures. The author thinks, that argumentative patterns used in deliberative arguments analysis allows us to understand better the epoch style of thinking. So, the author identifies a few patterns and divides them to two groups: argumentative and quasi-argumentative. Moreover, she refers para-argumentative ways of persuasion in advertising, but they are not a subject of study in the article. Argumentative patterns are invariant for public argumentation and described by Aristotle; quasi-argumentative patterns of advertising texts depend on master textual culture type and social-historical context. The author explains the fact with D. Kaneman decision theory idea that each person has two cognitive

systems. This approach emphasizes the intermediate step of deliberative argumentation: making decision about the action by an argumentation addressee. Argumentation patterns are addressed to the rational System 2, they are traditional for advertising text, but they are not enough for making decision because an addressee usually is not ready for System 2 actualization in so far as it requires a lot of energy costs. Quasi-argumentative patterns appeal to System 1; they are not enough for making decision from the logical point of view, but in practice they are extremely effective.

Keywords: argumentative pattern, deliberative argumentation, argumentative practice history, quasi-argumentation, cognitive process, selling text.

References

1. Ivin A.A. Argumentacija v processah komunikacii. Pro et contra [Argumentation in Communication Processes. Pro et Contra]. Moscow, Prospekt, 2017, 384 p.
2. Kommunikacija i smysl v tekstovoj kul'ture [Communication and Sense in Textual Culture] / L. T. Ryskel'dieva, O.V. Zarapin, O.A. Shapiro, E.G. Shkorubskaja. – Simferopol, «Arial», 2018, 276p.
3. Toulmin S. Return to reason / S. Toulmin. – Harvard University Press, 2003. – 243 p.
4. Gusev S.S. Racional'nost': istoki i jevoljucija [Rationality: The Origins and Evolution] // *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences] – 2015, № 5, p. 42–50.
5. Shapiro O.A. Transformacija argumentativnyh strategij v sovremennoj populjarizacii nauki [Argumentative Strategies Transformation in Modern Popularization of Science] // *RACIO.ru* [RATIO.ru] – 2018, №1(19), P. 38–100.
6. Shapiro O.A. Argumentacija v publichnoj perepiske: ot zhurnal'nyh statej k social'nym setjam [Argumentation in Public Correspondence: from Journal Articles to Social Networks] // *Uchenye zapiski KFU im. V.I. Vernadskogo* [Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Politicalsciences. Culturology]. – 2017, № 3, Vol. 3 (69), P. 30–41.
7. Onegova Ja.V., Oshnjanskaja S.A. Istoriya reklamy i osobennosti ee razvitija [The History of Advertising and Features of its Development] // *Nauchno-prakticheskie issledovanija* [Scientific and practical research] – 2019, № 1(16), P. 41–44.
8. Leshukov A.G., Chebotarev A.M. Transformacija informacionno-kommunikativnyh izdanij v istorii otechestvennoj reklamy XVIII – nachala XX v. [Transformation of Information and Communication Publications in the History of Domestic Advertising of the 18th - Early 20th Centuries] // *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Culture and Arts]. – 2017? № 4 (52), P. 48–54.
9. Il'jahov M. Pishi, sokrashhaj [Write, Cut] / M. Il'jahov, S. Sarycheva. – Moscow, Alpina Publisher, 2019, 440 p.
10. Osetrova O. Psihologicheskoe vosprijatie shrifta v reklame [The Psychological Perception of the Font in Advertising] // *Vestnik VGU. Serija: Filologija, Zhurnalistika* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology, Journalism] – 2004, № 2, P. 145–150.
11. Rezapov I.Sh. Psihologija reklamy i PR [Psychology of advertising and PR]. URL: <http://bzbook.ru/Psikhologiya-reklamy-i-PR.AContents.html> (Accessed: 16.06.2020).
12. Gross, Allan G., Harmon, Joseph E., Reidy, Michael S. Communicating Science: The Scientific Article from the 17th Century to the Present / Allan G. Gross, Joseph E. Harmon, Michael S. Reidy. – New York: Oxford University Press, 2002. – 267p.
13. Federal'nyj zakon «O reklame» ot 13.03.2006 № 38-FZ [Federal Law "On Advertising" dated March 13, 2006 No. 38-FZ]. URL: <https://fzrf.su/zakon/o-reklame-38-fz/> (Accessed: 17.06.2020).
14. Lagaeva K.A. Reklama kak sposob vozdejstvija na psihiku potrebitelja [Advertising as a Way of Influencing the Psyche of a Consumer] // *Aktual'nye problemy social'noj i jekonomicheskoy psihologii: metodologija, teorija, praktika* [Actual Problems of Social and Economic Psychology: Methodology, Theory, Practice] // Pod. red. Kamnevoj E.A., Simonovoj M.M. – Moscow, OOO SVIVT, 2019, P. 90–97.
15. Vasil'eva E.A., Zhuravkova V.A., Kozlovskaja V.A. Reklama kak faktor formirovanija potrebnostej cheloveka [Advertising as a Factor in the Formation of Human Needs] // *PR i reklama: tradicii i innovacii* [PR and Advertising: Traditions and Innovations]. – 2011, № 6–2, P. 69–71.

16. Kot D. Kopirajting: kak ne s#est' sobaku. Sozdaem teksty, kotorye prodajut [Copywriting: How not to Eat a Dog. We Create Texts that Sell] / D. Kot. – St. Petersburg, Piter, 2011, 256 p.
17. Titova P.S. Vozmozhnosti kriticheskogo osmyslenija reklamnyh soobshhenij v kontekste sovremennoj massovoj kul'tury [Opportunities for Critical Understanding of Advertising Messages in the Context of Modern Mass Culture] // Uchenye zapiski KFU im. V.I. Vernadskogo [Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political sciences. Culturology]. – 2019, № 2, Vol. 5 (71), P. 112–125.
18. Aristotel. Ritorika [Rhetoric]. – Moscow, AST, 2019, 352 p.
19. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. Iz knigi «Novaja ritorika: traktat ob argumentacii» [From the Book “New Rhetoric: A Treatise on Argumentation”] // Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstvija: sb. statej [Language and Modeling of Social Interaction]. – Moscow, «PROGRESS», 1987, P. 207–259.
20. Finocchiaro, Maurice A. Two Empirical Approaches to the Study or Reasoning // Informal Logic. – 1994. – Vol. 16. – No 1. – P. 1–21.
21. Legkaja D. Dorevoljucionnaja reklama [Pre-Revolutionary Advertising]. URL: <https://www.culture.ru/materials/196701/dorevoljucionnaya-reklama> (Accessed: 19.06.2020).
22. Kahneman D. Dumaj medlenno, reshaj bystro [Think Slowly... Decide Quickly] – Moscow, AST, 2014, URL: https://vk.com/doc-180589301_521869169?hash=6396f868b4a990a224&dl=6d2e45de2c11768509 (Accessed: 28.02.2020)

УДК 101.1:316

ПУБЛИКАЦИИ В ПОЛЕ НАУКИ: МЕСТО НАУЧНОГО ЖУРНАЛА В СИСТЕМЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА П. БУРДЬЕ¹

Шкорубская Е. Г.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: shkorubsk@gmail.com

В данной статье рассматривается концепция поля науки Пьера Бурдьё, представляющая научное сообщество как пространство борьбы за символическую власть или научный авторитет, который выражается в монополии на научную компетентность, в праве определять, что является наукой. Сопоставляются подходы Роберта Мертона и Пьера Бурдьё к системе вознаграждения, действующей в научном сообществе и побуждающей учёных соблюдать определённые нормы и оформлять свою коммуникацию в более-менее устойчивые формы. Отмечается, что символическое вознаграждение, которое учёные получают за те или иные действия, является специфическим типом символического капитала, определяющего место индивида в социальной группе или в социальном пространстве науки. Рассматриваются два типа символического капитала, действующего в поле науки – «специфический научный капитал» и «временный капитал». С опорой на концепцию символического капитала определяется место научного журнала в системе символического производства поля науки. Выделяются такие функции научного журнала, как фильтрация агентов на входе в поле науки и оценка действующих агентов, участвующих в научной борьбе. Определяются публикационные стратегии, способствующие приумножению различных типов символического капитала.

Ключевые слова: Пьер Бурдьё, габитус, поле науки, символический капитал, научный журнал, публикационные стратегии, текстовое поведение

С увеличением социальной значимости науки, проявившейся сперва в научно-техническом прогрессе, а затем в породившей взрыв научно-технической революции, всё больший интерес исследователей стал уделяться тому, в какие социальные формы облекается деятельность учёных. Одной из таких форм социального взаимодействия является письменная коммуникация, позволяющая фиксировать знание в тексте и благодаря этому сохранять и передавать его. Как отмечает Ив Жэнгра, «профессия писца может рассматриваться как первая форма институционализации производства знания» [1, С. 29]. Именно с различными формами письменных практик и с использованием их для координации, кооперации, коммуникации самостоятельно действующих учёных мы связываем становление и развитие научного сообщества – начиная с *Respublica literaria* и

¹ Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00622 А «Философия как действие: прагматика текстового поведения»

вплоть до современных социальных сетей учёных. Многие институциональные нормы, процедуры и практики, влияющие на поведение социальных акторов-учёных в научном сообществе, оговаривают именно практики письма, практики текстового поведения. Способы публикации научных текстов, виды научных текстов, образцы научного языка и аргументации, практики цитирования и споры о первенстве занимают в развитии науки не последнее место. Более того, значимость научных текстов столь велика, что именно по ним (и, в частности, по научным статьям) в настоящее время оценивается работа учёного. В данной статье мы применим к анализу публикационных практик концепцию поля науки Пьера Бурдьё (1930–2002). Новизна исследования состоит в выявлении влияния двух типов символических капиталов, действующих в поле науки, на выбор публикационной стратегии.

Уже Роберт Мертон обратил внимание на систему вознаграждения, которая побуждает учёных, во-первых, соблюдать нормы, предписанные этосом науки (которые основаны на институциональной цели науки и двух технических, или методологических, нормах – требованиях эмпирического подтверждения данных и логической непротиворечивости, что делает их методологически обусловленными) [2], а, во-вторых, оформлять свою коммуникацию в более-менее устойчивые формы. Ведь вознаграждение возможно лишь после некоторой оценки работы учёного, а для её проведения необходим предмет оценки – полученное знание. Научная статья является одной из форм, в которых фиксируется получаемое знание и которые позволяют оценить его значимость для науки в целом: «Введение этого нового знания в систему научного знания происходит через рецензентов, редакторов и других “привратников науки”, или экспертов, которые его оценивают; если оценка положительна, знание, полученное ученым, становится вкладом» [3, С. 55]. Учёный, вклад которого был должным образом оценён, получает своего рода «интеллектуальный капитал», накопление которого способствует построению научной карьеры и делает более вероятным получение признания в дальнейшем (см., например, [4; 5]).

Подход Мертона, хотя во многом определил американскую традицию социологии как таковой, в части описания науки неоднократно пересматривался. В частности, гораздо полнее идея интеллектуального капитала и его значение для взаимодействия ученых раскрывается в теории Пьера Бурдьё, разработавшего концепцию символического капитала.

Критикуя Мертона за его концепцию «научного сообщества», существующего исключительно ради постижения истины, живущего по тем нормам, которые должны обеспечить верховенство знания, Бурдьё утверждает: «Официальная наука вовсе не является тем, чем ее чаще всего представляет социология науки, т. е. системой норм и ценностей, которую “научное сообщество”, этакая недифференцированная группа, навязывает и внушает всем своим членам, поскольку на революционную аномию способны лишь те, кто не смог пройти научную социализацию» [6, С. 481]. Систему вознаграждения он рассматривает не просто как «вспомогательный элемент», призванный обеспечить чистоту научного поиска и соблюдение институциональных норм. Символическое вознаграждение,

которое учёные получают за те или иные действия, является лишь специфическим типом символического капитала, определяющего место индивида в социальной группе или в социальном пространстве в целом. Для того, чтобы охарактеризовать научное сообщество с позиции Бурдьё, необходимо прояснить основные понятия, которые он вводит в социальную теорию: габитус, социальное пространство и символический капитал.

Социальное пространство – это пространство позиций, сформированное объективными связями, определяющими их взаимное расположение. Но социальное пространство не тождественно пространству географическому (хотя иногда и создаётся впечатление некоторой «реальности» пространственных отношений в силу наблюдаемой сегрегации социальных групп). Размещение агентов, групп и институций и есть позиции, занимаемые ими в социальном пространстве. Объективные связи, формирующие эти позиции, несводимы к простым взаимодействиям агентов, но проявляются через взаимодействия, связанные с распределением социальных ресурсов: «Эти объективные связи суть связи между позициями, занимаемыми в распределении ресурсов, которые являются или могут стать действующими, эффективными, как козыри в игре, в ходе конкурентной борьбы за присвоение дефицитных благ, чье место – социальный универсум. Основными видами такой социальной власти являются, согласно моим эмпирическим исследованиям, экономический капитал в его различных формах, культурный капитал, а также символический капитал – форма, которую принимают различные виды капитала, воспринимаемые и признаваемые как легитимные. Таким образом, в социальном пространстве агенты распределены в первом измерении по общему объёму имеющегося у них капитала во всех его видах, и во втором измерении – по структуре их капитала, т.е. по относительному весу различных видов капитала (экономического, культурного...) в общем объёме капитала, которым они располагают» [7, С. 70]. Научный капитал, как будет показано далее, представляет собой особую форму символического капитала, который может конвертироваться в любой другой капитал.

Агенты, в свою очередь, не пребывают пассивно в социальном пространстве, но опосредованно, через конструирование собственных воззрений на мир, вовлечены в конструирование этого мира. Это активное восприятие мира определяется Бурдьё как габитус, который обуславливает представление агентов о социальном мире и, как следствие, их поведение: «Итак, представления агентов меняются в зависимости от их позиции (и связанных с ней интересов) и от их габитуса, понимаемого как система схем восприятия и оценивания, как когнитивные и развивающие структуры, которые агенты получают в ходе их продолжительного опыта в какой-то позиции в социальном мире. Габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик» [7, С. 75]. Специфика социального генезиса состоит в том, что, с одной стороны, диспозиции агентов, т.е. их габитус, представляют собой преимущественно продукт интериоризации структур социального мира. С другой стороны, габитус через восприятие и оценивание практик выражает состояние отношений с символической властью, которая наиболее полно воплощается в возможности образовывать социальные группы

через их название: «богатые» и «бедные», «буржуа» и «пролетарии», «учёные» и «не-учёные». Таким образом, позиции агентов в социальном пространстве частично определяют их диспозиции (ведь мы соотносим своё восприятие действительности с тем, какое место в ней мы занимаем), и, в свою очередь, диспозиции позволяют агентам заново промаркировать это социальное пространство, опираясь на символический капитал, накопленный ими на занимаемой ранее позиции.

В своих работах Пьер Бурдьё отказывается от концепта единого, однородного и с необходимостью всеохватывающего «научного сообщества», заменяя его понятием поля, которое становится пространством символической борьбы: «Сказать, что поле есть место борьбы, значит не только разорвать с примиренческим образом “научного сообщества”, как его описывает научная агиография и часто – вслед за ней – социология науки, т. е. с идеей своего рода “царства целей”, которое будто бы не признает иных законов, кроме закона чистой и абсолютной борьбы идей, безошибочно направляемой внутренней силой истинной идеи. Это значит также утверждать, что само функционирование научного поля производит и предполагает специфическую форму интереса (научная практика выглядит “незаинтересованной” лишь относительно других интересов, производимых и востребованных другими полями)» [6, С. 474–475]. Более того, ставится под сомнение сама идея «чистой» науки, совершенно автономной и развивающейся в соответствии со своей внутренней логикой. Безусловно, поле науки является автономным, насколько это возможно, но отнюдь не потому, что регулируется методологически обусловленными нормами, о которых говорил Р. Мертон, и подчинено лишь одной идее – получению знания ради самого знания.

В чём же специфика научного капитала, за обладание которым сражаются участники игры? Бурдьё определяет «ставки» в этой игре следующим образом: «Поле науки как система объективных отношений между достигнутыми (в предшествующей борьбе) позициями является местом (т. е. игровым пространством) конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как техническая способность и – одновременно – как социальная власть, или, если угодно, монополия на научную компетенцию, понимаемую как социально признанная за определенным индивидом способность легитимно (т. е. полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки» [6, С. 474]. С увеличением количества накопленных ресурсов повышается и автономность поля, которое в конечном счёте стремится ограничиться совокупностью учёных. Этот процесс автономизации поля, который будет рассмотрен позже, хорошо прослеживается на уровне дисциплинарного деления науки: чем больше ресурсов (наличных знаний, инструментов, методов) накапливается в определённой исследовательской области, тем скорее она завоёвывает монополию на описание некоторого сегмента действительности.

Итак, научный капитал, накапливаемый участниками борьбы в поле науки, во-первых, даёт право на вынесение суждений от имени науки (а, значит, суждений, подкреплённый авторитетом науки, которая является общепризнанным источником истинного знания), и, во-вторых, обеспечивает доступ к ресурсам, способствующим ещё большему накоплению научного капитала (доступ к лабораториям, грантам,

научным журналам и т.д.). Специфика символического капитала в науке заключается в том, что этот капитал привязан к имени учёного, неотчуждаем и непередаваем, а также носит выраженный немонетарный характер (т.е. напрямую не выразим в денежном эквиваленте, хотя и может конвертироваться в некоторую экономическую выгоду): «Накопить капитал означает “сделать себе имя”, имя собственное (а для некоторых – имя в прямом смысле слова), имя известное и признанное, знак, по которому сразу можно определить его носителя, выделяя его как некую форму, заметную на недифференцированном, неразличимом, темном фоне, в котором растворено все общее» [6, С. 484]. Связывание символического капитала с именем учёного проявляется в том числе в активном применении эпонимии – названия открытого объекта или явления именем открывшего его учёного. Потому так важны и споры о приоритете, о которых писал Роберт Мертон. В этом прослеживается их согласие с Бурдьё, что, впрочем, уже является общим местом в социологии науки – место учёного в сообществе определяется вкладом учёного, который оценивается как таковой его соперниками-соратниками. Однако Бурдьё ставит распределение научного капитала в центр функционирования поля науки как такового: «Структура научного поля определяется в каждый данный момент соотношением сил между участниками борьбы, агентами или институтами, т. е. структурой распределения специфического капитала как результата предшествующей борьбы, который объективирован в институтах и диспозициях и который регулирует стратегии и объективные шансы различных агентов или институтов в борьбе нынешней» [6, С. 486]. Будучи местом борьбы за научное доминирование, поле науки предписывает исследователям определённые стратегии поведения, позволяющие выиграть в этой борьбе. В этом отношении публикация в журнале является одним из средств получения преимущества в научной конкуренции. Выбор места публикации, или выбор между поспешной публикацией частично проверенных результатов и поздней публикацией полностью контролируемых результатов направлен на увеличение «научной прибыли», т.е. признания со стороны коллег-конкурентов.

В силу того, что никакое социальное поле не обладает полной автономией, и поле науки в том числе, стратегии действующих внутри него агентов не могут быть разделены на научные и социальные. Поэтому отношения силы, конституирующие поле, определяются двумя типами символического капитала: собственно научным (его накопление зависит исключительно от научной деятельности агента) и временным, который выражается в получении власти над научным миром, может быть накоплен через каналы, которые не являются исключительно научными, и носителями которого является бюрократическая прослойка поля науки – министерство, ректоры университетов, директора академий и другие «научные администраторы» [8, Р. 56–57]. При этом временный символический капитал в большей степени связан с отдельными государствами (поскольку именно он обрамляет то, что иногда называется «национальной наукой»), в то время как чисто научный капитал носит скорее международный характер. Соотношение этих типов символического капитала в поле науки зависит от степени автономности поля – чем выше автономия, тем сильнее иерархия связана с распределением научного

капиталом, уменьшение же автономии поля может выводить временный капитал на первый план, вплоть до полного подчинения сугубо научных вопросов бюрократической целесообразности, экономической выгоде или политической идеологии. Соответственно, игроки, действующие на поле науки могут накапливать тот или иной вид символического капитала, выбор между которыми, согласно Бурдье, происходит в соответствии с «законом Ждановщины», «согласно которому, беднейшие в специфическом капитале, то есть наименее выдающиеся в соответствии с научными критериями, склонны обращаться к внешним силам, чтобы укрепить своё преимущество, а иногда даже добиться триумфа в научной борьбе» [8, Р. 58]. Возможно, именно наличие «временного» символического капитала в поле науки и его эффективность в условиях ограниченной автономии, порождает злоупотребление наукометрическими показателями и различные варианты научного мошенничества. В силу того, что количество публикаций позволяет продвинуться вверх по карьерной (административной) лестнице, те, кто выбирает этот путь в науке, могут не обращать внимания на оцениваемое сообществом качество журнала, в котором публикуются, не заботиться о содержательной значимости публикуемого материала, делегировать написание статей соавторам или требовать, чтобы подчинённые указывали их в числе соавторов, и даже не чураться плагиата. Данная стратегия поведения, безусловно, осуждается той частью сообщества, которая стремится к получению специфического научного капитала. Однако, поскольку в административной среде такая тактика напрямую не наказывается, но может принести конкурентное преимущество, её могут выбирать носители «временного капитала».

Как уже упоминалось, доминирование временного символического капитала над специфическим научным капиталом становится возможным в условиях ограниченности автономии науки. Говоря об автономии научного поля, Бурдье противопоставляет «чистой автономии» концепцию относительной автономии, которая не изымает науку из окружающей среды, но возникает как результирующая отношений научного поля и внешнего пространства: «Сказать, что поле относительно автономно по отношению к окружающей социальной вселенной, значит сказать, что система сил, составляющих структуру поля (напряжение), относительно независима от сил, воздействующих на поле (давление). У него как бы есть “свобода”, в которой оно нуждается для формирования своей собственной целесообразности, своей собственной логики, своих собственных законов» [8, Р. 47]. Эта автономия – не данность, она завоёвана в процессе исторического развития поля и нуждается в постоянной поддержке. Степень автономии социального поля проявляется в требовательности условий входа в поле. В науке эти входные требования достаточно высоки, более того, они постоянно растут – количество фильтров, которые необходимо пройти, увеличивается с институционализацией научного поля. Чем выше входные требования – тем более автономно поле, и повышение этих требований увеличивает степень его автономии: «...постоянное повышение пошлины за вход, предполагающее накопление специфических ресурсов, способствует в свою очередь автономизации научного поля, устанавливая социальный разрыв с невежественным миром непосвященных.

Этот разрыв носит тем более радикальный характер, что к нему как таковому и не стремятся» [6, С. 515].

Цена входа в научное поле – это «компетентность», «квалификация», специфический научный капитал (как определённый вид символического капитала), который оценивается теми, кто уже находится в поле науки. Примером проверки на компетентность, способность к научным исследованиям, является защита квалификационных работ – дипломов, диссертаций, и т.д. Но компетентность не сводится к некоторому уровню знаний и умений, необходимых для того, чтобы иметь возможность называться «учёным». Это инкорпорированная форма ресурсов науки, накопленных за всё время её существования, представляющая научный габитус – «практическое освоение нескольких столетий исследований и достижений – например, в форме представления о том, какие проблемы интересны и важны, или какой арсенал теоретических и экспериментальных схем может быть применен, путем переноса, к новым областям» [8, Р. 51]. То есть умение в рамках определённой дисциплины (математики, физики, биологии, филологии, социологии и т.д.) выбирать объект исследования, формулировать научную проблему, подбирать и применять соответствующие методы, и оценивать результаты принятых решений с точки зрения этой дисциплины является проявлением научного габитуса, а сформированность этого габитуса оценивается учёными как мера компетентности, позволяющая войти в научное поле. Но не только компетентность составляет научный габитус. Неотъемлемым элементом этой диспозиции является также само желание вступить в это поле, вера в то, что наука стоит того, чтобы заниматься исследованиями ради неё самой – то, что Бурдьё называет «*libido scientifica*», склонность, пристрастие к науке как таковой, «вера в игру», которая проявляется в том числе в подчинении требованию незаинтересованности. Это «социально конституируемая диспозиция, связанная с полем, которое вознаграждает незаинтересованность и наказывает любые отклонения от неё (в частности, научное мошенничество)» [8, Р. 53]. И компетентность, и пристрастие к науке формируются в процессе образования, под влиянием «педагогического воздействия» со стороны самих учёных. Таким образом, автономность науки тесно связана с институционализацией научной деятельности (где образование – один из фундаментальных институтов) и коллективной регуляцией пространства поля.

Итак, участники борьбы – агенты или институции – соперничают за обладание специфическим научным капиталом (который воплощается в монополии на научный авторитет), сопротивляются вмешательству внешних сил в игру на поле науки и осуществляют фильтр тех, кто намерен в поле попасть. Всё это обеспечивается ничем иным, как постоянным взаимным контролем конкурирующих агентов: «...Группа, обеспечивающая признание, постоянно – по мере того, как возрастают накопленные научные ресурсы и, соответственно, автономия поля – стремится ограничиться совокупностью ученых, т. е. соучастников» [6, С. 474]. Как уже было сказано, увеличение разрыва между учёными и не-учёными и, в конечном счёте, автономия, не является целью этой борьбы. Это закономерное следствие накопления научных ресурсов внутри поля и обусловленного им увеличения ценза

на вход в поле. Ценз столь высок в том числе и потому, что каждый участник состязаний за научный капитал должен быть в состоянии оценивать действия своих конкурентов, только благодаря этому, по мнению Бурдье, возможно поддержание самой структуры научного поля: «Каждый исследователь, работающий в этой области, подвергается контролю со стороны всех остальных, в частности, его наиболее компетентных конкурентов, в результате чего контроль становится гораздо более сильнодействующим, чем контроль со стороны отдельных личных достоинств или любой деонтологии» [8, Р. 48]. Здесь наиболее явно прослеживается расхождение Бурдье и Мертон по поводу работы механизма вознаграждения. Если, согласно Мертону, над научным сообществом довлеют методологически обусловленные этические нормы, а механизм вознаграждения работает как стимул, побуждающий эти нормы соблюдать, то для Бурдье не существует абстрактной нормативности – агенты соблюдают те или иные нормы, поскольку только таким образом они смогут овладеть символическим капиталом и поскольку их постоянно принуждает к этому оценка со стороны других агентов. Не разделяя сугубо научное и «политическое» (то есть то, что так или иначе касается распределения власти), Бурдье утверждает и социальное конституирование исследовательских норм: «Важным и интересным считается то, что имеет шансы быть признанным как важное и интересное другими, т. е. представить того, кто это производит, важным и интересным в глазах других» [6, С. 477]. Собственно, само существование в виде учёного, означает иметь некоторую «галочку» в системе восприятия, габитусе данной области, подвергнуться оценке других учёных и получить их признание: «отдельный производитель может достичь признания ценности своей продукции (“репутация”, “престиж”, “авторитет”, “компетентность” и т. д.) лишь через других производителей, которые, будучи одновременно конкурентами, менее всего расположены признавать заслуги коллеги без дискуссий и испытаний. Прежде всего *de facto*: только ученые, вовлеченные в одну и ту же игру, обладают средствами, позволяющими символически овладеть научным произведением и оценить его достоинства. Но также и *de jure*: тот, кто обращается к внешнему по отношению к полю авторитету, может себя лишь скомпрометировать» [6, С. 479]. Эта оценка и последующее признание производится разными способами – через уже упомянутую процедуру защиты квалификационных работ, через выдачу грантов, присуждение степеней, получение должности или финансирования, через допуск на конференции, и так далее.

Один из наиболее значимых механизмов взаимной оценки конкурентов – публикация научных работ (начиная с допуска к публикации как таковой и заканчивая цитированием работы как меры признания). Описанный механизм самооценки и самоконтроля научного сообщества был бы невозможен без института научных журналов, «которые путем селекции, осуществляемой в соответствии с господствующими критериями, обеспечивают признание продукции, отвечающей принципам официальной науки. Постоянно показывая пример того, что достойно называться наукой, они осуществляют фактическую цензуру еретической продукции, либо открыто отказывая публиковать материал, либо просто отбивая охоту публиковаться, выдвигая собственные критерии “публикуемости”» [6, С. 491]. Так

журналы обеспечивают научное признание, то есть наделяют автора определённым символическим капиталом, дающим преимущество в дальнейшей борьбе (например, наличие публикаций в журнале из списка ВАК позволяет соискателю защитить кандидатскую или докторскую диссертацию). Но, помимо этого, именно журнал обеспечивает своего рода фильтрацию, цензурирование научного поля, не допуская к публикации материалы, не соответствующие официальному пониманию науки. В свою очередь, и сами авторы выбирают научный журнал в зависимости от его норм и требований. Практики и оценки, предписываемые габитусом, включают в том числе и самооценку, что побуждает учёного не подавать статью в тот журнал, в котором, по его мнению, его не опубликуют (например, вряд ли студент или аспирант философского факультета будет подавать статью в «Вопросы философии»). Так практические схемы поведения учёного обосновываются совокупностью институциональных механизмов, обеспечивающих (само)оценку и (само)отбор научных сотрудников.

Таким образом, мы видим, что концепция символического капитала Пьера Бурдьё обладает высоким потенциалом для исследования текстового поведения учёных, которое выражается в том числе в выборе публикационной стратегии. Разведение символического капитала на два типа – «специфически научный» и «временный» позволяет выделить такие публикационные стратегии, которые направлены на наработку именно временного капитала, и допускают пренебрежение капиталом специфически научным. Такие злоупотребления, как публикации в «хищнических» журналах, приписное и покупное авторство, недобросовестные заимствования, множественные публикации и пр., демонстрируют склонность авторов к накоплению временного (или административного) капитала. Данные практики соответствуют формальным требованиям современной научной политики, опирающейся на наукометрические показатели. То, что в этом случае игнорируется реальная оценка со стороны научного сообщества, не мешает представителям научного сообщества, выбравшим эту стратегию, занимать должности деканов, начальников лабораторий, проректоров, ректоров и министров – напротив, формально высокий рейтинг является основанием для построения административной карьеры. С другой стороны, учёные, избравшие путь накопления специфически научного капитала могут публиковаться в журналах, которые не входят в рейтинговые базы данных и системы цитирования (в силу новизны, узкой специализации или несоответствия формата текстов). При этом может замедляться продвижение по карьерной лестнице, но сохраняться и приумножаться признание от коллег по научному цеху.

Эффективность стратегии первого рода в условиях низкой автономии науки можно увидеть в том числе и в ситуации отечественной науки, которая в достаточно значительной степени находится в сфере государственного регулирования (по крайней мере, в том, что касается распределения научных ресурсов).

Список литературы

1. Жэнгра И. Социология науки. –М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 112 с.

2. Merton R.K. The Sociology of Science. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973. – 630 p.
3. Мирская Е.З. Р. Мертон и его концепция социологии науки // Современная западная социология науки: Критический анализ. – М.: Наука, 1988. – С. 42–60
4. Мертон Р. К. Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. – 1993. – вып. 3. – С. 256–276
5. Zuckerman H., Merton R. K. Patterns of Evaluation in Science: Institutionalization, Structure and Function of the Referee System // Minerva. Vol. 9. 1971. P. 66–100.
6. Бурдьё П. Поле науки // Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – С. 473–517.
7. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 64–86
8. Bourdieu P. Science of science and reflexivity. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 2005. – 129 p.

Shkorubskaya E.G. Publications in the Scientific Field: The Place of a Scientific Journal in the P. Bourdieu System of Symbolic Production // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 2. – P. 59–69.

This article examines the Pierre Bourdieu concept of the scientific field, which represent the scientific community as a space for the struggle for symbolic power or scientific authority, which is expressed in a monopoly on scientific competence, in the right to determine what science is. The author compares the approaches of Robert Merton and Pierre Bourdieu to the reward system that functioning in the scientific community and encouraging scientists to comply with certain norms and formalize their communication in more or less stable forms. It is noted that the symbolic reward that scientists receive for certain actions is a specific type of symbolic capital that determines the place of an individual in a social group or in the social space of science. Two types of symbolic capital operating in the field of science are considered: “specific scientific capital” and “temporal capital”. Based on the concept of symbolic capital, the place of a scientific journal in the system of symbolic production of the field of science is determined. The functions of a scientific journal such as filtering agents at the entrance to the field of science and evaluating active agents participating in scientific struggle are highlighted. The publication strategies that contribute to the multiplication of various types of symbolic capital are identified.

Keywords: Pierre Bourdieu, habitus, scientific field, symbolic capital, scientific journal, publication strategies, textual conduct.

References

1. Zhengra I. Sotsiologiya Nauki [Sociology of Science] M.: Ed. House of the Higher School of Economics. 112p.
2. Merton R.K. The Sociology of Science. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973. – 630 p.
3. Mirskaya E.Z. R. Merton i Ego Kontseptsiya Sotsiologii Nauki [R. Merton And His Concept of the Sociology of Science] // Sovremennaya Zapadnaya Sotsiologiya Nauki: Kriticheskii Analiz [Modern Western Sociology of Science: Critical Analysis]. M.: Nauka, 1988. P. 42–60
4. Merton R. K. Effekt Matfeya v Nauke, II: Nakoplenie Preimushchestv i Simvolizm Intellektual'noi Sobstvennosti [The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property] // THESIS. 1993. vol. 3. P. 256–276
5. Zuckerman H., Merton R. K. Patterns of Evaluation in Science: Institutionalization, Structure and Function of the Referee System // Minerva. Vol. 9. 1971. P. 66–100.

6. Bourdieu P. Pole Nauki [Scientific field] // Sotsial'noe Prostranstvo: Polya i Praktiki [Social Space: Fields And Practices]. M.: Institut eksperimental'noi sotsiologii; SPb.:Aleteiya, 2005. P. 473–517.
7. Bourdieu P. Sotsial'noe Prostranstvo i Simvolicheskaya Vlast' [Social space and symbolic power] // Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [Sociology of social space]. M.: Institut eksperimental'noi sotsiologii; SPb.:Aleteiya, 2007. P. 64–86
8. Bourdieu P. Science of science and reflexivity. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2005. 129 p.

УДК 113-047.48

ПЕРСПЕКТИВЫ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО МЕТОДА В БИО-И ЭКОФИЛОСОФИИ¹

Шульга Е.Н.

Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: elena.shulga501@gmail.com

На пути сближения наук о природе и наук о человеке возникает необходимость обоснования тех новых подходов, которые отвечают этой задаче. Важным моментом при этом оказывается необходимость рассмотрения и учета фактора окружающей среды, которая развивается по своим собственным законам, но оказывает при этом влияние на события истории и становление культуры. В свое время В. Дильтей сформулировал эпистемологические основания для разделения «наук о природе» и «наук о духе», вкладывая в это последнее понятие представление о роли и значении человеческого понимания для научного познания и получивших развитие в «науках о человеке». Показано, что понимание как основной метод гуманитарных наук, в случае экофилософии с необходимостью приводит к использованию герменевтического подхода для интерпретации природных «текстов», возникающих в процессе взаимодействия человека и природы. Они обладают специфическими характеристиками, побуждающими исследователей к модификации парадигмы философской герменевтики. Особое место здесь занимает герменевтика окружающей среды, или «энвайроментальная» герменевтика, которая предполагает расширение принципов интерпретации на внешнюю среду любого вида (естественную, техногенную, культурную и т.д.). В самом общем смысле энвайроментальная герменевтика представляет собой определенную философскую позицию, касающуюся понимания нас самих и наших взаимоотношений с окружающей средой.

Ключевые слова: человек, окружающая среда, энвайроментальная герменевтика, смысл, интерпретация

Одно из современных направлений философских исследований, о котором пойдет речь в данной статье, получило название «био- и экофилософия», определение места которой в современной культуре нуждается в специальном рассмотрении. Философское осмысление предметной области биофилософии и экофилософии, их согласованного участия в развитии «наук о природе» и «наук о человеке» представляется актуальным как с точки зрения конкретно-научного содержания этих дисциплин, так и в связи с определением статуса данного комплекса исследований, выявлением их философских оснований. Своеобразие био- и экофилософии состоит в том, что здесь используются новейшие результаты

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований РФФИ (грант №19-011-00383/19) «Био-и экофилософия в современной культуре».

как в области естествознания (биологии и экологии), так и в социально-гуманитарной сфере, что придает всему комплексу возникающих научных проблем широкий философский смысл и общекультурное значение. Однако остается открытым вопрос определения теоретико-познавательного и методологического статуса био- и экофилософии. На этом пути определенную эвристическую роль может играть обращение к истокам зарождения междисциплинарного подхода как способа познания сложных объектов в их единстве и целостности.

Сближение таких, казалось бы, разных областей знания как «науки о природе» и «науки о человеке» не случайно. Дело в том, что в этой дихотомии находит отражение одна из тенденций развития современного научного знания, его ориентированность на решение конкретных проблем социально-гуманитарного характера на фундаментальном уровне. Кроме того, для современной науки характерна направленность к пониманию человека, что делает актуальным философское осмысление вопросов, касающихся самого процесса человеческого познания и его перспектив.

В рассмотрении специфики процесса познания применительно к объектам самой разной природы и соответствующих специфике объектов – методов исследования, выдающихся результатов достиг Вильгельм Дильтей. Именно этот философ выдвинул эпистемологические основания для разделения «наук о природе» и «наук о духе», вкладывая в это последнее понятие представление о человеке во всем многообразии проявления его сил и способностей. Дильтей указал на два важнейших феномена, соответствующих представлению о человеке в его сущностном выражении, утверждая, что это «жизнь» и «понимание». Таким образом, аналогом «наук о духе», по сути дела, становятся современные нам «науки о человеке», исходными пунктами которых как раз и были жизнь и понимание, «а также содержащееся в жизни отношение действительности, ценности и цели» [1, С. 162]. Уделяя особое внимание феномену человеческого понимания, Дильтей рассматривает его в контексте «наук о духе», где понимание возникает благодаря взаимосвязи теоретико-познавательного и логического. И это не случайно, поскольку науки о духе не занимаются изучением внешних факторов, как это имеет место в науках о природе. Науки о духе имеют дело лишь со смыслом и значением, которые усматривают эти науки благодаря теоретико-познавательным и логическим операциям, производимым с внешними факторами. Другими словами, внешние факторы лишь опосредуют понимание, служат пониманию в силу естественной способности человека схватывать в понимании их значения и смысл. Поэтому понимание – это не только метод, присущий наукам о духе, или своеобразный методологический подход. Понимание – это когнитивная способность и, одновременно, феномен нашего мышления и сознания. Для того, чтобы понимание наступило, необходимо внешнее восприятие предмета и осознание ценности воспринимаемого предмета и его цели. Именно эта соотнесенность ценности и цели предмета через непосредственное восприятие формирует у человека (у исследователя) «жизненное отношение» к объекту изучения. Живое, «жизненное отношение» человека к объектам, в том числе, к наблюдаемым и изучаемым объектам, предполагает определенную их оценку, которая происходит уже на

уровне непосредственного восприятия этих предметов и объектов. «Их целесообразность, – пишет Дильтей, – имеет основание в моем целеполагании, их красота и благо – в моем наделении их ценностью, их разумность – в моем интеллекте» [1, С. 163]. Тем самым способность человека не только созерцать и наблюдать окружающую действительность, но воспринимать окружающий мир в переживании и понимании, как раз и создает фундаментальную основу для целого мира представлений, объединяя внешнюю данность и наше собственное течение жизни. «Я живу в этом мире представления, – подчеркивает философ, – и его объективная значимость гарантирована мне постоянным обменом с переживанием и пониманием; наконец, понятия, общие суждения, общие теории не являются гипотезами о чем-то, к чему мы относим наши впечатления, но происходят из переживаний и понимания. И как здесь всегда присутствует целостность нашей жизни, так и полнота жизни звучит даже в самых абстрактных положениях нашей науки» [1, С. 163].

Как можно заметить, принципиально оптимистичный взгляд на человека и на процесс познания, который передает нам цитируемое высказывание Дильтея, приводит, в конечном итоге, к совершенно определенной оценке различия двух классов наук и их отношения друг с другом. «Природа – основание наук о духе». Природа – это не только сцена, где разворачивается история человечества, но и все физические процессы, происходящие с необходимостью и исходящие от них воздействия – все это составляет основание всех отношений в историческом мире. Таков, в общих чертах, взгляд Вильгельма Дильтея на соотношение природного и культурно-исторического.

В дополнение к этому выводу стоит обратить внимание также на то, что отдельные положения философии Дильтея, в особенности, выдвигаемые им основания для разделения наук, наряду с поиском философских основ их предполагаемого объединения, дают современным исследователям хороший образец аргументации и стиля философствования, уместного для рассмотрения вопросов эпистемологического и методологического характера. Прежде всего, в связи с определением конкретной роли теории познания применительно к комплексу «наук о природе». «Центральная проблема теории познания, – пишет Дильтей, – связанная исключительно с науками о природе, состоит в фундировании абстрактных истин, характера их необходимости, каузального закона, а также того, что касается связи достоверности индуктивных умозаключений с их абстрактными основаниями» [1, С. 164]. Тем самым теоретико-познавательный и логико-методологический аспекты развития естествознания очевидны как для самого Дильтея, так и вполне перспективны для современных исследователей.

В настоящее время интерес ученых обращен в сторону познания живой природы на фундаментальном уровне. При этом междисциплинарный характер изучения жизни на разных уровнях организации живого, включая человека, его когнитивные способности или познание условий существования людей в конкретной природной и социальной среде, изучение климата и его влияние на становление традиционной культуры и т.д. – все многообразие возникающих вопросов подтверждается самим фактом появления новых дисциплин. Так, называя

наш век – «веком биологии», А.В. Олескин пишет: «Она все в большей мере приобретает статус не только естественнонаучной, но и социогуманитарной дисциплины. Биологические знания оказываются ныне востребованными при решении проблем, относящихся к таким разным областям как этика, лингвистика, эстетика, история; биология вносит немаловажную лепту в разработку концепций экономического и культурного развития человечества, а также в реформирование системы образования в свете требований складывающегося на наших глазах постиндустриального (информационного, сетевого) общества» [2, С. 6]. Появление таких дисциплин, как гуманитарная биология, биоэтика, биосемиотика, биополитика, биофилософия и экофилософия задает определенные исследовательские рамки, в границах которых должно определяться каждое конкретное исследование.

На первый взгляд, биология не имеет прямого отношения к проблемам человеческой культуры или к становлению культурно-исторического многообразия, поскольку биологический фактор влияния кажется несопоставимым с тем влиянием, которое оказывает на человека природная среда. Кроме того, следует подчеркнуть, что стратегия развития био- и экофилософии в связи с определением места этого комплекса знания в культуре должна, по-видимому, отличаться от стратегий, характерных для культурных трансляций. Между тем придание философского значения результатам в области биологических дисциплин, появление такого направления как биофилософия, а вслед за ней – экофилософия, обретает смысл, если мы будем рассуждать о роли окружающей среды в становлении той или иной культуры. Сразу же оговорюсь, что гипотетически, философская концепция, согласно которой окружающая среда рассматривалась бы в качестве фактора социализации человека, нуждается в эмпирическом подтверждении. В нашем случае ограничимся обращением к традиции философского обоснования предмета исследования, и при рассмотрении предмета биофилософии будем учитывать специфику природной организации как имеющей определенные закономерности. Обратимся к истории философии не только с чисто познавательной целью, но и для иллюстрации становления натурфилософского мышления. Начнем с определения первоначального смысла самого понятия. На первый взгляд, биофилософия соединяет биологию с философией, точнее говоря, биос (жизнь) и философию (мудрость). Общекультурная направленность такой интерпретации понятий очевидна и должна предполагать, по-видимому, философское осмысление любых наблюдаемых проявлений жизни. Если реконструировать тот первоначальный смысл понятия «биос», который нам известен из истории философии, то следует обратить внимание на некоторые важные нюансы, касающиеся указанного соотношения. В греческом мире любое философское утверждение, относящееся к человеку, к его жизни в обществе и его познанию, имеет этическую направленность. Более того, этическое начало охватывается именно понятием биос (bios) – образ жизни. Это важное замечание касается также предмета и перспектив развития биофилософии как формулирующей не только интегрирующие положения, связанные с феноменом жизни, но и обеспечивающей основания, чтобы эти положения были представлены концептуально (например, на уровне объяснения

структурной организации живого, в контексте эволюции живого, в парадигме идеи коэволюции и т.д.). В конечном итоге эти концепции живого должны закладывать основы для выработки модели объединения знаний (наук о живом и наук о человеке). Но поскольку «науки о живом» входят в состав «наук о природе», то и «науки о человеке» закономерным образом включают в себя биологическую, а затем и экологическую составляющую. Свидетельством признания статуса биофилософии как части или одного из разделов философии науки стала публикация в 1974 году книги Дэвида Халла «Философия биологических наук» [3].

Важным моментом дальнейшего развития этого направления исследований связано с осознанием самими учеными необходимости рассматривать и учитывать фактор окружающей среды, по отношению к которой всегда рассматривается человеческое сообщество, и которая развивается по своим собственным законам, оказывая влияние на события истории и на становление культуры. Само по себе понятие «окружающая среда» используется в многочисленных концепциях, описывающих условия существования живого, его выживания и (или) определяющих тенденции согласованного развития человека и природы. Следует заметить, что уже к середине 70-х гг. прошлого века интерес к человеку выразился в многочисленных научных дискуссиях о биосоциальной сущности индивида. Вектор последующих биофилософских исследований «был обращен на познание природы человека, рассматриваемой уже в контексте соотношения природного и социального, что придавало философский смысл тем размышлениям, которые касались вопросов глобально-экологического значения, выяснения теоретических и практических моментов, связанных с поддержанием единства человека и природы, целостности биосферы как совокупности экосистем. Так появилась экофилософия, а вместе с ней потребность в формулировании условий решения насущных задач, касающихся участия экологии, ее результатов, в исследовании организации живого на Земле (глобальная экология, экология человека, социальная экология и т. д.)» [4, С. 47].

Можно выделить три важных направления в изучении взаимодействия человека, природы и общества, которые являются приоритетными сегодня. Во-первых, это вопросы, связанные с предотвращением и предупреждением негативного антропогенного воздействия на окружающую среду. Во-вторых, изучение условий, поддерживающих естественные природные системы (экосистемный подход). Наконец, третье направление касается вопросов сохранения существующего многообразия живого на планете. Таким образом, окружающая среда становится не только объектом научного познания, но и предметом философского исследования, утверждающего принципы рационального (гуманного) взаимодействия с природой (отношение действительности, ценности и цели). В глобальном масштабе среда обитания людей – биосфера – рассматривается учеными как высочайшая ценность. Вот как об этом писал Н.В. Тимофеев-Ресовский: «Биосфера Земли формирует все окружение человека. И небрежное отношение к ней, подрыв ее правильной работы будет означать не только подрыв пищевых ресурсов и целого ряда нужного людям промышленного сырья, но подрыв газового

и водного окружения. В конечном счете, люди без биосферы или с плохо работающей биосферой не смогут вообще существовать на Земле» [5, С. 361–362].

Следует заметить, что ценностно-ориентированное и при этом рациональное отношение к природе предполагает не только утверждение принципов разумного, экономически оправданного природопользования, но и требует философски обоснованного подхода, который расширяет диапазон восприятия человеком мира живой природы, в первую очередь, на уровне популяций и экосистем. Современная философия экологии занимается вопросами охраны окружающей среды (этикой среды), внедряет в общественное сознание (экологическое сознание) идею биоразнообразия, поддержание которого создает естественные условия для «природного равновесия» внутри биосферы. В целом, философия экологии (экофилософия) опирается на онтологические и эпистемологические основания в определении своего предмета, изучает социокультурные и этические аспекты взаимодействия человека и природы и при этом выступает в качестве мировоззренческого ориентира для интеллектуальной деятельности в этой сфере познания и «живого опыта» взаимодействия со средой.

Если же говорить о специфических методах гуманитарных наук, которые может использовать экофилософия, то здесь особое место занимает герменевтика окружающей среды, или «энвироментальная» (environmental) герменевтика. «Эта область изучения называлась по-разному: “экологической герменевтикой”, “экогерменевтикой”, “энвироментальной герменевтикой”, “герменевтикой местности”, “герменевтикой ландшафта” и “биологической герменевтикой”. То, что связывает все эти концепции вместе, это пересечения, когда философская герменевтика ... вступает в контакт с энвироментальным мышлением» [6, Р. 4].

Таким образом, энвироментальная герменевтика предполагает расширение принципов интерпретации на внешнюю среду любого вида (естественную, техногенную, культурную и т.д.). Как результат, герменевтика выступает разумным обоснованием интерпретативных актов вообще, осуществляется ли интерпретация посетителем зоопарка, ботаником, артистом, фермером, строительным рабочим или просто тем, кто смотрит в окно на природный пейзаж. Другими словами, энвироментальная герменевтика является интерпретацией общения с окружающей средой или внутри окружающих сред. Примеры такой интерпретации весьма разнообразны, они включают в себя информационные знаки о сохранности природы или исторические метки, которые передают интерпретацию «экспертов» посетителям. Наряду с этим они могут также включать в себя различного рода действия, например, такие, как конструирование и разработка оздоровительных пешеходных троп, которые имеют некоторое отношение к ландшафту, или деятельность по созданию историко-краеведческих маршрутов.

Следует подчеркнуть, что различные дисциплины интерпретируют естественное окружение различными способами согласно их собственной внутренней логике. Существуют геологические интерпретации, экономические интерпретации, технологические интерпретации, сельскохозяйственные интерпретации и т.д. Энвироментальная герменевтика может критически посредствовать между различными дисциплинарными интерпретациями, тем самым

предлагая междисциплинарное понимание окружающей среды. Все это позволяет утверждать, что по мере развития энвайроментальной герменевтики она охватывает все более широкие аспекты интерпретации. Она использует для своих целей подходы естественных и гуманитарных наук, теологии и религиозных исследований, которые создают дополнительные измерения и перспективы развития самой энвайроментальной герменевтики.

В самом общем смысле энвайроментальная герменевтика является своего рода философской позицией, которая показывает, как неизбежно то, что Гадамер называл нашим «герменевтическим сознанием». Именно оно информирует нас самих о наших взаимоотношениях с окружающей средой. Этот смысл энвайроментальной герменевтики связан не просто с техникой и методологией интерпретации природы, но с онтологическими рамками, которые делают необходимой подобную интерпретацию. Что касается перспектив энвайроментальной герменевтики, то поиски в этом направлении могут быть связаны с традиционными темами о естественных природных сущностях и экосистемах, посвящены ландшафтам и морским пейзажам, диким, сельским или городским средам, любым концепциям или смыслам «окружающей среды», которые подвергнуты интерпретации.

Энвайроментальная герменевтика предлагает новый взгляд на традиционные проблемы энвайроментальной философии и этики, которые до сих пор находились вне сферы внимания философской герменевтики. Вместо того, чтобы, например, просто обсуждать природу природы или вопрос ее существования, герменевтика предлагает нам заняться осмыслением и рефлексией восприятия окружающей среды, рассматривая их как формы интерпретации. Энвайроментальная герменевтика концентрируется на диалогическом отношении между людьми и окружающей средой, что проявляется во внимании к изучению любых частных случаев такого взаимодействия, использовании их для выяснения смысла и улучшения нашего понимания природы.

Конечно, энвайроментальное понимание контекстуально. Оно обусловлено не абстрактным пространством, но всегда конкретным местом или расположением, и всегда в конкретных культурных установках, принадлежащих этому месту. Моральные смыслы также не существуют абстрактно, но лишь как часть морального языка и в постоянном протекании интерпретации и реинтерпретации, что мы называем традицией. Без активных дебатов и дискуссий по поводу смысла окружающей среды, т.е. без живой культуры общения и живой моральной традиции (беседы или спора о передаваемых интерпретациях), моральные смыслы не могут существовать, а моральная культура становится застывшей.

Благодаря экспликации и критической рефлексии над «установленным», общепринятым пониманием окружающей среды, энвайроментальная герменевтика предстает не как теоретическая попытка построения концепции, но как подлинно практическая философия. Она выступает как критическое рефлексирование над нашей практикой и нашим пониманием окружающей среды, как артикуляция ее смыслов, которые должны были остаться скрытыми от нашего взгляда, как открытие новых путей интерпретации.

Воспринимать мир, действовать в нем, рефлексировать, рассуждать и интерпретировать значит принимать во внимание герменевтику: это помогает углублять и расширять наше моральное энвайронментальное понимание позиционированного контекста окружающей среды, контекста конкретного морального сообщества, и в некотором смысле помогает создавать исторически обусловленную «культуру места». Герменевтика, иными словами, помогает создавать моральные сообщества, вдыхая жизнь в наш моральный язык. Окружающая среда означает почти все для нас как людей – наше здоровье, нашу культуру и способ жизни, индивидуальную и коллективную идентичность, традиционное знание и практику, и так далее: все вплетено в наше местоположение (мы можем даже сказать – в наше воплощение в окружающей среде). Энвайронментальная герменевтика снабжает нас ресурсами для обдумывания и творческими смыслами размышления о проблемах взаимодействия человека и природы.

Список литературы

1. Вильгельм Дильтей. Собрание сочинений: в 6 т. / Дильтей В. – М.: Три квадрата, 2004. – Т. III. Построение исторического мира в науках о духе – 419 с.
2. Олескин А. В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политические и практические аспекты / А.В. Олескин. – М.: Научный мир. 2007– 506 с.
3. Hull D. L. *Philosophy of Biological Science*. Englewood Cliff, Prentice-Hall. 1974. – 148 p.
4. Шульга Е. Н. Экофилософия: герменевтический подход // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Философские науки». – 2019. – № 2 (30). – С.43–49.
5. Тимофеев-Ресовский Н. В. Воспоминания / Н.В. Тимофеев-Ресовский. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Пангея», 1995. – 384 с.
6. *Interpreting nature: the emerging field of environmental hermeneutics* / edited by Forrest Clingerman, Brian Treanor, Martin Drenthen, and David Utsler. – First edition. New York, Fordham University Press, 2014. – 400 p.

Shulga E.N. Prospects of the Hermeneutical Method in Bio- and Eco-Philosophy // *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 2. – P. 70–78.

On a path leading to the convergence of science on nature and science on human emerges a need in justification of the new approaches which meet this task. Besides, an important moment is the requirement of analysis and awareness of the factor of environment developing according its own laws but simultaneously making impact on historical events and culture becoming. Early Wilhelm Dilthey formulated epistemological foundations for the demarcation of the *Naturwissenschaften* and *Geisteswissenschaften* (science about nature and science about spirit) tied up with the latter concept an idea of the role and significance of the human understanding for scientific cognition which was developed in the “science about human”. It is shown that an understanding as the main humanities method in case of eco-philosophy inevitably leads to the implementation of hermeneutical approach for the interpretation of the nature “texts” arising during the process of interaction of the man and the nature. Their specificity urges humans to modify the paradigm of philosophical hermeneutics. The special position belongs hermeneutics of the surrounding environment or “environmental” hermeneutics. It supposes extending of the principles of interpretation to the external environment of any kind (natural, technogenic, cultural etc.). Generally environmental hermeneutics is in a sense a philosophical position concerning the understanding of ourselves and our relationship with the surrounding environment.

Keywords: human being, surrounding environment, environmental hermeneutics, meaning, interpretation

References

1. Wilhelm Dilthey. *Sobranie sochinenij v 6 tomakh* [Collected works in 6 volumes]. – Moscow, Tri kvadrata, 2004. Vol. III. *Postroenie istoricheskogo mira v naukah o duhe* [Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften], 419 p.
2. Oleskin A. V. *Biopolitika. Politicheskij potencial sovremennoj biologii: filosofskie, politicheskie i prakticheskie aspekty* [Biopolitics. Political potential of modern biology: philosophical, political and practical aspects]. – Moscow, Nauchnyj mir. 2007. 506 p.
3. Hull D. L. *Philosophy of Biological Science*. Englewood Cliff, Prentice-Hall. 1974. – 148 p.
4. Shulga E. N. *Jekofilosofija: germeneticheskij podhod* [Eco-philosophy: hermeneutical approach]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija «Filosofskie nauki»* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University] - 2019, Vol. 30, № 2, p.43-49.
5. Timofeev-Resovskij N. V. *Vospominanija* [Memoirs]. – Moscow, Izdatel'skaja gruppа «Progress», «Pangeja», 1995. 384 p .
6. *Interpreting nature: the emerging field of environmental hermeneutics* / edited by Forrest Clingerman, Brian Treanor, Martin Drenthen, and David Utsler. — First edition. New York, Fordham University Press, 2014. 400 p.

УДК 172.4:130.2

ПРОБЛЕМА РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПОСРЕДСТВОМ ФОРМИРОВАНИЯ КОДЕКСОВ И РЕКОМЕНДАЦИЙ

Коноплева А.А.¹ Буткевич С.А.²

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: ¹konoplyova.artcrimea@gmail.com; ²butkevich-sa@mail.ru

Проблема регулирования культурных процессов становится особенно актуальной в период социальных преобразований, что обусловлено усложнением хода интеракции в различных плоскостях. Уже традиционно самым непростым, с точки зрения проведения анализа и выработки прогноза, является сфера межэтнических отношений. В данном контексте в качестве цели исследования предлагается рассмотреть попытки реализации процесса регламентации поведения этнических групп на примере проблем, характерных для Российской Федерации, а также оценить с позиции культурологии, этнографии, этики и психологии эффективность подобного воздействия. Предметом статьи стали способы регламентации поведения этнических групп, объектом – перспективы их применения в современных реалиях. Помимо общенаучных методов, ключевыми для изучения обозначенных проблем стали метод кросс-культурного анализа, позволивший выявить особенности национального характера отдельных этносов, а также метод историзма, поспособствовавший определению культурного фундамента, детерминирующего стиль поведения народа. В ходе исследования было установлено, что миграционные процессы, имеющие место как во внутригосударственном, так и в международном плане, становятся импульсом для повышения интенсификации межэтнических отношений, которые, в свою очередь, редко протекают бесконфликтно. Контент-анализ интернет-источников и публичных форумов показывает, что наиболее актуальным для современной России становится вопрос регламентации поведения, связанного либо с пребыванием граждан в республиках Северного Кавказа, либо с адаптацией представителей кавказских народов к нормам поведения, распространенным в иных регионах России. Определено, что регламентация может быть эффективной при соблюдении ряда требований: анализа причин возникновения конфликтов; привлечения авторитетного лица к разработке рекомендации; опоры на исторические традиции народа; учета особенностей национального характера народа, поведение которого планируется урегулировать. Анализ специфики мировоззрения молодежи способствует осознанию того, что большую эффективность при регуляции поведения этнических групп приобрели бы рационально выстроенные разъяснения сути этнических традиций и обоснование причин важности их уважения и соблюдения в нынешних условиях.

Ключевые слова: культура, традиции, национальный характер, кодекс, стыд, этническая группа, социокультурная среда, этнические особенности моральных принципов, нравственный авторитет.

Казалось бы, что в вопросе культурных различий давно расставлены все точки. Сформированы матрицы, позволяющие описать национальный характер каждого народа, определить культурные коды, объяснить причины свойственной ему модели поведения, исторически обосновать ментальные особенности, мировоззренческие позиции и ценностные ориентиры. Однако, невзирая на погружение общества в процесс глобализации и эру информационных технологий, формирующих единое пространство, именно в современном мире все чаще проявляются конфликтные ситуации, связанные с неспособностью адаптироваться к новой культурной среде или невозможностью принятия индивида-представителя иной идентичности. Кризис вызван сразу несколькими причинами.

Во-первых, в условиях культурного плюрализма в человеческом сознании формируется многомерная система, способствующая восприятию носителя другой культуры, предполагающая, с одной стороны, абстрагирование от культурных особенностей, с другой – концентрацию внимания на уникальности традиций и ценностей, присущих как воспринимаемому, так и воспринимаемому. Отсюда в условиях реализации принципов политики мультикультурализма возникает противоречие, основанное на амбивалентной попытке совместить несовместимое – подчеркнуть и одновременно нивелировать культурные различия.

Вторым важным фактором, усложняющим решение проблемы, являются приобретающие популярность идеи либерализма, отстаивающие не только свободу самореализации, но и размывающие грани возможного и допустимого. Это вызывает необходимость рассмотрения проблемы регуляции поведения представителей определенных социальных групп.

Значительный интерес представляет проблема внешнего контроля поведения этнических групп, приобретающая актуальность в условиях поликультурного общества. Особенно остро это проявляется в разрезе рассмотрения характера оказываемого воздействия на представителей этноса, перспектив осуществления данного влияния, способов его реализации, а также возможных итогов вмешательства в естественный ход культурных процессов.

В соответствии с устоявшимися в философии культуры и культурной антропологии представлениями, одной из форм выражения культуры является либо ее поведенческий характер, формируемый посредством научения, либо некая абстракция поведения [1, С. 17]. И в первом, и во втором случае культура мыслится не только как форма выражения, но и как форма восприятия. Отсюда следует невозможность оценки культуры без процесса включения в нее. В то же самое время принадлежность к конкретной культуре не позволяет исследователю абстрагироваться от ее смысловых характеристик, а, следовательно, изучение ее также становится субъективным и заангажированным.

Ситуация еще больше усложняется, когда речь идет об оценке поведения индивида-носителя иной культурной традиции, который в своих действиях опирается на прививаемые с детства ценности и нормы нравственности, религиозные убеждения, а также в течение жизни ориентируется на признанные в его социальной среде авторитеты.

Таким образом, актуализируется третий фактор, связанный с неспособностью представителей современного общества ориентироваться на универсализированные шаблоны. Затруднительность стандартизации объясняется переходным характером современной социальной системы, формирующей индивида, отвергающего исторически устоявшиеся образцы и пребывающего в постоянном поиске. В таких условиях, с целью избежания хаотичности и непредсказуемости в поведении вполне ожидаемой становится попытка выведения правил, направленных на упорядочение взаимодействия различных социальных групп.

Жаркие споры в политических кругах и среди представителей общественности вызвала инициатива подготовки своеобразных кодексов для представителей различных народов, регламентирующих их поведение на территории своего региона, иных субъектов Российской Федерации, а также попытки формирования свода правил этикета для гостей некоторых регионов России.

Таким образом, цель исследования заключается в анализе процесса регламентации поведения этнических групп на примере проблем, характерных для Российской Федерации, а также оценке с позиции культурологии, этнографии, этики и психологии действенность подобного воздействия. Достижение цели предполагает решение целого спектра задач. Во-первых, рассмотреть феномен регламентации этнического поведения в синхронической и диахронической плоскостях; во-вторых, изучить этнокультурные и философские основания для усвоения вводимых правил; в-третьих, оценить возможности применения приемов подобного рода для нейтрализации конфликтов на межкультурной почве.

В эпицентре проблемы находятся народы республик Северного Кавказа, что объясняется особенностью менталитета, религии, традиций и культуры. Причиной попытки регламентации стали такие проявления, как сложность в адаптации к условиям новой культурной среды, учащение фактов нарушений норм морали и правил этикета представителями кавказского народа, а также незнание или непонимание местных обычаев и традиций лицами, посещающими республики с туристическими или иными целями.

Западный спектр проблемы, в отличие от российского контекста, больше связан с отдельными трудностями в адаптации мигрантов. Миграционный кризис, начавшийся в 2015 году, обусловил необходимость осмысления проблемы приобщения беженцев к местному укладу жизни на уровне не только моральных, но и правовых норм. Это обусловлено тем, что параллельно с увеличением потоков переселенцев, стремительно возрастает уровень преступности и террористической опасности. Меры принимаются зачастую полярные: от идеи Д. Трампа о строительстве «американо-мексиканского барьера» до инициатив европейских стран, касающихся разработки всевозможных кодексов и внесения коррективов в сферу миграционной политики.

Попытки регуляции поведения индивида или социальной группы, как правило, сопровождаются формированием своеобразных кодексов. Если абстрагироваться от иносказательных и метафоричных употреблений, то само по себе понятие «кодекс» означает свод правил, направленных на обеспечение контроля над соблюдением норм, реализуемых в пределах определенной сферы. Традиционно кодекс имеет

отношение к юридической науке, однако, кроме реализации юридических норм, с помощью кодексов обеспечивается регуляция и нравственных отношений.

Анализируя причины возникновения и функциональную нагрузку этических кодексов, следует отметить, что их первостепенное назначение заключается в регулировании наиболее существенных сторон жизни, которые в силу своей фундаментальности не могут быть сведены к сухому перечню действий. Особенность этического кодекса в сравнении с нормативными актами, закрепляющими правовые нормы, скорее состоит в попытке выведения универсальных принципов поведения и формирования абстрактных жизненных ориентиров. Исключительные свойства морали воплощаются в виде идеализированных моделей, служащих примером для подражания.

Феномен регламентации этнического поведения не является новаторским. Такие попытки в историческом ракурсе уже предпринимались и на территории Востока, и применительно к Западной цивилизации. В Японии особый интерес представляет бусидо – кодекс чести самурая, органически впитавший в себя правила житейской морали и принципы поведения в бою. В Европе сходный свод норм сложился в эпоху Средневековья и регулировал поведение рыцарей. Правила касались не только особенностей действий в ситуациях, связанных с повседневной жизнью, но и настраивали на решительные поступки во время сражений, регламентировали отношение к женщинам. Вопреки попыткам обывателей перечислять эти своды правил через запятую или искать аналогии в постулатах, отметим, что положения бусидо и кодекса чести рыцаря – это отражение эпохи и культуры, а потому базируются на принципиально разных религиозно-философских и мировоззренческих основах. Однако, обобщая заложенные в них идеи, можно сделать вывод о попытке регуляции действий, направленных на сохранение чести отдельной личности и всего народа.

Сводные правовых, культурных и моральных норм, кроме России, были представлены в Германии, Финляндии, Норвегии и пр., и ориентированы преимущественно на проблемы, связанные с поведением беженцев из Африки и Ближнего Востока. Следует отметить примитивность зафиксированных норм, ориентированных преимущественно на общие правила приличия, принципы отношения к женщинам, необходимость соблюдения правил дорожного движения, поддержания гигиены, а не углубленное изучение культурных особенностей для комфортного совместного проживания беженцев и местных жителей.

Применительно к этническим особенностям, следует упомянуть эзел, представляющий ингушский свод правил морали и этики, имеющий неписанный характер; адаты как обычаи, регулирующие жизнь чеченского народа; чеченский этический кодекс чести «Къонахалла»; «уэркъ хабзэ» – неписанный кодекс «черкесского рыцаря (дворянина)» [2, С. 92] и другие своды этнических правил и норм. Очевидно, что подобные сборники появляются у тех народов, где первостепенное значение имеет традиционность и преемственность. В России к таковым относятся народы Кавказа.

На сегодняшний день актуальные данные социологических исследований, представляющие перечень типичных и наиболее распространенных нарушений

принципов морали, отсутствуют. Контент-анализ интернет-источников и публичных форумов позволяет прийти к мнению, что ошибки со стороны гостей республик Северного Кавказа, допускаемые во время пребывания на их территории, касаются пренебрежения устоявшимися правилами морали. Это выражается в ношении одежды, не соответствующей принятым нравственным нормам, а также в несоблюдении религиозных законов местных народов. В число самых распространенных входит ношение женщинами откровенных нарядов и попытки употребления алкогольных напитков в исламских республиках. Что касается поведения кавказцев в других регионах, к примеру, в г. Москве, то рассматриваемые народы, по мнению местных жителей, отличаются высоким уровнем конфликтности, обусловленным их настойчивостью, дерзостью, агрессивностью. Также ксенофобские чувства во многом вызывают устоявшиеся ложные стереотипные представления о противоправном поведении представителей этих этносов.

А. Малашенко, анализируя причины развития межконфессиональных противоречий, отмечает, что еще в советские времена сложилось разделение народов, исповедующих ислам, основанное на стереотипных представлениях о «чужом исламе» (то есть зарубежном, антикоммунистическом, политизированном, активно противопоставляющем себя Советскому государству) и «своем, советском исламе», сохранившемся «среди «невежественных стариков», «слабых женщин» [3, С. 52.]. В современном сознании это разделение предопределяется стереотипом, согласно которому мусульмане делятся на представителей «традиционного» и «фундаменталистского ислама». Все они в общественном сознании, заангажированном СМИ и политическими противоречиями, либо «агрессивны, безжалостны и с презрением относятся к русскому обывателю» [3, С. 53], либо приехавшие на заработки и нещадно эксплуатируемые беззащитные, но не вызывающие ни чувства сострадания, ни уважения люди [7, С. 53]. При этом исследователь подчеркивает факт дифференцированного восприятия «татарина» как своего и «кавказца» в качестве чужого [3, С. 53].

Несоответствие поведения принятым нормам может быть связано с тем, что, попадая в новую культурную среду, человек всегда испытывает культурный шок, сопровождающийся амбивалентными чувствами восторженности, умиления и растерянности, усиливающимися из-за неспособности моментально адаптироваться к предлагаемым условиям. В этой ситуации действительно наиболее ярко проявляются вырабатываемые на протяжении истории модели поведения, от которых невозможно отказаться в силу целого ряда причин. Применительно к кавказским народам главной из них является ярко выраженный традиционный характер культуры и социальных норм, которые зачастую в восприятии молодым поколением могут приобретать различные модификации: от полного повиновения до категоричного отрицания. З. Гаджимуратова, исследуя феноменологию самосознания чеченской молодежи, отмечает высокую степень уважения к традициям, ценностям своей общности, привычных норм поведения и моделей воспитания [4, С. 140]. Различия в стереотипах поведения мужчин и женщин, по

нашему мнению, формирует основу для возникновения ключевого конфликта восприятия поведения.

Процесс формирования гендерной идентичности у народов Кавказа имеет традиционный характер и реализуется посредством строгого разделения труда. Четко определенные социальные роли касаются не только гендерного признака, но и возрастных особенностей. Образ жизни некоторых кавказских народов, обусловленный историческими событиями, стал причиной неравного разделения домашних обязанностей между мужчиной и женщиной, а также различием в социальном статусе. Нормы поведения передаются из поколения в поколение от отца к сыну и от матери к дочери соответственно, что придает им особую жесткость. Регламентация процесса гендерного воспитания предполагает наличие устоявшихся образцов мужского и женского поведения. В мужчине воспитываются «смелость, самостоятельность, независимость, агрессивность», в женщине – «послушание, скромность, покорность родителям, братьям, мужу, родителям мужа, уважение к представителям мужского пола и старикам» [4, С. 141]. Перечисленные критерии становятся жизненными ориентирами.

В разработанных в наши дни ингушских рекомендациях «Этикет поведения ингуша (ингушки) в общественных местах» закреплены похожие требования. «Женщина должна знать свое почетное место. Женщина любого возраста должна уступать мужчине любого возраста. Женщину красит стыдливость, вежливость, спокойный тон и соблюдение дистанции с чужими мужчинами. Женщине не приличествует кричать, громко смеяться» [5]. Тем самым в сознании представителя этого народа формируется не только идеальный образ ингушской женщины, но и модель отношения к ней. Параллельно иницируется и обостряется конфликт в восприятии женщин, чье поведение культурно обусловлено равным мужчине статусом. Таким образом, попытки снижения конфликтности с помощью регламентации особенностей этнического характера, наоборот способны привести к обострению проблемы.

Другим основанием, которое ставит под сомнение эффективность этической регламентации поведения народа, является необходимость подкрепления норм осознанием ответственности за их нарушение. Схему формирования ответственности за свои действия можно изучить на основе разделения культур по индивидуалистическим и коллективистским принципам. Первые – пример западного типа мышления, вторые – восточного.

В науке распространено предположение, что для восточного и западного типа мышления находятся различные основания. Конкретизацию разграничения осуществила антрополог Р. Бенедикт в работе «Хризантема и меч: Модели японской культуры» [6]. На основании собственных наблюдений и анализа особенностей истории и культуры американская исследовательница выдвигает предположение об актуализации в процессе оценивания поступка на Востоке роли стыда, а на Западе – вины. Безусловно, перенесение японских свойств на другие народы некорректно, однако нравственные ориентиры западной и восточной моделей в исследованиях поведения Ю.Н. Долгова вырисовываются более отчетливо.

Человек, будучи представителем «культуры стыда», испытывает обостренное чувство принадлежности к социальной группе (по сравнению с желанием подчеркнуть индивидуальность). Поэтому его поведение «оценивает не он сам, а социум» [7, С. 7]. Представители таких культур будут скептически настроены к исповеди перед представителем духовенства как элементу культовой стороны религии, поскольку о безнравственных поступках следует умалчивать и думать об их несовершении в принципе. В соответствии с психологическими свойствами, чувство стыда зачастую становится основой для выражения агрессии [7, С. 6–7] и переживается совместно с позором. Однако в сознании представителей «культуры стыда» присутствует четкое разделение на «своих» и «чужих», последние «всегда неправы только потому, что они чужие, а не на основании расследований, протоколов, юридических доказательств» [7, С. 9].

Одним из тезисов, заставляющим усомниться в целесообразности введения четко регламентированных правил, является утверждение о невозможности морального воздействия ввиду неисполнения некоторыми представителями даже юридических законов. Данная претензия является не совсем обоснованной и верной. Действительно, право формирует фундамент для морали, закрепляя элементарные правила, позволяющие людям сосуществовать в обществе, не нарушая свободы друг друга. Однако зачастую культурные особенности приводят к тому, что моральные нормы являются более легитимными, чем правовые.

В среде кавказских народов осознание ответственности приобретает эффективность при наличии критической оценки со стороны авторитетного лица. Безусловно, авторы идеи разработки кодексов поведения отмечают факт привлечения историков и старейшин, однако участие некоторых личностей вполне обоснованно вызывает дискуссии и протесты. Привлечение к написанию таких правил известного своей националистической деятельностью (организация «русских маршей», проведение «русских пробежек», инициативы по признанию привилегированного статуса отдельных народов России и пр.), Д. Демушкина [8, С. 316] становится основой для того, чтобы усомниться в объективности и адекватности предлагаемых мер. Возможно, более рациональным было бы привлечение Д. Демушкина к разработке аналогичных кодексов для русских. А лучше – вообще максимально дистанцироваться от участия в таких инициативах знаковых для подрыва межнационального мира персон, обратившись лучше к представителям научных кругов.

Создавая аналогичные кодексы, следует учитывать, что легитимность моральным нормам придает их устойчивость к проверкам временем, а также поэтапность и планомерность восприятия установленных норм, прививаемых в процессе воспитания. К примеру, «ребенка-чеченца с самых ранних лет приучают к правилам горского этикета, незнание которых строго карается» [4, С. 134]. В дальнейшем ребенок, становясь свидетелем последствий ошибок старших, приобретает способность самостоятельно «оценивать различные ситуации» [4, С. 134].

Разрабатываемые сегодня правила ориентированы преимущественно на представителей молодого поколения, которое нередко отличает не только

отсутствие знаний, но и опыта в процессе построения отношений как с представителями старшего поколения, так и с ровесниками противоположного пола [9]. М.В. Черепанова, изучая явление этической кодификации в исторической проекции, обращает внимание на различие социальных условий, напрямую отражающихся на характере их отношения к регламентации морали. Исследователь выделяет «антропологический, корпоративный и социальный» [9, С. 92] уровни. Их преодоление происходит поэтапно и определяется особенностями социальных отношений, базирующимися на аксиологическом фундаменте.

Проводя анализ современной культуры, М.В. Черепанова констатирует факт изменения ценностных ориентиров и отмечает значительное снижение чувства сопричастности группы. Эти тенденции в совокупности стимулируют появления новых форм социального взаимодействия [9, С. 92]. Современный человек постоянно пребывает в состоянии поиска социальных групп, разделяющих его личные убеждения и установки, однако не задерживается в них по причине постоянной смены рода деятельности и вкусовых предпочтений. Такая нестабильность чревата нарушением процесса социальной адаптации и даже невозможностью его эффективного завершения, с одной стороны, и постепенным перерождением субкультур как явления – с другой [10, С. 286]. Таким образом, при попадании в иную социокультурную среду инициируется переосмысление прежних способов организации отношений в обществе. В случае с носителями кавказских традиций описанные тенденции приводят к невозможности их социализации и вероятному замыканию на уровне уже устоявшейся этнической группы.

Выводы. Анализ истории, социокультурных особенностей и специфики менталитета народов Северного Кавказа заставляет задуматься о целесообразности и эффективности внедрения системы искусственной регламентации этнического поведения. Основными ориентирами, с помощью которых и сегодня происходит регуляция поведения, остаются чувства гордости как проявление позитивной оценки и стыд как основа для критики. Учитывая эмоциональную природу данных чувств, дискуссионной, с точки зрения эффективности, является попытка кодификации составляющих культурных особенностей поведения.

Очевидно, что предлагаемые мигрантам брошюры способствуют ускоренному знакомству с местными законами. Однако отсутствие исследований, касающихся того, насколько информация, содержащаяся в них, обеспечила эффективность адаптации гостей к местным традициям и снизила уровень межэтнической напряженности, наталкивает на мысль о недостаточности принимаемой инициативы. Наоборот, констатируется факт того, что местные жители должны учитывать культурные особенности мигрантов. Так мигрант, проживающий во Франкфурте, с помощью угрожающих писем, направляемых в адрес директоров детских садов, добился исключения из меню блюд из свинины, поскольку это было обусловлено его религиозными убеждениями. Уступки местные власти объяснили вредностью свинины для детского организма, погасив конфликт с мигрантом на ранней стадии [8].

Немецкий политик Али Эртан Топрак, анализируя европейский опыт, справедливо замечает, что следует разграничивать «желательные» и

«нежелательные» миграционные процессы. Первые, в отличие от вторых, готовы к отсутствию привилегий, тяжелый труд и не надеются на помощь государства. Исследователь отмечает важность того, чтобы европейское общество ощутило важность присутствия мигрантов на своей территории и видело в них «не обузу, а приобретение» [11]. Для этого предлагается обеспечить работу по незамедлительному устному и письменному информированию мигрантов (вне зависимости от срока их пребывания на территории другого государства) в области законодательства и местных культурных особенностей. Тот, кто претендует на статус беженца, в обязательном порядке должен подписать кодекс поведения, в котором фиксируется, что в случае нарушения, они потеряют право на пребывание в Германии, независимо от того, какие последствия будут от его экстрадиции на родину [12].

Невзирая на востребованность разработки и внедрения принципов поведения, очевидным остается тот факт, что в наши дни регламентация моральных норм уместна скорее в случаях с профессиональной сферой. Эти нормы воспринимаются бесконфликтно ввиду договорного характера и по причине периодичности их применения. Что же касается норм в отношении этноса, то они не могут быть восприняты аналогичным образом, поскольку процесс приобщения к ним не имеет ощутимого исторического основания. Поэтому предложенные положения воспринимаются как назидания.

Для менталитета народов, возводящих в культ традицию, нотации как способ воспитания, будет малоэффективен. В таких случаях используется метод примера. А важным элементом наглядности будет одобрение или осуждение действий со стороны своей этнической группы или авторитетного лица.

Современная культура, в том числе и те ее этнические формы, которые в своей основе опираются на незыблемость традиций, ушла достаточно далеко от применения системы бинарных оппозиций. Такой сдвиг нравственных ориентиров готовит почву для появления «полутонов» и реализации принципа относительности для проведения анализа различных проявлений в сфере культуры. В то время как представленные общественности своды норм для этносов наоборот – предлагают строгую систему, пытаясь четко определить допустимое и недопустимое.

Учитывая особенности национального характера, а также специфику мировоззрения современного молодого поколения – основного объекта воздействия, большую эффективность при регламентации поведения приобрели бы рационально выстроенные разъяснения сути этнических традиций и обоснование причин важности их уважения и соблюдения.

Список литературы

1. Уайт Л. Понятие культуры / Л. Уайт // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. – 2-е изд. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – 720 с.
2. Канаметов З.Х. Уэркъ хабзэ – кодекс чести адыгской феодальной знати // Культурная жизнь Юга России. – №6 (25). – 2007. С.91-94.
3. Малашенко А. Ислам для России / Алексей Малашенко. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 192 с.

4. Гаджимурадова З.М. Феноменология самосознания: притязания на признание в традиционных обществах (на материале изучения ценностных ориентации чеченской молодежи) // Развитие личности. – 2015. – № 1. – С. 130-152.
5. Эздел для начинающих // Кавказ. Реалии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kavkazr.com/a/30136224.html> (дата обращения: 11.12.2019).
6. Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры / Р. Бенедикт. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 256 с.
7. Долгов Ю.Н. Вина и стыд как социальные чувства // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – 2013. – № 33. – С. 167-174.
8. Кахута И.О. Современные радикальные направления неоязычества в России // Молодая наука Сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 315-317с.
9. Черепанова М.В. Актуализация этических кодексов в контексте современной культуры // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – Т. 322. № 6. – С. 92-95.
10. Коноплева А.А. Факторы современного перерождения субкультур // Молодая наука: сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – С.285-287.
11. Топрак А. Э. Die Welt (Германия): что-то идет не так // Россия сегодня [Электронный ресурс]. – URL: <https://inosmi.ru/social/20191010/246009134.html> (дата обращения: 30.12.2019).
12. Никифоров О. В Германии с новой силой критикуют поведение мигрантов // Независимая газета [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.ng.ru%2Fworld%2F2019-08-01%2F6_76_38_behavior.html (дата обращения: 30.12.2019).
13. Чеченский министр рассказал о подготовке кодекса поведения для кавказцев [Электронный ресурс]. – URL: <https://nazaccent.ru/content/6406-chechenskij-ministr-rasskazal-o-podgotovke-kodeksa.html> (дата обращения: 30.12.2019).

Konopleva A. A., Butkevich S. A. Problem of Regulation of Behavior of North Caucasus Ethnic Groups through the Formation of Codes and Recommendations // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 2. – P. 79–89.

The problem of regulation of cultural processes becomes especially relevant during the period of social transformations, which is due to the complexity of the process of interaction in various planes. Traditionally, the sphere of interethnic relations is the most difficult from the point of view of analysis and forecasting. In this context, the target of the study is to consider attempts to implement the process of regulating the behavior of ethnic groups on the example of problems specific to the Russian Federation, as well as to evaluate the effectiveness of such an impact from the standpoint of cultural studies, ethnography, ethics, and psychology. The subject of the article is the methods of regulating the behavior of ethnic groups, the object is the prospects for their application in modern realities. In addition to general scientific methods, the cross-cultural analysis method, which made possible to identify the national character of individual ethnic groups. The historicism method, which contributed to the determination of the cultural foundation that determines the people's behavior style, became the key to the study of issues. The study found that migration processes that take place both domestically and internationally become an impetus for increasing the intensification of interethnic relations, which, in their turn, rarely proceed without conflict. A content analysis of Internet sources and public forums shows that the issue of regulating behavior is becoming the most relevant for modern Russia. It is related to either the stay of citizens in the republics of the North Caucasus or the adaptation of representatives of the Caucasian peoples to the norms of behavior common in other regions of Russia. It is determined that the regulation can be effective subject to a number of requirements: analysis of the causes of conflicts; involvement of an authoritative person in the development of recommendations; reliance on the historical traditions of the people; features of the national character of the people whose behavior is planned to be regulated. An analysis of the peculiarities of the worldview of young people contributes to the realization that rationally structured explanations of the essence of ethnic traditions and substantiation of the reasons for the importance of respect and observance in the current conditions would be more effective in regulating the behavior of ethnic groups.

Keywords: culture, traditions, national character, code, shame, ethnic group, sociocultural environment, ethnic characteristics of moral principles, moral authority.

References

1. White L. A. Ponyatie kul'tury [Concept of culture]. White L. A. Antologiya issledovaniy kul'tury. Interpretatsiya kul'tury [Anthology of cultural studies. Interpretation of culture]. 2nd pb. Translation from English. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. 720 p.
2. Kanametov Z.Kh. Uerk" khabze – kodeks chesti adygskoi feodal'noi znati [Uerk habze - code of honor of the Adyghe feudal nobility]. Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural life of the South of Russia, 2007. no 6 (25). pp. 91-94. (In Russian).
3. Malashenko A. Islam dlya Rossii [Islam for Russia] / A. Malashenko ; Mosk. Tsentr Karnegi. Moscow. Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) – Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2007. pp. 192. (In Russian)
4. Gadzhimuradova Z.M. Fenomenologiya samosoznaniya: prityazaniya na priznanie v traditsionnykh obshchestvakh (na materiale izucheniya tsennostnykh orientatsii chechenskoi molodezhi) [Phenomenology of self-awareness: claims to recognition in traditional societies (based on the study of the value orientations of Chechen youth)]. Razvitie lichnosti – Personal development, 2015, no., 1. pp. 130-152. (In Russian)
5. Ezdel dlya nachinayushchikh [Ezdel for beginners]. Kavkaz. Realii [Caucasus. Realities]. Available at: <https://www.kavkazr.com/a/30136224.html> (accessed 11.12.2019). (In Russian)
6. Benedict R. Hrizantema i mech. Modeli yaponskoj kul'tury [The Chrysanthemum and the Sword. The Model Culture of Japan]. Translation from English. Moscow, Tsentr gumanitarnykh iniciativ – Center for Humanitarian Initiatives, 2014. 256 p. (In Russian).
7. Dolgov Yu.N. Vina i styd kak sotsial'nye chuvstva [Guilt and shame as social feelings]. Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii – Person, family and society: issues of pedagogy and psychology, 2013. no 33. pp. 167-174. (In Russian).
8. Kakhuta I.O. Sovremennye radikal'nye napravleniya neoyazychestva v Rossii [Modern radical directions of neopaganism in Russia]. Molodaya nauka Sbornik nauchnykh trudov nauchno-prakticheskoi konferentsii dlya studentov i molodykh uchenykh – Young Science Collection of scientific papers of a scientific and practical conference for students and young scientists. Simferopol': IT «ARIAL», 2018. pp. 315-317. (In Russian).
9. Cherepanova M.V. Aktualizatsiya eticheskikh kodeksov v kontekste sovremennoi kul'tury [Actualization of ethical codes in the context of modern culture]. Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – News of Tomsk Polytechnic University. Publishing House of St. Petersburg University, 2013. vol. 322. no 6. pp. 92-95. (In Russian)
10. Konopleva A.A. Faktory sovremennogo pererozhdeniya subkul'tur [Factors of modern subculture degeneration]. Molodaya nauka Sbornik nauchnykh trudov nauchno-prakticheskoi konferentsii dlya studentov i molodykh uchenykh – Young Science Collection of scientific papers of a scientific and practical conference for students and young scientists. Simferopol': IT «ARIAL», 2019. pp. 285-287. (In Russian)
11. Toprak A. E. Die Welt (Germaniya): chto-to idet ne tak [Die Welt (Germany): something goes wrong] // Rossiya segodnya [Russia today]. [Electronic resource]. Available at: <https://inosmi.ru/social/20191010/246009134.html> (accessed 30.12.2019). (In Russian).
12. Nikiforov O. V Germanii s novoj siloj kritikuyut povedenie migrantov gazeta [Germany with renewed criticism of the behavior of migrants]// Nezavisimaya gazeta [Independent newspaper]. [Electronic resource]. Available at: URL: https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.ng.ru%2Fworld%2F2019-08-01%2F6_76_38_behavior.html (accessed 30.12.2019). (In Russian).
13. CHEchenskij ministr rasskazal o podgotovke kodeksa povedeniya dlya kavkazcev [Chechen Minister spoke about the preparation of a code of conduct for Caucasians] [Electronic resource]. Available at: URL: <https://nazaccent.ru/content/6406-chechenskij-ministr-rasskazal-o-podgotovke-kodeksa.html> (accessed 30.12.2019). (In Russian).

УДК 338.48(470:575.1) + 379.83(07)

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ УЗБЕКИСТАН В СФЕРЕ ТУРИЗМА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ¹

Муратишина К. Г.¹ Вербицкая Т. В.² Хамзин И. Р.³

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация*

E-mail: ¹ksenia.muratshina@urfu.ru; ²aquitania-17@yandex.com; ³ildar.hamzin1991@mail.ru.

В статье рассматриваются связи между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан в сфере туризма на современном этапе. Сфера туризма выбрана для анализа в качестве одной из областей гуманитарного сотрудничества на двустороннем уровне. В статье последовательно изучены правовая база, механизмы, результаты и проблемы взаимодействия. Проводится анализ статистики и факторов движения туристических потоков между двумя государствами. Изучаются такие факторы, влияющие на динамику развития туристических связей, как политика обоих государств относительно выделения приоритетов международного сотрудничества в туристической сфере, транспортная доступность, политика РУз (Республика Узбекистан) по привлечению туристов в страну и др. Отмечается высокий потенциал сотрудничества с точки зрения развития туристической сферы, но при этом выявлены факторы, тормозящие его развитие, такие как высокий уровень транспортных расходов, проблемы соблюдения стандартов качества обслуживания в туристической сфере Узбекистана, а также большее внимание обеих сторон иным приоритетам международного сотрудничества в области туризма. Используются такие виды источников, как двусторонние дипломатические документы, национальные законодательные акты, материалы государственных органов, статистика, сообщения средств массовой информации России и Узбекистана. Авторы приходят к выводу о большой значимости России для Узбекистана в качестве партнера в сфере туризма, но развитие этого направления требует планомерной работы от обеих стран. В заключении даются рекомендации, которые могли бы способствовать развитию турпотока между Россией и Узбекистаном.

Ключевые слова: Россия, Узбекистан, Центральная Азия, международные отношения, сотрудничество в гуманитарной сфере, туризм.

Туризм является одной из важных областей гуманитарного сотрудничества между государствами в современных международных отношениях. Эта сфера помогает налаживанию взаимопонимания между гражданами стран-партнеров, неформальному взаимодействию, развитию социальной базы двустороннего сотрудничества, избавлению информационного пространства от стереотипов. Именно поэтому данная сфера важна в отношениях России с ее ближайшими партнерами – странами Центральной Азии. В данной статье будет рассмотрено, как

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-78-10060 (This research was supported by the Russian Science Foundation (grant № 19-78-10060))

осуществляется сотрудничество в области туризма между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан. Нужно отметить, что гуманитарная сфера взаимодействия между двумя странами до настоящего времени оставалась недостаточно исследованной, в то время как больше внимания уделялось экономическому сотрудничеству двух стран и вопросам миграции. Этим определяется научная новизна данной работы. Объектом исследования выступают российско-узбекистанские отношения, предметом – сотрудничество сторон в области туризма. Хронологические рамки – с 2017 г. (после заключения межправительственного соглашения по этой сфере связей) до 2020 г. (до начала пандемии, приостановившей все туристические потоки).

Цель статьи – оценить уровень сложившихся связей, вовлеченность сторон в них и наличие или отсутствие симметрии в сотрудничестве. Для этого авторами последовательно решаются такие задачи, как анализ правовой базы двустороннего взаимодействия, имеющейся статистики турпотоков в обе стороны, проблем и перспектив развития туристического обмена РФ и РУз, а также примеров сотрудничества в тех аспектах туристической отрасли, которые делают взаимодействие шире, чем просто организация турпоездок, а именно в обмене опытом по развитию туристической сферы и подготовке кадров для нее.

В соответствии со ст. 14 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма 1993 г., стороны обязались «способствовать взаимовыгодному развитию массового туризма, осуществлению туристических поездок своих граждан, особенно молодежи, по согласованным маршрутам, разработке и реализации программ развития инфраструктуры туризма, поездкам совместных туристических групп в третьи страны и приему туристов из третьих стран для знакомства с объектами туризма» [1] на своих территориях.

В 2017 г. было подписано специализированное двустороннее соглашение по туризму. Стороны договорились «способствовать расширению сотрудничества в области туризма в целях ознакомления граждан с достижениями в области науки, экономики, социального развития, культуры, с природными достопримечательностями, а также историческими памятниками и культурными традициями друг друга», продвигать «совместные туристические маршруты», такие, как «Великий Шелковый путь», организовывать «международные конференции, форумы, семинары, выставки, публикации в средствах массовой информации», проводить на взаимной основе рекламные кампании, ознакомительные поездки, привлекать инвестиции в сферу туризма и обмениваться информацией и опытом [2].

Потенциал Узбекистана в развитии туризма, безусловно, значителен, учитывая большое количество памятников культурного наследия на его территории, благоприятный климат и исторические связи с Россией. Однако туристический обмен между двумя странами стабилизировался и начал расти лишь в последние годы. Ранее фиксировалось его снижение, как отмечает Федеральное агентство по туризму (Ростуризм), «в связи с экономической ситуацией и изменением курсов национальных валют» [3]. Наравне с Грузией, Арменией и Молдавией Узбекистан у

российских туристов стал одним из самых популярных направлений на постсоветском пространстве [4]. В 2018 г., по данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата), граждане России совершили 154 000 турпоездов в Узбекистан [5], а граждане Узбекистана – 219 000 турпоездов в Россию [6]. В 2017 г., по статистике Ростуризма, из РФ в РУз было совершено 120 000 турпоездов [7]. По поездкам из РУз в РФ за этот период есть данные Ростуризма за январь–сентябрь: 375 000 поездок [8].

Как видим, доля туристов из России в общем объеме иностранных граждан, посещающих Узбекистан, невелика. Что касается выездного туризма из Узбекистана, то приведенные цифры, увы, приходится подвергать сомнению, поскольку уже почти 10 лет известна тенденция включения в статистику въездного туризма в Россию тех людей, которые указывают туризм целью своего визита, но на деле могут являться трудовыми мигрантами [9]. Остается лишь отметить, что для подсчета потоков трудовых мигрантов и иных посетителей, в том числе туристов, из стран постсоветской Центральной Азии в Россию в целом необходима более подробная, доступная и прозрачная статистика.

Относительно турпотока из России в Узбекистан известно, что в нем преобладают жители Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова и регионов Сибири [10]. Наиболее популярными направлениями туризма в центрально-азиатской стране являются Самарканд [11], Бухара, Шахрисабз, Хива, Коканд и Ташкент [12].

Если говорить о конкретных направлениях российско-узбекистанского сотрудничества в сфере туризма, то, по информации Ростуризма, между двумя странами налажен регулярный обмен статистическими данными; также Ростуризм оказывает РУз организационную и консультативную помощь по обеспечению участия в международных туристских выставках. Разрабатываются и «специальные турпакеты для туристов из России с учетом их интересов и потребностей», в частности, например, для российских военных пенсионеров, военнослужащих и членов их семей [7]. Узбекистан активно представляет свои туристические бренды в России [13], россияне участвуют в туристических фестивалях в Узбекистане [14].

Как можно объяснить малый объем турпотока из России в Узбекистан? По мнению исполнительного директора Ассоциации туроператоров РФ М. Ломидзе, путешествия в Узбекистан непопулярны у российских туристов из-за дороговизны авиабилетов и слабой рекламы направления: «Это неоправданно дорого. Несмотря на то, что страны Средней Азии, в частности, Узбекистан, предпринимают значительные усилия по продвижению себя как туристического направления, финальная стоимость для большинства наших туристов все-таки высоковата. Есть своего рода премиальный сегмент, но ориентироваться на него не слишком правильно, потому как предпочтения путешествующих в этом сегменте отличаются от стандартного набора услуг, предлагаемого туристам внутри региона» [15].

Даже несмотря на льготные условия въезда (взаимный безвизовый режим 90 дней) [16], транспортная доступность действительно мала. До пандемии и ограничения транспортного сообщения, по данным сайта РЖД [17], на поезда по маршруту Москва–Ташкент стоимость билетов начиналась в районе 7 000 рублей в плацкартном вагоне и около 10 000 рублей в купе, при том, что время в пути –

около 3–3,5 суток. Стоимость авиабилета Москва–Ташкент–Москва, по данным сайта skyscanner.ru [18], начиналась от 18 000 рублей, и по количеству преобладали более дорогие варианты.

Важные внутренние причины недостаточного развития туристической сферы сотрудничества отражены в программных документах обоих государств по туризму. Так, в Стратегии развития туризма в РФ до 2020 г. [19] отсутствует выделение Центральной Азии вообще и отдельных ее республик в частности, как важных направлений туристических связей. Говорится о странах Азиатско-Тихоокеанского региона, Западной Европы, о статистике по Греции, Турции, Испании, но нет информации и задач по развитию туризма в отношениях с ближайшими соседями и партнерами – странами Центральной Азии.

Знакомство с программными документами Узбекистана, касающимися сферы туризма, показывает, что политика этой страны ориентирована только на въездной туризм. Практически вся Концепция развития сферы туризма Республики Узбекистан в период до 2025 г. [20] посвящена въездному и внутреннему видам туризма. В отчете Государственного комитета РУз по развитию туризма за 2018 г. раздел, посвященный выездному туризму, отсутствует [21]. Возможно, это связано с недостаточной покупательной способностью населения.

Что касается расстановки государственных приоритетов, то из Постановления Президента РУз о мерах по развитию туризма до 2025 г. [20] можно заключить, что Узбекистан хотел бы принимать туристов со всего мира, без конкретных предпочтений какой-либо стране. Отдельно подчеркнута необходимость развития пассажирских перевозок между странами Центральной Азии, то есть страна заинтересована в привлечении турпотока из государств-соседей. В тексте прилагаемой к Постановлению Концепции развития сферы туризма Республики Узбекистан в период до 2025 г. отмечено, что граждане Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Туркмении составляют более 80 % иностранных туристов в Узбекистане. Россия в Концепции упоминается всего один раз: «Соседние страны Центральной Азии являются рынком короткого расстояния для республики, а Россия, Турция, Ближний Восток, Западный Китай, Индия и другие представляют собой потенциальные рынки среднего расстояния» [20]. Как видим, никакой особой роли России не отводится, она названа в ряду других «рынков».

Еще один характерный пункт: Концепция отмечает отсутствие в стране «сегментированной работы по привлечению иностранных туристов из приоритетных государств и регионов, в том числе по направлениям: страны мусульманского мира, включая Турцию, Малайзию, Индонезию и страны Персидского залива; страны Юго-Восточной Азии, в частности, Китай, Республика Корея и Япония; страны Европы» [20]. В данном перечне Россия отсутствует вообще. В то же время в разделе «Развитие инфраструктуры туризма» содержится пункт о «разработке портала инвестиционных проектов, содержащего информацию об инвестиционных проектах, реализуемых в сфере туризма, и инвестиционных предложениях, предлагаемых для реализации, на русском и английском языках» [20]. То есть позиция авторов концепции выглядит довольно любопытной: не

отдавая особого предпочтения РФ в развитии туристических связей, Узбекистан тем не менее хотел бы получать от нее инвестиции.

Также данный документ интересен длинным списком проблем развития туризма в Узбекистане. Очень важно, что эти проблемы показаны и открыто обсуждаются. Среди них – «отсутствие правил оказания туристских услуг, в том числе гостиничных, стандарта по классификации объектов питания и транспорта по уровню комфорта и обслуживания и системы их контроля», «нехватка номерного фонда»; «низкое качество услуг вследствие дефицита гостиниц с международным классом обслуживания»; отсутствие «системы организации тематического досуга для иностранных туристов»; «преобладание в системе общественного питания, в гостиничных ресторанах однообразных продуктов»; «неразвитость и плохое состояние сетей санитарно-гигиенических узлов»; «не соответствующие мировым стандартам ремонтные работы» на объектах культурного наследия «или же их полное обветшание»; отсутствие «скоординированной политики перевозки пассажиров различными видами транспорта», «недостаточность воздушных соединений» и «монопольные позиции авиакомпании “Узбекистон хаво йуллари”»; отсутствие «регулярных межрегиональных автобусных транспортных маршрутов»; «низкий уровень качества услуг, предоставляемых на транспорте, неразвитость инженерной инфраструктуры в туристских центрах, отсутствие объектов придорожной инфраструктуры; плохое состояние автодорог»; устаревшая и недостаточно эффективно используемая ресурсная база в сфере санаторно-курортного туризма; отсутствие взаимосвязанной программы проведения ярмарок, фестивалей, конкурсов, выставок и других мероприятий»; отсутствие «единого национального туристского бренда, а также брендов отдельных регионов республики»; «низкий уровень диверсификации предлагаемого турпродукта и отсутствие услуг, ориентированных на различные сегменты туристского рынка»; «низкая организация информационной поддержки туристов»; «низкий уровень взаимодействия между различными органами государственного управления в данном направлении»; «нехватка квалифицированных кадров» [20].

Перечисленные проблемы Узбекистан уже пытается решать на практике, делая в настоящее время многое для развития своей туристической сферы: активно продвигает свои туристические бренды и увеличивает объем рекламной информации о них в онлайн-пространстве [22], проводит международные мероприятия по обмену опытом [23], развивает многоуровневую систему государственного управления в туристической сфере [24] и вкладывает в нее инвестиции: в частности, планируется масштабное строительство туристических деревень во всех регионах страны, типовых комплексов «Туристическая махалля» [25]. Строительство первой туристической деревни уже начато в Ташкентской области. Она будет ориентирована на показ этнокультурных особенностей и агротуризм [26]. Совершенствуются таможенные процедуры, например, с 1 января 2018 г. в аэропорту Самарканда была введена система разделения пассажиропотока на «красный» и «зеленый» коридоры. Благодаря этому время, затрачиваемое прибывшими в аэропорт на пересечение границы, таможенный контроль и получение багажа, сократилось почти вдвое [11]. Заметны на практике и проявления

многовекторности туристической политики страны: РУз предпринимает одинаково активные усилия по развитию связей в сфере туризма с самыми разными государствами: Индией, Китаем, Турцией, США, странами Европы и т. д. [27–37].

Есть попытки решения транспортных проблем, но они проводятся не теми средствами, которые могли бы реально помочь. В частности, вместо модернизации системы авиаперевозок было принято решение об организации широкой сети автобусных маршрутов из Узбекистана в Россию [38]. Возможно, расширение автобусного сообщения ориентировано на снижение стоимости проезда для тех граждан Узбекистана, которые отправляются в Россию на заработки, но никакое снижение стоимости не способно компенсировать те неудобства, с которыми пассажир будет вынужден добираться тысячи километров в переполненном автобусе. И уж тем более трудно представить себе туриста, который готов начать свой условный тур и отпуск с такой утомительной поездки и ею же завершить. Кстати, перевозки на маршрутах запланированы на автобусах китайского производства [38], хотя проблемы с их качеством известны как россиянам [39; 40], так и жителям Центральной Азии [41].

Другой странный пример – проведение «гастрономических фестивалей» [42] в Приаралье и выпуск сувенирной продукции с тематикой Аральского моря [43], вместо того, чтобы направить потраченные на это средства на более серьезные, важные и срочные вопросы, которые не решены до сих пор [44]. И это не говоря уже о том, что возникает сомнение, можно ли говорить о безопасности употребления в пищу упомянутых в названии «фестиваля» «рыб Арала».

Решению проблемы нехватки кадров в сфере туризма призван способствовать Международный университет туризма, который был создан в Узбекистане в 2018 г. [45]. Также интересно, что в решении этой проблемы будет участвовать в том числе и Россия, и это станет проявлением двустороннего сотрудничества в сфере туризма: в Самарканде открыт филиал Российского государственного университета физкультуры, спорта, молодежи и туризма. Учебный процесс в филиале будет осуществляться по российским учебным планам и программам на русском языке. Выпускникам выдадут дипломы, которые будут признаваться и в РФ, и в РУз [46–47].

Таким образом, можно выделить следующие особенности развития взаимодействия России и Узбекистана в сфере туризма. Россия занимает важное место в туристической сфере РУз, и как страна, из которой прибывают туристы, и как партнер по сотрудничеству. Между двумя странами имеются конкретные проекты взаимодействия, но турпоток из РФ в РУз относительно невелик, а по встречному направлению подробная и точная статистика отсутствует. Что касается малого количества турпоездок россиян в центрально-азиатскую страну, то это обусловлено, в первую очередь, проблемами в транспортной сфере и пока недостаточным качеством сервиса в туристической индустрии Узбекистана. Для потенциальных туристов из РУз недостаточная транспортная доступность также будет затруднять посещение РФ, как и другой важный фактор – низкая покупательная способность населения.

Узбекистан сейчас прилагает большие усилия для развития своей туристической сферы, однако он не ориентирован на оказание особых преференций в связях в области туризма каким-либо конкретным странам. В то же время центрально-азиатское государство явно заинтересовано в получении от России инвестиций в свою туристическую индустрию. Основной турпоток в РУз идет из соседних стран Центральной Азии, но страна стремится увеличить въездной туризм из Азиатско-Тихоокеанского региона и Европы. Это можно считать проявлением обычной дипломатической многовекторности центрально-азиатского государства.

Нельзя не отметить, что России стоит уделять внимание развитию стратегии сотрудничества в сфере туризма со странами Центральной Азии как ближайшими партнерами. В случае с Узбекистаном она может и уже начинает использовать определенные ниши двустороннего взаимодействия: разработку совместных туристических маршрутов и сотрудничество в подготовке квалифицированных кадров для сферы туризма, которых, как отмечается в программных национальных документах РУз, пока не хватает. Эти сферы выглядят перспективными, как и возможность взаимодействия в других областях, например, развитии инфраструктуры, но их приоритет никак не отменяет необходимости решения проблем – недостаточной транспортной доступности, дороговизны организованных туров и разницы стандартов качества, то есть тех вопросов, которые необходимо обязательно урегулировать в целях благоприятного для граждан обеих стран развития связей.

Список литературы

1. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма. 19.03.1993 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902102> (дата обращения: 12.07.2019).
2. Россия и Узбекистан заключили соглашение о сотрудничестве в сфере туризма // РИА Новости. 06.04.2017. URL: <https://ria.ru/20170406/1491644904.html> (дата обращения: 30.11.2019).
3. Руководитель Ростуризма Олег Сафонов провел рабочую встречу с делегацией государственного комитета по развитию туризма Республики Узбекистан // Федеральное агентство по туризму РФ. 16.03.2017. URL: https://www.russiaturism.ru/news/12425/?sphrase_id=505189 (дата обращения: 10.11.2019).
4. Узбекистан стал одним из популярных направлений для российских туристов // Sputnik News. 01.02.2017. URL: <https://uz.sputniknews.ru/tourism/20170201/4722226/Uzbekistan-turizm-razvitiye.html> (дата обращения: 30.11.2019).
5. Число выездных туристических поездок (тыс.) // Росстат. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/business/torg/tur/1-2-2018.xlsx (дата обращения 20.02.2020).
6. Число въездных туристических поездок (тыс.) // Росстат. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/business/torg/tur/1-1-2018.xlsx (дата обращения 20.02.2020).
7. Глава Ростуризма Олег Сафонов принял участие в рабочей встрече с чрезвычайным и полномочным представителем послом Республики Узбекистан в России Боттиржоном Асадовым // Федеральное агентство по туризму РФ. 15.01.2019. URL: https://www.russiaturism.ru/news/16204/?sphrase_id=505189 (дата обращения: 10.11.2019).
8. Статистические показатели взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан иностранных государств // Ростуризм. URL: <https://www.russiaturism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan->

rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/vyborochnaya-statisticheskaya-informatsiya-rasschitannaya-v-sootvetstvi-s-ofitsialnoy-statisticheskoy-metodologiy-otsenki-chisla-vezdnykh-i-vyezdnykh-turistskikh-poezdok/ (дата обращения 20.02.2020).

9. «Туристы» из Украины, Вьетнама, Молдовы и Киргизии «поддержали» въездной турпоток в Россию // ТурПром. 06.09.2010. URL: <https://www.tourprom.ru/news/10207/> (дата обращения 14.12.2019).
10. Эксперт: развитие туризма в Узбекистане – это вопрос номер один // Sputnik News. 14.03.2017. URL: <https://uz.sputniknews.ru/radio/20170314/4974154/Razvit-turizm-v-Uzbekistane.html> (дата обращения: 30.11.2019).
11. За последние 7 месяцев около 2 миллионов туристов посетили Самарканд // Uz24.uz. 11.09.2019. URL: <https://uz24.uz/ru/economics/za-poslednie-7-mesyacev-okolo-2-millionov-turistov-posetili-samarkand> (дата обращения: 30.11.2019).
12. За год Узбекистан посетили свыше 4 млн иностранных туристов // Uz24.uz. 27.09.2019. URL: <https://uz24.uz/ru/society/za-god-uzbekistan-posetili-svishe-4-mln-inostrannih-turistov> (дата обращения: 30.11.2019).
13. Более двух миллионов туристов в год посещают Узбекистан // Sputnik News. 16.03.2017. URL: <https://uz.sputniknews.ru/tourism/20170316/4986382/Uzbekistan-turizm.html> (дата обращения: 30.11.2019).
14. В июне состоится фестиваль «Чимганское эхо — 2019» и соревнования по скалолазанию // Uz24.uz. 03.06.2019. URL: <https://uz24.uz/ru/society/v-iyune-sostoitsya-festivaly-chimganskoe-eho--2019q-i-sorevnovaniya-po-skalolazaniyu> (дата обращения: 30.11.2019).
15. Узбекистан и Таджикистан — премиум-сегмент для туристов из России // Sputnik News. 27.12.2016. URL: <https://uz.sputniknews.ru/radio/20161227/4497553/turizm-v-strany-ca.html> (дата обращения: 30.11.2019).
16. Правила въезда в Россию для иностранных граждан // Федеральное агентство по туризму РФ. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/turistam/informatsiya-dlya-vezhayushchikh-v-rossiyu/vizovyy-rezhim1/pravila-vezda-v-rossiyu-dlya-inostrannykh-grazhdan/> (дата обращения: 10.11.2019).
17. Официальный сайт ОАО «Российские железные дороги». URL: <https://www.rzd.ru/> (дата обращения: 30.11.2019).
18. Skyscanner Ltd. URL: <https://www.skyscanner.ru/> (дата обращения: 30.11.2019).
19. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года // Федеральное агентство по туризму РФ. URL: https://www.russiatourism.ru/contents/otkrytoe_agentstvo/strategiya-razvitiya-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-v-period-do-2020-goda-332/strategiya-razvitiya-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-v-period-do-2020-goda/ (дата обращения: 30.11.2019).
20. Постановление Президента Республики Узбекистан О мерах по развитию туризма в Республике Узбекистан в период до 2025 года. ID-1195. Концепция развития сферы туризма Республики Узбекистан в период до 2025 года // Правовой портал «Regulation.gov.uz». 2018. URL: <https://regulation.gov.uz/ru/document/1195> (дата обращения: 12.07.2019).
21. Итоги 2018 // Государственный комитет Республики Узбекистан по развитию туризма. URL: <https://uzbektourism.uz/ru/research> (дата обращения: 30.11.2019).
22. Кашкадарья и Хорезм обзавелись сайтами для туристов // Sputnik News. 20.03.2017. URL: <https://uz.sputniknews.ru/tourism/20170320/5013382/Kshkadarjya-Horezm-saity.html> (дата обращения: 30.11.2019).
23. В Ташкенте пройдет Международный форум гидов // Uz24.uz. 19.02.2018. URL: <https://uz24.uz/ru/society/v-tashkente-proydet-mezhdunarodniy-forum-gidov> (дата обращения: 30.11.2019).
24. Координационный совет по развитию туризма появится при кабмине // Sputnik News. 22.02.2017. URL: <https://uz.sputniknews.ru/tourism/20170222/4856844/Koordinacionnyi-sovet-po-razvitiu-turizma.html> (дата обращения: 30.11.2019).
25. В каждом регионе Узбекистана построят типовые туристические махалли // Sputnik News. 03.03.2017. URL: <https://uz.sputniknews.ru/tourism/20170303/4905095/turisticheskie-mahalli.html> (дата обращения: 30.11.2019).

26. В Узбекистане дан старт проекту по созданию первой «Туристической деревни» // Uz24.uz. 21.06.2019. URL: <https://uz24.uz/ru/society/v-uzbekistane-dan-start-proektu-po-sozdaniyu-pervoy-turisticheskoy-derevni> (дата обращения: 30.11.2019).
27. В Самарканде пройдет конференция французской Ассоциации туристических компаний // Uz24.uz. 22.01.2018. URL: <https://uz24.uz/ru/society/v-samarkande-proydet-konferenciya-francuzskoy-associacii-turisticheskikh-kompaniy> (дата обращения: 30.11.2019).
28. В Узбекистан прибыли эксперты Смитсоновского института // Uz24.uz. 10.01.2018. URL: <https://uz24.uz/ru/culture/v-uzbekistan-pribili-eksperti-smitsonovskogo-instituta> (дата обращения: 30.11.2019).
29. Узбекистан и Индия планируют увеличить турпоток в десятки раз // Uz24.uz. 17.08.2018. URL: <https://uz24.uz/ru/economics/uzbekistan-i-indiya-planiruyut-velichity-turpotok-v-desyatki-raz> (дата обращения: 30.11.2019).
30. Состоялась встреча с делегацией Ассоциации гастрономического туризма Турции // Uz24.uz. 16.07.2018. URL: <https://uz24.uz/ru/economics/sostoyalasy-vstrecha-s-delegaciy-associacii-gastronomicheskogo-turizma-turcii> (дата обращения: 30.11.2019).
31. Узбекистан-Китай: Перспективы дальнейшего сотрудничества в сфере туризма // Государственный комитет Республики Узбекистан по развитию туризма. 27.11.2019. URL: <https://uzbektourism.uz/ru/newnews/view?id=891> (дата обращения: 30.11.2019).
32. Samarkand city: один из проектов развития сферы туризма // Uz24.uz. 26.07.2018. URL: <https://uz24.uz/ru/society/samarkand-city:-odin-iz-proektov-razvitiya-sferi-turizma> (дата обращения: 30.11.2019).
33. Итоги ТМТЯ-2019 «Туризм на Шелковом пути» // Государственный комитет Республики Узбекистан по развитию туризма. 21.11.2019. URL: <https://uzbektourism.uz/ru/newnews/view?id=876> (дата обращения: 30.11.2019).
34. В Самарканде состоится Центрально-Азиатская региональная Конференция Всемирной федерации туристических городов // Государственный комитет Республики Узбекистан по развитию туризма. 22.11.2019. URL: <https://uzbektourism.uz/ru/newnews/view?id=880> (дата обращения: 30.11.2019).
35. India's Best Awards – 2019: Узбекистан стал победителем в номинации «Лучшее туристическое направления культурно-исторического наследия» // Государственный комитет Республики Узбекистан по развитию туризма. 18.11.2019. URL: <https://uzbektourism.uz/ru/newnews/view?id=866> (дата обращения: 30.11.2019).
36. ТМТЯ-2019: Подписан Меморандум о сотрудничестве между Госкомтуризма и Корейским академическим обществом туризма и отдыха «KASTLE» // Государственный комитет Республики Узбекистан по развитию туризма. 18.11.2019. URL: <https://uzbektourism.uz/ru/newnews/view?id=867> (дата обращения: 30.11.2019).
37. Кинотуризм: Кинопроекты США в Узбекистане, опыт Грузии, первый узбекский фильм, попавший в список претендентов на кинопремию «Золотой Глобус» // Государственный комитет Республики Узбекистан по развитию туризма. 19.11.2019. URL: <https://uzbektourism.uz/ru/newnews/view?id=871> (дата обращения: 30.11.2019).
38. Узбекистан и Россию свяжут еще десять автобусных маршрутов // Sputnik News. 29.11.2019. URL: <https://uz.sputniknews.ru/society/20191129/12901534/Uzbekistan-s-dekabrya-otkroet-avtobusnoe-soobschenie-s-desyatyu-gorodami-Rossii.html> (дата обращения: 30.11.2019).
39. Ульяновск покупает бэушные китайские автобусы // 73online.ru. 27.09.2012. URL: <https://73online.ru/readnews/20294> (дата обращения: 30.11.2019).
40. Для Казани нет автобусов лучше, чем китайские // Вечерняя Казань. 16.06.2011. URL: <http://www.evening-kazan.ru/articles/dlya-kazani-net-avtobusov-luchshe-chem-kitayskie.html> (дата обращения: 30.11.2019).
41. Бишкек меняет китайские автобусы // АКИpress. 05.12.2018. URL: <https://kg.akipress.org/news:1484674> (дата обращения: 30.11.2019).
42. В Муйнаке пройдет гастрономический фестиваль «99 блюд из рыб Арала» // Uz24.uz. 18.10.2017. URL: <https://uz24.uz/ru/culture/v-muynake-proydet-gastronomicheskij-festivaly-99-blyud-iz-rib-aralaq> (дата обращения: 30.11.2019).

43. В Узбекистане стали продавать как сувенир «консервированный воздух» Арала // Sputnik News. 30.05.2018. URL: <https://tj.sputniknews.ru/asia/20180530/1025718823/uzbekistan-stali-prodavat-suvener-konservirovannuyu-vozduh-arala.html> (дата обращения: 30.11.2019).
44. Экологи: страны ЦА не извлекли уроки из катастрофы Аральского моря // Sputnik News. 08.06.2018. URL: <https://tj.sputniknews.ru/asia/20180608/1025804226/ekologi-strany-centralnoy-azii-ne-izvlekli-uroki-katastrofy-aralskogo-morya.html> (дата обращения: 30.11.2019).
45. В Самарканде откроется Международный университет туризма // Uz24.uz. 29.06.2018. URL: <https://uz24.uz/ru/society/v-samarkande-otkroetsya-mezhdunarodny-universitet-turizma> (дата обращения: 30.11.2019).
46. В Самарканде планируют открыть филиал Российского госуниверситета физкультуры, спорта, молодежи и туризма // Uz24.uz 10.05.2019. URL: <https://uz24.uz/ru/glavnoe/v-samarkande-planiruyut-otkryti-filial-rossiyskogo-gosuniversiteta-fizkulyturi-sporta-molodezhi-i-tu> (дата обращения: 30.11.2019).
47. Узбекский филиал РГУФКСМиТ проведет первый набор студентов в 2020 / 2021 учебном году // Официальный сайт РГУФКСМиТ. 2019. URL: <https://press.sportedu.ru/item/uzbekskii-filial-rgufksmit-provedet-pervyi-nabor-studentov-v-20202021-uchebnom-godu> (дата обращения: 30.11.2019).

Muratshina K. G., Verbitskaya T. V., Hamzin I. R. Russia–Uzbekistan Cooperation in Tourism: Basic Trends and Problems // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 2. – P. 90–102.

This paper is aimed at the analysis of Russia – Uzbekistan ties in the field of tourism at current stage. Tourism is studied as a sphere of bilateral cultural cooperation. The authors consequently analyse the legal basis, the mechanisms, the results and problems of bilateral interaction. Statistics and factors of tourist flows are considered. Among the factors, influencing the development of bilateral ties in tourism, the paper discusses the policies of both states regarding their priorities in the international cooperation in tourism, the level of connectivity, the modernised state policy of tourist attraction in Uzbekistan, etc. The authors recognize the vast potential of interstate cooperation in tourism, however, the setbacks are also displayed. This list includes the high level of transport expenses, insufficient quality of services in Uzbekistan's tourist industry, and the prioritization of other destinations in both countries' tourist policies. The paper is based on such primary sources as bilateral diplomatic documents, national legislature, statistics, and Russian and Uzbek media. The authors conclude that, although tourism is a rather prospective area of bilateral cooperation, and especially Russia is a very helpful partner for Uzbekistan, much work should be done by both countries in order to develop this sphere. The paper is completed by recommendations, which may contribute to the development of bilateral cooperation.

Keywords: Russia, Uzbekistan, Central Asia, international relations, cultural cooperation, tourism

References

1. Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Uzbekistan o sotrudnichestve v oblasti kul'tury, nauki i tehniki, obrazovanija, zdravooohranenija, informacii, sporta i turizma [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Uzbekistan on Cooperation in the Field of Culture, Science, Technology, Education, Health, Information, Sport and Tourism]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902102> (Accessed: 12 June 2019).
2. Rossiya i Uzbekistan zakljuchili soglashenie o sotrudnichestve v sfere turizma [Russia and Uzbekistan have Signed an Agreement on Cooperation in the Field of Tourism]. URL: <https://ria.ru/20170406/1491644904.html> (Accessed: 30 November 2019).
3. Rukovoditel' Rosturizma Oleg Safonov provel rabochuju vstrechu s delegaciej gosudarstvennogo komiteta po razvitiju turizma Respubliki Uzbekistan [Head of Rostourism Oleg Safonov Held a Meeting with a Delegation of the State Committee for Tourism Development of the Republic of Uzbekistan]. URL: https://www.russiatourism.ru/news/12425/?sphrase_id=505189 (Accessed: 10 November 2019).

4. Uzbekistan stal odnim iz popularnyh napravlenij dlja rossijskih turistov [Uzbekistan has Become One of the Most Popular Destinations for Russian Tourists]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/tourism/20170201/4722226/Uzbekistan-turizm-razvitiye.html> (Accessed: 30 November 2019).
5. Chislo vyjezdnyh turistskih poezdok (tys.) [The Number of Tourist Departures, thousand]. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/business/torg/tur/1-2-2018.xlsx (Accessed: 20.02.2020).
6. Chislo v'jezdnyh turistskih poezdok (tys.) [The Number of Tourist Arrivals, thousand]. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/business/torg/tur/1-1-2018.xlsx (Accessed: 20.02.2020).
7. Glava Rosturizma Oleg Safonov prinjal uchastie v rabochej vstreche s chrezvychajnym i polnomochnym predstavitelem poslom Respubliki Uzbekistan v Rossii Bottirzhonom Asadovym [The Head of Rostourism Oleg Safonov Took Part in a Meeting with the Ambassador of the Republic of Uzbekistan to the Russian Federation Bottirzhon Asadov]. URL: https://www.russiatourism.ru/news/16204/?sphrase_id=505189 (Accessed: 10.11.2019).
8. Statisticheskije pokazateli vzaimnyh poezdok grazhdan Rossijskoj Federatsii i grazhdan inostrannyh gosudarstv [Statistics of inbound and outbound tourism in Russia]. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossijskoj-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/vyborochnaya-statisticheskaya-informatsiya-rasschitannaya-v-sootvetstvii-s-ofitsialnoy-statisticheskoy-metodologiej-otsenki-chisla-vezdnykh-i-vyezdnykh-turistskikh-poezdok/> (Accessed: 20.02.2020).
9. "Turisty" iz Ukrainy, V'jetnama, Moldovy i Kirgizii "podderzhali" v'jezdnoi turpotok v Rossiju ["Tourists" from Ukraine, Vietnam, Moldova and Kyrgyzstan "Enhanced" the Tourist Flow to Russia]. URL: <https://www.tourprom.ru/news/10207/> (Accessed: 14.12.2019).
10. Ekspert: razvitie turizma v Uzbekistane – eto vopros nomer odin [Expert: Tourism Development in Uzbekistan is the Key Issue]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/radio/20170314/4974154/Razvit-turizm-v-Uzbekistane.html> (Accessed: 30 November 2019).
11. Za poslednie 7 mesjacev okolo 2 millionov turistov posetili Samarkand [Over the Past 7 Months, about 2 Million Tourists Visited Samarkand]. URL: <https://uz24.uz/ru/economics/za-poslednie-7-mesyacev-okolo-2-millionov-turistov-posetili-samarkand> (Accessed: 30 November 2019).
12. Za god Uzbekistan posetili svyshe 4 mln inostrannyh turistov [Over 4 Million Foreign Tourists Visited Uzbekistan During this Year]. URL: <https://uz24.uz/ru/society/za-god-uzbekistan-posetili-svishe-4-mln-inostrannih-turistov> (Accessed: 30 November 2019).
13. Bolee dvuh millionov turistov v god poseshhajut Uzbekistan [More than Two Million Tourists Visit Uzbekistan Every Year]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/tourism/20170316/4986382/Uzbekistan-turizm.html> (Accessed: 30 November 2019).
14. V ijune sostoitsja festival' "Chimganskoe eho – 2019" i sorevnovaniya po skalolazaniyu [In June, the Chimgan Echo 2019 Festival and Climbing Competitions Will Be Held]. URL: <https://uz24.uz/ru/society/v-iyune-sostoitsya-festivaly-chimganskoe-eho--2019q--i-sorevnovaniya-po-skalolazaniyu> (Accessed: 30 November 2019).
15. Uzbekistan i Tadzhikistan – premium-segment dlja turistov iz Rossii [Uzbekistan and Tajikistan – Premium Segment for Tourists from Russia]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/radio/20161227/4497553/turizm-v-strany-ca.html> (Accessed: 30 November 2019).
16. Pravila v'ezda v Rossiju dlja inostrannyh grazhdan [Rules of Entry to Russia for Foreign Citizens]. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/turistam/informatsiya-dlya-vezzhayushchikh-v-rossiyu/vizovyy-rezhim1/pravila-vezda-v-rossiyu-dlya-inostrannykh-grazhdan/> (Accessed: 10.11.2019).
17. "Rossiyskiye Zheleznyye Dorogi" [Russian Railways]. URL: <https://www.rzd.ru/> (Accessed: 30.11.2019).
18. Skyscanner Ltd. URL: <https://www.skyscanner.ru/> (Accessed: 30.11.2019).
19. Strategiya razvitiya turizma v Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda [Strategy of Tourism Development in the Russian Federation up to 2020]. URL: https://www.russiatourism.ru/contents/otkrytoe_agentstvo/strategiya-razvitiya-turizma-v-rossijskoj-federatsii-v-period-do-2020-goda-332/strategiya-razvitiya-turizma-v-rossijskoj-federatsii-v-period-do-2020-goda/ (Accessed: 30 November 2019).
20. Postanovlenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan O merah po razvitiyu turizma v Respublike Uzbekistan v period do 2025 goda. Konceptiya razvitiya sfery turizma Respubliki Uzbekistan v period do 2025 goda

- [Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan on the Measures of Tourism Development in the Republic of Uzbekistan up to 2025. The Concept of the Tourism Development in the Republic of Uzbekistan up to 2025]. URL: <https://regulation.gov.uz/ru/document/1195> (Accessed: 12 June 2019).
21. Itogi 2018 [Results 2018]. URL: <https://uzbektourism.uz/ru/research> (Accessed: 30.11.2019).
 22. Kashkadar'ja i Horezm obzavelis' sajтами dlja turistov [Kashkadarya and Khorezm Have Launched Websites for Tourists]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/tourism/20170320/5013382/Kshkadarjya-Horezm-saity.html> (Accessed: 30 November 2019).
 23. V Tashkente projdet Mezhdunarodnyj forum gidov [International Guides' Forum to be Held in Tashkent]. URL: <https://uz24.uz/ru/society/v-tashkente-proydet-mezhdunarodniy-forum-gidov> (Accessed: 30 November 2019).
 24. Koordinacionnyj sovet po razvitiyu turizma pojavitsja pri kabmine [Coordinating Council for Tourism Development Will Appear Under the Control of the Cabinet]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/tourism/20170222/4856844/Koordinacionnyi-sovet-po-razvitiu-turizma.html> (Accessed: 30 November 2019).
 25. V kazhdom regione Uzbekistana postrojat tipovye turisticheskie mahalli [Typical Tourist Mahallas will be Built in Each Uzbek Region]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/tourism/20170303/4905095/turisticheskie-mahalli.html> (Accessed: 30.11.2019).
 26. V Uzbekistane dan start proektu po sozdaniyu pervoj "Turisticheskoy derevni" [A Project to Create the First "Tourist village" has been Launched in Uzbekistan]. URL: <https://uz24.uz/ru/society/v-uzbekistane-dan-start-proektu-po-sozdaniyu-pervoy-turisticheskoy-derevni> (Accessed: 30 November 2019).
 27. V Samarkande projdet konferenciya francuzskoj Associacii turisticheskikh kompanij [A Conference of the French Association of Travel Companies Will be Held in Samarqand]. URL: <https://uz24.uz/ru/society/v-samarkande-proydet-konferenciya-francuzskoy-associacii-turisticheskikh-kompaniy> (Accessed: 30.11.2019).
 28. V Uzbekistan pribyli eksperty Smitsonovskogo instituta [Smithsonian Institute Experts Arrive in Uzbekistan]. URL: <https://uz24.uz/ru/culture/v-uzbekistan-pribili-eksperti-smitsonovskogo-instituta> (Accessed: 30 November 2019).
 29. Uzbekistan i Indija planirujut uvelichit' turpotok v desyatki raza [Uzbekistan and India Plan to Increase the Number of Tourists Tenfold]. URL: <https://uz24.uz/ru/economics/uzbekistan-i-indiya-planiruyut-uvelichity-turpotok-v-desyatki-raz> (Accessed: 30 November 2019).
 30. Sostojalas' vstrecha s delegaciej Associacii gastronomicheskogo turizma Turcii [A Meeting with the Delegation of the Turkish Gastronomic Tourism Association]. URL: <https://uz24.uz/ru/economics/sostoyalasy-vstrecha-s-delegaciej-associacii-gastronomicheskogo-turizma-turcii> (Accessed: 30 November 2019).
 31. Uzbekistan-Kitaj: Perspektivy dal'nejshego sotrudnichestva v sfere turizma [Uzbekistan – China: Prospects for Further Cooperation in the Field of Tourism]. URL: <https://uzbektourism.uz/ru/newnews/view?id=891> (Accessed: 30 November 2019).
 32. Samarkand city: odin iz proektov razvitiya sfery turizma [Samarqand City: One of the Tourism Development Projects]. URL: <https://uz24.uz/ru/society/samarkand-city:-odin-iz-proektov-razvitiya-sfery-turizma> (Accessed: 30 November 2019).
 33. Itogi TMTJa-2019 "Turizm na Shelkovom puti" [The Results of TITF-2019 "Tourism at the Silk road"]. URL: <https://uzbektourism.uz/ru/newnews/view?id=876> (Accessed: 30 November 2019).
 34. V Samarkande sostoitsja Central'no-Aziatskaja regional'naja Konferenciya Vsemirnoj federacii turisticheskikh gorodov [Central Asian Regional Conference of the World Federation of Tourist Cities to be Held in Samarqand]. URL: <https://uzbektourism.uz/ru/newnews/view?id=880> (Accessed: 30 November 2019).
 35. India's Best Awards – 2019: Uzbekistan stal pobeditelem v nominacii "Luchshee turisticheskoe napravlenije kul'turno-istoricheskogo nasledija" [India's Best Awards-2019: Uzbekistan Became the Winner in the Category "Best Tourist Destination of Cultural and Historical Heritage"]. URL: <https://uzbektourism.uz/ru/newnews/view?id=866> (дата обращения: 30.11.2019).
 36. TMTJa-2019: Podpisan Memorandum o sotrudnichestve mezhdu Goskomturizma i Korejskim akademicheskim obshhestvom turizma i otdyha «KASTLE» [TITF-2019: a Memorandum of Cooperation was Signed Between the State Tourism Committee and the Korean Academic Society of Tourism and

- Recreation “KASTLE”]. URL: <https://uzbektourism.uz/ru/newnews/view?id=867> (Accessed: 30 November 2019).
37. Kinoturizm: Kinoproekty SSHA v Uzbekistane, opyt Gruzii, pervyj uzbekskij fil'm, popavshij v spisok pretendentov na kinopremiju «Zolotoj Globus» [Cinema-Related Tourism: US Film Projects in Uzbekistan, the Experience of Georgia, and the First Uzbek Film that was Included in the List of Contenders for the Golden Globe Film Award]. URL: <https://uzbektourism.uz/ru/newnews/view?id=871> (Accessed: 30 November 2019).
38. Uzbekistan i Rossiju svjazhut eshhe desjat' avtobusnyh marshrutov [Ten More Bus Routes Will Connect Uzbekistan and Russia]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/society/20191129/12901534/Uzbekistan-s-dekabrya-otkroet-avtobusnoe-soobschenie-s-desyatyu-gorodami-Rossii.html> (Accessed: 30 November 2019).
39. Ul'janovsk pokupaet beushnye kitajskie avtobusy [Ulyanovsk Buys used Chinese Buses]. URL: <https://73online.ru/readnews/20294> (Accessed: 30 November 2019).
40. Dlja Kazani net avtobusov luchshe, chem kitajskie [There are no Better Buses for Kazan than Chinese Ones]. URL: <http://www.evening-kazan.ru/articles/dlya-kazani-net-avtobusov-luchshe-chem-kitajskie.html> (Accessed: 30 November 2019).
41. Bishkek menjaet kitajskie avtobusy [Bishkek is Changing Chinese Buses]. URL: <https://kg.akipress.org/news:1484674> (Accessed: 30 November 2019).
42. V Muynake projdet gastronomicheskij festival' “99 bljud iz ryb Arala” [Muynak Will Host the Gastronomic Festival “99 Dishes Made of Fish of the Aral Sea”]. URL: <https://uz24.uz/ru/culture/v-muynake-proydet-gastronomicheskij-festivaly-99-blyud-iz-rib-aralaq> (Accessed: 30 November 2019).
43. V Uzbekistane stali prodavat' kak suvenir “konservirovannyj vozduh” Arala [In Uzbekistan, the “Canned Air” of the Aral Sea is Sold as a Souvenir]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/asia/20180530/1025718823/uzbekistan-stali-prodavat-suvenir-konservirovanny-vozduh-arala.html> (Accessed: 30 November 2019).
44. Ekologi: strany CA ne izvlekli uroki iz katastrofy Aral'skogo morja [Ecologists: Central Asian Countries did not Learn the Lessons of the Aral Sea Disaster]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/asia/20180608/1025804226/ekologi-strany-centralnoy-azii-ne-izvlekli-uroki-katastrofy-aralskogo-morya.html> (Accessed: 30 November 2019).
45. V Samarkande otkroetsja Mezhdunarodnyj universitet turizma [International University of Tourism to Open in Samarqand]. URL: <https://uz24.uz/ru/society/v-samarkande-otkroetsya-mezhdunarodniy-universitet-turizma> (Accessed: 30 November 2019).
46. V Samarkande planirujut otkryt' filial Rossijskogo gosuniversiteta fizkul'tury, sporta, molodezhi i turizma [A Branch of the Russian State University of Physical Education, Sports, Youth and Tourism is Planned to Open in Samarqand]. URL: <https://uz24.uz/ru/glavnoe/v-samarkande-planiruyut-otkrytiy-filial-rossiyskogo-gosuniversiteta-fizkulyuri-sporta-molodezhi-i-tu> (Accessed: 30 November 2019).
47. Uzbekskij filial RGUFKSMiT provedet pervyj nabor studentov v 2020 / 2021 uchebnom godu [Uzbek Branch of RGUFKSMiT Will Welcome the First Students in the Academic Year 2020 / 2021]. URL: <https://press.sportedu.ru/item/uzbekskii-filial-rgufksmit-provedet-pervyi-nabor-studentov-v-20202021-uchebnom-godu> (Accessed: 30 November 2019).

УДК 327.8

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПАРЛАМЕНТОВ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ: ПРОБЛЕМНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Пашковский П. И.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: petr.pash@yandex.ru

В статье рассмотрены проблемные теоретические аспекты изучения форм и средств участия парламентов во внешней политике. Представлены мнения исследователей. Показано, что парламенты государств зачастую имеют прямые (официальные) и косвенные (латентные) способы влияния на внешнюю политику. Они обусловлены представительной природой парламента как органа, в рамках которого представлены интересы различных социальных групп. При этом парламенты преимущественно отстранены от возможностей прямого воздействия на процесс принятия внешнеполитических решений, используя для этого косвенные методы, почти или совсем незаметные для стороннего наблюдателя, но во многом являющиеся более эффективными, нежели официальные. Официальные способы внешнеполитической деятельности парламентов определяются их законодательно закрепленным статусом высших представительных и законодательных органов государственной власти. В связи с этим они причисляются к конституционным (государственным) элементам внешнеполитического механизма. Реализация официальных полномочий и прав парламентов во внешнеполитической плоскости может иметь латентное измерение. Подобное проявляется в деятельности групп интересов и, связанных с ними, групп давления, а также в производных от этого примерах лоббизма, имеющего различную природу, виды и направления. Особым механизмом участия высших представительных органов во внешней политике представляется парламентская дипломатия, которой свойственна определенная амбивалентность. Однако наибольшее воздействие на внешнеполитический процесс парламент может оказывать посредством голосований в палатах по вопросам, так или иначе относящимся к внешнеполитической сфере.

Ключевые слова: парламент, внешняя политика, внешнеполитический механизм, парламентская дипломатия, голосования в палатах по внешнеполитическим вопросам.

Изучение роли высших представительных органов во внешнеполитическом процессе способствует выявлению специфических характеристик государственного внешнеполитического механизма, позволяя рассмотреть «изнанку внешней политики» [1]. В ходе таких исследований становится возможным определить группы давления в контексте формирования и реализации внешнеполитического курса [2–5], составить более адекватное представление о системе разделения властей и существующих в ней сдержках и противовесах, охарактеризовать внутренние факторы внешнеполитической деятельности государства [6; 7; 8]. В современных условиях возникновения новых вызовов и угроз национальной безопасности России **актуальность** изучения особенностей участия

представительных институтов во внешнеполитическом процессе определяется перспективами получения результатов, направленных на повышение эффективности функционирования государственного внешнеполитического механизма.

Различные стороны внешнеполитической деятельности парламентов изучались такими исследователями, как М. Варлен [9], Е. Кондрашова [10], К. Косачев [11], Ю. Косов [12], Д. Новиков [2], Е. Павлов [7], Д. Покровский [8], Д. Раск [13], А. Салмин [1], С. Ставридис [14], К. Томсон [15] и др. При этом **научную новизну** для международно-политических исследований продолжают представлять вопросы выявления и сравнения форм и средств участия парламентов во внешней политике, которые, учитывая специфику их представительной природы, могут иметь открытые и латентные проявления, оказывая большее или меньшее влияние на внешнеполитический процесс. **Целью данной статьи** является обзорная характеристика основных способов внешнеполитической деятельности парламентов в подходах исследователей. В процессе исследования планируется решить **следующие задачи**: обозначить наиболее распространённые прямые и косвенные возможности влияния парламентов на внешнеполитический процесс; уточнить определения терминов «группа интересов», «группа давления» и «лоббизм», касающихся внешнеполитической деятельности парламентов; определить особенности парламентской дипломатии как механизма участия представительных и законодательных органов государственной власти во внешней политике.

Объект исследования – внешнеполитическая деятельность представительных и законодательных органов государственной власти. В качестве предмета выступают теоретические аспекты изучения особенностей воздействия парламентов на внешнюю политику и участия в ней.

В основе **методологии** исследования находятся положения парадигм классического политического реализма, неореализма и неоклассического реализма, что позволило раскрыть особенности теоретического измерения внешнеполитической деятельности парламентов.

Являясь конституционными (государственными) элементами внешнеполитических механизмов, парламенты наделены закрепленным законодательством перечнем полномочий во внешнеполитической сфере. Учитывая имеющиеся различия в каждой конкретной стране, к наиболее типичным функциям парламентов, определяющим степень и возможности их участия во внешней политике, как правило, относятся: законодательное обеспечение внешнеполитического процесса; ратификации и денонсации международных договоров как правовой базы для взаимодействия с зарубежными государствами; финансовые полномочия (определяющие возможности устанавливать объемы финансирования внешнеполитических ведомств, получения и предоставления внешних заимствований и т. д.); принятие обращений и заявлений по важнейшим вопросам международной политики; различные формы взаимодействия с парламентами зарубежных стран и международными парламентскими организациями и т. д. [2; 8]. Руководствуясь указанной характеристикой, основными типами участия парламентов во внешнеполитическом процессе принято считать

реализацию нормативно закреплённых полномочий посредством принятия решений по конкретным вопросам, а также в форме парламентской дипломатии [4; 7; 10].

В этом отношении значимым полномочием парламентов является утверждение бюджетов государств, традиционно содержащих специальные разделы, предусматривающие выделение средств на осуществление внешнеполитической деятельности (в том числе расходов на министерство иностранных дел), получение и предоставление кредитов, участие в международных организациях и т. д. Парламентарии ряда стран (например, Великобритании) имеют право задавать вопросы, касающиеся внешнеполитических проблем, премьер-министру и министру иностранных дел, создавать комитеты по внешней политике, на заседания которых могут приглашаться члены правительства, в частности, внешнеполитического ведомства. Так, Конгресс США принимает законы, бюджет и одобряет количество выделяемых Госдепартаменту средств, а также формирует комитеты по разным вопросам, которые могут требовать предоставления правительственных отчетов и документов. По совету и с согласия Сената США заключаются международные договоры и назначаются послы. Депутаты Национального собрания Франции, кроме традиционных для парламентариев полномочий, имеют право обращаться с устными и письменными запросами к премьер-министру и министру иностранных дел, право законодательной инициативы и участия в деятельности постоянных комиссий. Парламенты некоторых государств имеют возможности контроля над внешней политикой посредством вопросов и прений [16, С. 177–178].

В то же время следует учитывать, что действия парламентских групп (комитетов), занимающихся двусторонними отношениями, могут приводить не только к их развитию, но и стать тормозом такового. Вмешательство парламентских структур в решение ряда проблем может быть существенным. Имеет значение и то, что некоторые парламентарии в прошлом занимали высокие государственные посты, сохранив авторитет и возможности влияния на принятие тех или иных решений. В парламентах традиционно широко представлены руководители политических партий, деловые круги, связанные с банковской сферой и крупным бизнесом, а также представители СМИ. Как правило, члены парламентов – очень информированные люди. В ряде государств они имеют право через комитеты востребовать корреспонденцию, документы, проводить расследование, а иногда и распространять среди депутатов документы как неофициально, так и в установленном регламентом палат порядке, что может оказать влияние на внешнюю политику и отношения с конкретными странами [16, С. 178–179].

Круг прямых, закреплённых на законодательном уровне, внешнеполитических функций парламентов может быть и более широким, однако, политический опыт и научные исследования данной проблемы показывают, что зачастую наибольший эффект имеют латентные (скрытые) возможности влияния представительных и законодательных органов власти на внешнюю политику [1; 4]. Особенности реализации прямых и косвенных способов воздействия парламентов на внешнеполитический процесс связаны с их представительной функцией. «Функциональность парламента, – отмечала российская исследовательница Т. Митрохина, – формируется консультативным, законотворческим,

контролирующим, сдерживающим компонентами, зафиксированными конституционно. Однако каким бы ни было функциональное наполнение, в каждом конкретном случае универсальной функцией парламента является представительная, поскольку изначально этому политическому институту предписывалось быть органом власти, в рамках которого осуществляется выражение, согласование и защита интересов всех категорий граждан» [17, С. 146].

Логика данных утверждений приводит к необходимости рассмотрения таких терминов, как «группа интересов», «группа давления» и «лоббизм», имеющих прямое отношение к реализации парламентами представительной функции в ее формальном и неформальном проявлениях.

Традиционными для политологического дискурса представляются две трактовки содержания термина «группа интересов». Первая исходит из организационного подхода, рассматривая группы интересов как исключительно организованные группы и союзы, формально организованные ассоциации, стремящиеся влиять на решения правительства. Следуя второй трактовке, разделяемой сторонниками функционалистского подхода, группой интересов считается любая социальная группа, стремящаяся оказать влияние на принятие политических решений. В этом смысле в число групп интересов входят корпорации, церкви, региональные элиты, неправительственные и некоммерческие организации и т. д. [18, С. 12–13].

Руководствуясь второй, более широкой трактовкой, группу интересов можно рассматривать в качестве социальной группы, «между членами которой существуют устойчивые связи, идентичность, общность осознанных потребностей и целей, для реализации которых они стремятся оказывать влияние на процессы выработки и реализации государственной политики без непосредственного осуществления власти» [19, С. 177]. В этом отношении подразумеваются крупные социальные группы, члены которых имеют существенные общие интересы. Такие группы структурируют общество по вертикали и зачастую сопряжены с какими-либо сегментами экономической или бюрократической системы, а также важнейшими государственными институтами. Они имеют массовую и элитную компоненты, могут охватывать сотни тысяч и даже миллионы человек [20].

В составе групп интересов выделяются группы давления. Российский исследователь Ю. Федоров определяет группы давления как некий «верхушечный слой», сопряженный с соответствующей группой интересов, который непосредственно выражает конкретные, присущие этой группе интересы, и отстаивает их в институтах власти [20]. Группы давления представляют собой политически активную и организованную часть групп интересов, оказывающую воздействие на объекты давления – органы власти и другие группы для принятия или блокирования определенных государственных решений [19, С. 177].

С указанными терминами связаны термины «лобби» и «лоббизм». Термин «лобби» и / или «лоббисты» (от англ. lobby – кулуары, крытые галереи) в одном из словарей характеризуется как «оплачиваемые или определенным образом зависимые закулисные воротилы, оказывающие разного рода давление (моральное и материальное) в кулуарах парламента на его членов и направляющие их действия по

указанию своих хозяев при проведении своих законов, размещении правительственных заказов, назначении нужных людей на выгодные посты» [21, С. 273].

Развернутое определение термина «лоббизм» дается в политологическом словаре-справочнике под редакцией М. Василика и М. Вершинина: «целенаправленные воздействия групп интересов на органы власти с целью реализации своих специфических интересов». В данном издании отмечается, что «существование лоббизма обусловлено функциональным представительством интересов. Методами лоббистской деятельности являются: работа по подготовке законопроектов в комитетах и комиссиях парламента; парламентские слушания и дебаты; личные встречи, контакты и переговоры; использование средств массовой информации для формирования общественного мнения; организация кампаний «давления с мест»; подготовка и распространение результатов научных (прежде всего социологических) исследований; организация деятельности «своих» людей внутри органов власти; финансирование избирательных кампаний». При этом «лоббизм подразделяется на легальный и нелегальный. Под последним понимается прямой подкуп должностных лиц. В ряде демократических стран, с целью воспрепятствовать коррупции, приняты законы о лоббизме (США, Канада), которые регулируют лоббистскую деятельность». Кроме того, по целям, которые преследуются группами интересов, лоббизм подразделяется на экономический, социальный и социокультурный. По критерию зависимости от объектов лоббирования выделяются президентский, парламентский и правительственный лоббизм. Исходя из отношения к политическим институтам, лоббизм делится на «внешний (давление на органы власти со стороны) и внутренний (когда лоббистами выступают депутаты, члены правительства, президент)» [22].

В зависимости от характера методов лоббистской деятельности специалисты выделяют цивилизованный (использование законных методов) и теневой (продвижение интересов посредством околоскопных или незаконных методов) лоббизм [23, С. 15]. Можно согласиться с тем, что «лоббизм представляет собой форму давления, процесс оказания влияния на органы государственной власти в интересах отдельных лиц или групп с целью принятия либо отклонения тех или иных решений» [19, С. 185]. Как отмечают отечественные эксперты, в России объектами лоббизма стали: Администрация Президента, обе палаты Федерального Собрания и их депутаты, правительство, федеральные органы исполнительной власти, законодательные (представительные) органы и администрации субъектов Российской Федерации и др. [24; 25]. Показательно, что наиболее значимым объектом лоббистской деятельности признается Государственная Дума [19; 26]. Одним из примеров этого могут служить проявления нефтяного лоббизма в нижней палате отечественного парламента [27, С. 26].

Важным механизмом внешнеполитической деятельности представительных органов власти представляется парламентская дипломатия, в рамках которой переплетаются формальные и неформальные способы воздействия парламента на внешнюю политику государств.

Принято считать, что термин «парламентская дипломатия» был введен в научный оборот в 1955 г. американским ученым и государственным деятелем Д. Раском, видевшим ее главными задачами улучшение взаимопонимания между государствами, усиление контроля над правительством, усовершенствование представительства своего народа и повышение демократической легитимности межправительственных институтов [13].

В научно-категориальный аппарат термин «парламентская дипломатия» был включен в 1956 г. благодаря американскому ученому и юристу Ф. Джессалу, который выделил следующие черты данного явления: создание постоянно действующего органа или организации, в чью компетенцию входит широкий круг вопросов; публичный характер встреч и сессий, проводимых такими органами, учитывая привлечение СМИ, представляющих интересы общественности; такой орган должен иметь фиксированный регламент работы и порядка проведения сессий, которые необходимо соблюдать всем его членам; по итогам сессии подобного органа путем голосования всех его участников принимается совместный документ (резолюция) [9, С. 56].

Что касается методов и средств данной деятельности, то в этом отношении имеется ряд дискуссионных вопросов. По мнению российской исследовательницы М. Варлен, «в своем первоначальном виде парламентская дипломатия создавалась как инструмент классической дипломатии, форма парламентского участия в межправительственных отношениях» [9, С. 56]. При этом отечественные специалисты указывают на проявления амбивалентности парламентской дипломатии. С одной стороны, очевидно, что парламент практически во всех странах отстранен от принятия внешнеполитических решений и воздействует на внешнеполитический процесс косвенными методами. Учитывая отсутствие жестких обязательств высказываться исключительно в русле официальной позиции, парламентарии преимущественно (или относительно) свободны в выражении собственного мнения [10, С. 19]. «... Парламентская дипломатия, – значит в одном из исследований, – обладает более высоким уровнем транспарентности, носит гораздо более гибкий, оперативный характер, нежели дипломатические инструменты исполнительной власти. Независимость законодательной власти, ее плюрализм, невключенность депутатов в жесткую систему исполнительной власти с ее формализованной иерархичностью и подчиненностью дают возможность быть гораздо более откровенными и открытыми в международном общении» [9, С. 59]. С другой стороны, парламентарии являются законными представителями народа (или значительной его части), тесно взаимодействуя с правительственными каналами, что подразумевает определенные ограничения и обязательства [10, С. 26].

В контексте дискуссии о том, что во внешнеполитическом процессе парламентские каналы могут выступать альтернативой официальным, возникают обсуждения роли «дипломатии конференций». Так, еще в 1965 г. американский специалист К. Томсон писал, что парламентская дипломатия вышла за рамки «дипломатии конференций» [15]. В дальнейшем наблюдается расширение сферы действия парламентской дипломатии и обозначение ее специализированных направлений. В этом отношении греческий ученый С. Ставридис отмечал, что

парламентскую дипломатию следует отличать от традиционных форм межпарламентских контактов, поскольку она использует новые методы и, поэтому, должна развиваться и рассматриваться с помощью новых подходов [14]. Следуя данной точке зрения, парламентская дипломатия понимается как новая ступень взаимодействия между парламентами или парламентариями. Российская исследовательница Е. Кондрашова считает основным признаком, отличающим парламентскую дипломатию от других форм взаимодействия парламента с иностранными и международными акторами, наличие активных действий, «проявляемых парламентариями с целью урегулирования существующих конфликтов или достижения новых уровней контактов» [10, С. 23].

Наличие многочисленных дискуссионных вопросов относительно роли и механизмов парламентской дипломатии обусловило отсутствие общепринятого определения данного термина. Так, российский государственный деятель и ученый К. Косачев указывал: «Под парламентской дипломатией можно понимать совокупность международных действий парламента, групп в его составе и отдельных парламентариев в целях выполнения своих конституционных полномочий по законодательному обеспечению внешнеполитического курса страны и выполнения ее международных обязательств» [11, С. 26–27]. Несколько отличающуюся от приведенной дефиницию этого термина предлагает Е. Кондрашова: «... парламентская дипломатия – это совокупность активных действий парламента, групп в его составе или отдельных парламентариев для достижения целей внешней политики и реализации гуманитарных установок» [10, С. 24]. Данное определение представляется более функциональным в плане характеристики этого явления.

С учетом наличия спорных вопросов относительно определения парламентской дипломатии, единство исследователей проявляется в констатации того, что в современных условиях, как в конкретных государствах, так и на площадках международных форматов, существенно изменяется понимание ее сущности и роли. В контексте расширения интеграционных практик на первый план межпарламентского сотрудничества выходит идея народного представительства и представительская функция парламента. Поэтому парламентская дипломатия все чаще рассматривается как направление внешней политики, которое формируется на пересечении народной и профессиональной дипломатии [12, С. 203].

В настоящее время в международных отношениях увеличивается значение «мягкой силы», что определенным образом связано с механизмами парламентской дипломатии [28; 29]. К инструментам «мягкой силы» высших представительных и законодательных органов на международной арене исследователи относят проведение межпарламентских конференций, системы парламентского мониторинга и «парламентских глаз» в составе официальных делегаций [10, С. 3].

Российский опыт применения инструментов «мягкой силы» парламентом проявляется в налаживании и поддержании связей по линии сотрудничества с парламентами иностранных государств и на международных парламентских площадках, а также в расширении гуманитарного присутствия в других странах и привлечении к сотрудничеству организаций соотечественников за рубежом. Кроме

того, специалисты подчеркивают, что благодаря «высокому уровню неформального взаимодействия, потенциал «мягкой силы» используется парламентариями также в аспекте «привлекательности», создания положительного имиджа страны» [9, С. 59].

Еще одной стороной парламентской дипломатии является взаимодействие отдельных парламентариев и / или их групп с представителями посольств иностранных государств. В частности, новоназначенный посол может наносить визиты вежливости спикерам обеих палат парламента и руководителям комитетам по иностранным делам. Эти визиты могут иметь не только протокольный характер, подразумевая постановку рабочих вопросов межпарламентских отношений. Дипломаты более низкого звена могут наносить визиты тем парламентариям, с которыми у их предшественников складывались положительные, систематические контакты. Спикеры палат могут знакомить послов с другими членами парламента, с руководителями внешнеполитических комитетов, давая советы относительно организации ознакомления членов парламента с материалами посольства. Руководители внешнеполитических комитетов парламента могут приглашаться послом для участия в какой-либо дискуссии, организуемой в посольстве и, наоборот, послы, по приглашению руководителей таких комитетов, могут выступить и ответить на вопросы по ранее согласованной теме. Контакты с парламентариями, беседы и переговоры могут способствовать разрешению трудных вопросов. При этом следует учитывать, что в отдельных случаях парламента и / или конкретные парламентарии, уделяя внимание тем или иным внешнеполитическим вопросам, могут отстаивать точку зрения, противоположную позиции исполнительной власти. Дипломаты могут посещать заседания парламента и общаться в кулуарах с его членами [16, С. 179–181].

Таким образом, высшие представительные и законодательные органы власти – парламента государств – зачастую имеют прямые (официальные / формальные) и косвенные (латентные / неформальные) способы влияния на внешнюю политику. Они обусловлены представительной природой парламента как органа, в рамках которого представлены интересы различных социальных групп (политических партий и движений, экономических структур, банковской сферы, ВПК, НПО, СМИ, крупного бизнеса, ФПГ, общественности и т. д.). При этом парламента преимущественно отстранены от возможностей прямого воздействия на процесс принятия внешнеполитических решений, используя для этого косвенные методы, почти или совсем незаметные для стороннего наблюдателя, однако во многом являющиеся более эффективными, нежели официальные. К основным типам участия парламента во внешней политике относятся: принятия решений посредством голосований по вопросам, связанным с международно-политической сферой; парламентская дипломатия.

Официальные способы внешнеполитической деятельности парламентских институтов определяются их нормативно закрепленным статусом высших представительных и законодательных органов государственной власти. В связи с этим они причисляются к конституционным (государственным) элементам внешнеполитического механизма. С учетом различий, зависящих от особенностей законодательства и политических традиций конкретной страны, к наиболее

распространенным официальным полномочиям парламента во внешнеполитической сфере можно отнести: законодательное обеспечение внешнеполитического курса государства; ратификация и денонсация международных договоров; постановления, обращения и заявления по важнейшим вопросам международной политики; утверждение государственных бюджетов (предусматривающих, расходы на функционирование министерства иностранных дел, условия и объёмы получения и предоставления внешних кредитов); утверждение назначений послов в зарубежные государства; формирование профильных комитетов по внешнеполитическим вопросам, имеющих право востребовать правительственные отчеты и документы; право обращаться с устными и письменными запросами к председателю правительства и министру иностранных дел; возможности контроля над внешней политикой посредством вопросов и прений; взаимодействие с парламентами зарубежных стран и международными парламентскими организациями и т. д.

Реализация официальных полномочий и прав парламентов во внешнеполитической плоскости может иметь латентное измерение. Подобное проявляется в деятельности групп интересов и, связанных с ними, групп давления, а также в производных от этого примерах лоббизма, имеющего различную природу, виды и направления специализации. Указанные обстоятельства могут стать решающими факторами влияния, в частности, на процесс и результат голосований в палатах парламента по вопросам, которые имеют прямое или косвенное отношение к внешней политике.

Особым механизмом участия представительных органов государственной власти во внешнеполитическом процессе представляется парламентская дипломатия, которой свойственна определенная амбивалентность. Так, с одной стороны, парламентарии преимущественно или относительно свободны в выражении своего мнения. Они не включены в систему исполнительной власти с ее формализованной иерархичностью, что способствует большей открытости в процессе международного общения. Отсутствие ограничений парламентов официальными рамками дипломатического протокола позволяет им активно использовать способы дискуссий, договоренностей и компромиссов. В то же время – и в этом проявляется другая сторона парламентской дипломатии – парламентарии являются членами органа законодательной и представительной власти конкретного государства, находясь в тесном взаимодействии с правительственными каналами, что, естественно, в большей или меньшей степени ограничивает свободу их действий.

Список литературы

1. Салмин А. М. Изнанка внешней политики / А. М. Салмин // Российская полития на рубеже веков (избранные статьи). К десятилетию фонда «Российский общественно-политический центр» / Глав. ред., председ. Совета А. М. Салмин. – М.: Летний сад, 2001. – С. 102–210.
2. Новиков Д. В. Реализация Государственной Думой представительной функции в сфере внешней политики: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / Д. В. Новиков. – Владивосток, 2009. – 22 с.
3. Пашковский П. И. Внешнеполитический механизм: проблемные теоретические аспекты исследования / П. И. Пашковский // Известия Саратовского университета. – Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2016. – Т. 16. – Вып. 4. – С. 452–456.

4. Пашковский П. И. Парламентские институты во внешнеполитическом механизме Российской Федерации: проблемы и противоречия в реализации полномочий / П. И. Пашковский // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Философия. Политология. Культурология. – 2018. – Т. 4 (70). – № 2. – С. 94–106.
5. Haas P. M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination / P. M. Haas // International Organization. – Winter 1992. – Vol. 46. – № 1. – P. 1–35.
6. Косоруков А. А. Особенности принятия внешнеполитических решений в современном государстве / А. А. Косоруков // Международные отношения. – 2012. – № 1. – С. 6–24.
7. Павлов Е. Я. Конституционно-правовой механизм осуществления внешней политики Российской Федерации: Автореф. дис. ... доктора юрид. наук / Е. Я. Павлов. – М., 2004. – 38 с.
8. Покровский Д. С. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации во внешнеполитическом процессе: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / Д. С. Покровский. – М., 2009. – 28 с.
9. Варлен М. В. О возрастающей роли парламентской дипломатии в многополярном мире / М. В. Варлен // Lex russica (Русский закон). – 2019. № 7 (152). – С. 54–65.
10. Кондрашова Е. В. Эволюция парламентаризма в контексте внешнеполитической деятельности России: Дис. ... канд. полит. наук / Е. В. Кондрашова. – М., 2008. – 169 с.
11. Косачев К. И. Парламентская дипломатия в многополярном мире / К. И. Косачев // Диалог: политика, право, экономика. – 2017. – № 1 (4). – С. 26–31.
12. Косов Ю. В. Содружество Независимых Государств: Интеграция, парламентская дипломатия и конфликты / Ю. В. Косов, А. В. Торопыгин. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 295 с.
13. Rusk D. Parliamentary Diplomacy – Debate vs. Negotiation / D. Rusk // World Affairs Interpreter. – 1955. – Vol. 26. – № 2. – P. 121–138.
14. Stavridis S. Conclusions: Parliamentary Diplomacy as a Global Phenomenon / S. Stavridis // Parliamentary Diplomacy in European and Global Governance. – 2017. – Vol. 13. – P. 368–387.
15. Tomson K. W. The New Diplomacy and the Quest for Peace / K. W. Tomson // International Organization. – Summer 1965. – Vol. 19. – № 3. – P. 394–409.
16. Попов В. И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство: Курс лекций / В. И. Попов. – 2-е изд., доп. – М.: Международные отношения, 2017. – 576 с.
17. Митрохина Т. Н. Функциональность представительного органа власти / Т. Н. Митрохина // Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 141–153.
18. Павроз А. В. Группы интересов и лоббизм в политике: Учебное пособие / А. В. Павроз. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 186 с.
19. Современная российская политика: Учеб. пособие / Под общ. ред. В. И. Коваленко. – М.: Издательство Московского университета, 2013. – 472 с.
20. Федоров Ю. Е. Движущие силы внешней политики Российской Федерации / Ю. Е. Федоров // Современные международные отношения. Учебник / Под. ред. А. В. Торкунова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 584 с. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/17.php (дата обращения: 21.02.2020).
21. Словарь исторических и общественно-политических терминов / Автор-сост. В. И. Васильев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005. – 604 с.
22. Василик М. А. Политология: Словарь-справочник / М. А. Василик, М. С. Вершинин и др. – М.: Гардарики, 2001. – 328 с. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Dict/15.php (дата обращения: 21.02.2020).
23. Медведева Л. Е. Группы интересов в формировании политики национальной безопасности Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / Л. Е. Медведева. – СПб., 2006. – 20 с.
24. Балугев Д. Г. Внутренние факторы, влияющие на российскую внешнюю политику / Д. Г. Балугев // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991– 2002. Хрестоматия в 4-х томах / Ред.-сост. Т. А. Шаклеина. – Т. I. Исследования. – М.: Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России, Российская ассоциация международных исследований, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование.)», 2002. – С. 351–382.

25. Павроз А. В. Группы интересов и трансформация политического режима в России / А. В. Павроз. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – 360 с.
26. Иванов П. А. Особенности функционирования групп интересов в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации: Дис. ... канд. полит. наук / П. А. Иванов. – М., 2014. – 225 с.
27. Оболенцева С. Д. Группы интересов в политике (на примере нефтяного лоббизма в Государственной Думе Российской Федерации): Автореф. дис. ... канд. полит. наук / С. Д. Оболенцева. – М., 2002. – 28 с.
28. Nye J. «Soft Power» / J. Nye // Foreign Policy. – 1990. – № 8. – P.153–171.
29. Nye J. The Future of Power / J. Nye. – N.Y.: Public Affairs, 2011. – 300 p.

Pashkovsky P. I. Features of the Participation of Parliaments in Foreign Policy: Problematic Theoretical Aspects of the Research // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 2. – P. 103–115.

The article considers the problematic theoretical aspects of studying the forms and means of participation of parliaments in foreign policy. The opinions of the researchers have been presented. It is shown that state parliaments often have direct (official) and indirect (latent) ways to influence towards foreign policy. These methods are due to the representative nature of parliament as an institution in which the interests of various social groups are represented. At the same time, parliaments are mostly excluded from the possibility of directly influencing the process of making foreign policy decisions, using indirect methods for this, which are almost or completely invisible to an outside observer, but in many ways are more effective than official ones. The official methods of foreign policy activity of parliamentary institutions are determined by their legislatively fixed status of the highest representative and legislative bodies of state power. Therefore, parliaments are ranked as constitutional (state) elements of the foreign policy mechanism. The implementation of the official powers and rights of parliaments in the foreign policy plane may have a latent dimension. This is manifested in the activity of interest groups and pressure groups, as well as in derivative examples of lobbyism, which has a different nature, types and directions. A specific mechanism for the participation of the highest representative bodies in foreign policy is parliamentary diplomacy, which is characterized by certain ambivalence. However, the parliament can have the greatest impact on the foreign policy process through voting in the chambers on issues that are somehow related to the foreign policy sphere.

Keywords: parliament, foreign policy, foreign policy mechanism, parliamentary diplomacy, voting in the chambers on foreign policy issues.

References

1. Salmin A. M. Iznanka vneshnej politiki [Wrong Side of Foreign Policy] // Rossijskaja politija na rubezhe vekov (izbrannye stat'i). K desjatiletiju fonda «Rossijskij obshhestvenno-politicheskij centr» [Russian Politiya at the Turn of the Century (Selected Articles). By the Tenth Anniversary of Foundation «Russian Public Policy Center»] / Heads. Ed., Chairman of the Board A. M. Salmin. Moscow, Summer Garden, 2001, p. 102–210.
2. Novikov D. V. Realizacija Gosudarstvennoj Dumoj predstavitel'noj funkcii v sfere vneshnej politiki [The Implementation of the Representative Function in the Sphere of Foreign Policy by the State Duma]. Extended Abstract of Candidate's Thesis. Vladivostok, 2009, 22 p.
3. Pashkovsky P. I. Vneshnepoliticheskii mekhanizm: problemnye teoreticheskie aspekty issledovaniya [Foreign Policy Mechanism: Problematic Theoretical Aspects of the Research] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya [Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology]. 2016, Vol. 16, Issue. 4, p. 452–456.
4. Pashkovsky P. I. Parlamentskie instituty vo vneshnepoliticheskom mekhanizme Rossiiskoi Federatsii: problemy i protivorechiya v realizatsii polnomochii [Parliamentary Institutions in the Foreign Policy

- Mechanism of the Russian Federation: Problems and Contradictions in the Exercise of Powers] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kulturologiya* [Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology]. 2018, Vol. 4 (70), № 2, p. 94–106.
5. Haas P. M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // *International Organization*. Winter 1992, Vol. 46, № 1, p. 1–35.
6. Kosorukov A. A. Osobennosti prinyatiya vneshnepoliticheskikh reshenii v sovremennom gosudarstve [Features of Making Foreign Policy Decisions in a Modern State] // *Mezhdunarodnye otnosheniya* [International Relations]. 2012, № 1, p. 6–24.
7. Pavlov E. J. Konstitucionno-pravovoj mehanizm osushchestvleniya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii [The Constitutional Legal Mechanism for the Implementation of the Foreign Policy of the Russian Federation]. Extended Abstract of Doctor of Science's Thesis. Moscow, 2004, 38 p.
8. Pokrovsky D. S. Sovet Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii vo vneshnepoliticheskom processe [The Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation in the Foreign Policy Process]. Extended Abstract of Candidate's Thesis. Moscow, 2009, 28 p.
9. Varlen M. V. O vozrastayushchei roli parlamentskoj diplomatii v mnogopolyarnom mire [On the Increasing Role of Parliamentary Diplomacy in a Multipolar World] // *Lex Russica (Russian Law)*. 2019, № 7 (152), p. 54–65.
10. Kondrashova E. V. Evolyutsiya parlamentarizma v kontekste vneshnepoliticheskoi deyatel'nosti Rossii [The Evolution of Parliamentarism in the Context of Russia's Foreign Policy Activity]. Candidate's Thesis. Moscow, 2008, 169 p.
11. Kosachev K. I. Parlamentskaya diplomatiya v mnogopolyarnom mire [Parliamentary Diplomacy in a Multipolar World] // *Dialog: politika, pravo, ekonomika* [Dialogue: Politics, Law, Economics]. 2017, № 1 (4), p. 26–31.
12. Kosov Yu. V. Sodruzhestvo Nezavisimyykh Gosudarstv: Integratsiya, parlamentskaya diplomatiya i konflikty [The Commonwealth of Independent States: Integration, Parliamentary Diplomacy and Conflicts] / Yu. V. Kosov, A. V. Toropygin. Moscow, Aspect Press, 2012. 295 p.
13. Rusk D. Parliamentary Diplomacy – Debate vs. Negotiation // *World Affairs Interpreter*. 1955, Vol. 26., № 2, p. 121–138.
14. Stavridis S. Conclusions: Parliamentary Diplomacy as a Global Phenomenon // *Parliamentary Diplomacy in European and Global Governance*. 2017, Vol. 13, p. 368–387.
15. Tomson K. W. The New Diplomacy and the Quest for Peace // *International Organization*. Summer 1965, Vol. 19, № 3, p. 394–409.
16. Popov V. I. Sovremennaya diplomatiya: teoriya i praktika. Diplomatiya – nauka i iskusstvo: Kurs lektsii [Modern Diplomacy: Theory and Practice. Diplomacy – Science and Art: Lecture Course]. 2-e izd., dop. [2nd ed., supplemented]. Moscow, International Relations, 2017, 576 p.
17. Mitrokhina T. N. Funktsional'nost' predstavitel'nogo organa vlasti [Functionality of the Representative Authority] // *Parlamentarizm v Rossii i Germanii: Istoriya i sovremennost'* [Parliamentarism in Russia and Germany: History and Modernity] / Responsible editors Ya. A. Plyais and O. V. Gaman-Golutvina. Moscow, «Russian Political Encyclopedia» (ROSSPEN), 2006, p. 141–153.
18. Pavroz A. V. Gruppy interesov i lobbizm v politike: Uchebnoe posobie [Interest Groups and Lobbyism in Politics: Textbook]. SPb., St. Petersburg University Press, 2006, 186 p.
19. Sovremennaya rossiiskaya politika: Ucheb. posobie [Contemporary Russian Politics: Textbook] / Edited by V. I. Kovalenko. Moscow, Moscow University Press, 2013. 472 p.
20. Fedorov Ju. E. Dvizhushhie sily vneshnej politiki Rossijskoj Federacii [Driving Forces of the Foreign Policy of the Russian Federation] // *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya. Uchebnik* [Modern International Relations. Textbook] / Edited by A. V. Torkunov. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/17.php (Accessed: 21 February, 2020).
21. Slovar' istoricheskikh i obshchestvenno-politicheskikh terminov [Dictionary of Historical and Socio-political Terms] / Compiled by V. I. Vasiliev. Moscow, OLMA-PRESS Education, 2005, 604 p.
22. Vasilik M. A. Politologiya: Slovar'-spravochnik [Political Science: Dictionary-Reference] / Compiled by M. A. Vasilik, M. S. Vershinin et al. Moscow, Gardariki, 2001. 328 p. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Dict/15.php (Accessed: 21 February, 2020).

23. Medvedeva L. E. Gruppy interesov v formirovanii politiki natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Interest Groups in Shaping the National Security Policy of the Russian Federation]. Extended Abstract of Candidate's Thesis. SPb., 2006. 20 p.
24. Baluev D. G. Vnutrennie faktory, vliyayushchie na rossiiskuyu vneshnyuyu politiku [Internal Factors that Influence on Russian Foreign Policy] // Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoi Rossii. 1991–2002. Khrestomatiya v 4-kh tomakh [Foreign Policy and Security of Modern Russia. 1991–2002. Anthology in 4 vol.] / Editor-compiler T. A. Shakleina. Vol. I. Issledovaniya [Research]. Moscow, Moscow State Institute of International Relations (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia Press, Russian Association of International Studies, ANO «INO-Center (Information. Science. Education)», 2002, p. 351–382.
25. Pavroz A. V. Gruppy interesov i transformatsiya politicheskogo rezhima v Rossii [Interest Groups and the Transformation of the Political Regime in Russia]. SPb.: St. Petersburg University Press, 2008, 360 p.
26. Ivanov P. A. Osobennosti funktsionirovaniya grupp interesov v Gosudarstvennoi Dume Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii [Features of the Functioning of Interest Groups in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation]. Candidate's Thesis. Moscow, 2014, 225 p.
27. Obolentseva S. D. Gruppy interesov v politike (na primere neftyanogo lobbizma v Gosudarstvennoi Dume Rossiiskoi Federatsii) [Interest Groups in Politics (on the Example of Oil Lobbying in the State Duma of the Russian Federation)]. Extended Abstract of Candidate's Thesis. Moscow, 2002, 28 p.
28. Nye J. «Soft Power» // Foreign Policy. 1990, № 8, p. 153–171.
29. Nye J. The Future of Power. N.Y., Public Affairs, 2011. 300 p.

УДК 316.140.8-053.6 (477.75)

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ОЦЕНКАХ МОЛОДЕЖИ КРЫМА (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Хриенко Т. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: t.v.khrienko@mail.ru

В статье излагаются результаты социологических исследований по вопросам отношения крымской молодежи к Великой Отечественной войне, включая отношение к празднику 9 Мая – Дню Победы, победителям во Второй мировой войне и к другим событиям того времени. Как известно, 2020 год – год 75-летнего юбилея Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.). Вопросы, связанные с оценками молодежи прошедших событий, имеют актуальность и особую важность в понимании современных идентификационных процессов как молодых крымчан, так и молодежи России в целом. Основные результаты представляемых исследований получены в ходе длительного мониторингового изучения общественного мнения крымской молодежи, которое проводилось, начиная с 1999 года по 2020 год. Выборка при опросах являлась репрезентативной по критериям не только возраста, но и национальности, места проживания (город/сельская местность) респондентов. Приводимые данные свидетельствуют о том, что крымская молодежь на всех этапах современной истории Крыма в большинстве своем адекватно отражает события, связанные с Великой Отечественной войной.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, День Победы, молодежь Крыма, общественное мнение, социологические исследования, мониторинг.

Цель представляемой работы – отразить состояние общественного мнения молодежи Крыма к Великой Отечественной войне.

В данном исследовании основными задачами являлись:

- выявление отношения крымской молодежи к празднику 9 мая – Дню Победы советского народа в Великой Отечественной войне;
- выявление отношения крымской молодежи ко Второй мировой войне;
- отражение отношений молодых крымчан к победителям во Второй мировой войне;
- определение степени и вектора проявления у молодежи патриотических настроений.

Основным методом исследования являлся долговременный социологический мониторинг, что позволило рассмотреть отношение молодежи Крыма к Великой Отечественной войне за относительно длительный период времени, начиная с 1999 года.

К Великой Отечественной войне у молодежи на постсоветском пространстве традиционно проявляется повышенный интерес. Об этом свидетельствуют проведенные нами за последние десятилетия социологические исследования в Российской Федерации, на Украине, в Армении, Казахстане, Грузии, Приднестровье, Абхазии и других регионах. Результаты широко представлены научными публикациями и в масс-медиа [1; 2; 3; 4].

В современной российской юнологии по данному вопросу имеются различные точки зрения, иногда диаметрально противоположные. Но стремление молодых людей уяснить для себя правду о Великой Отечественной войне является неоспоримым фактом.

Нами специально изучалось отношение к Великой Отечественной войне непосредственно крымской молодежи. Следует особо отметить, что на всем протяжении нахождения Крыма в составе независимой Украины роль и значение победы советского народа в Великой Отечественной войне либо искажалась, либо существенно принижалась. В школьных программах по истории на изучение Великой Отечественной войны отводилось незначительное количество времени, да и сам факт войны как «Отечественной» для Украины преимущественно отрицался [5; 6, С. 74–80; 7].

В то же время для крымской молодежи, как и большинства населения региона, отношение к Великой Отечественной войне имеет свою особую специфику, которая в существенной степени определяет соответствующие мировоззренческие позиции. Крым, как известно, являлся одним из эпицентров прошедшей войны, где героизм и трагичность проявлялись особенно ярко. Так, в бывшем Советском Союзе только в одной Крымской области было два города-героя: Севастополь и Керчь. В Севастополе взято на государственный учет 394 памятника периода Великой Отечественной войны [8, С. 430]. Других таких регионов на постсоветском пространстве нет до настоящего времени. Наряду с этим в Крыму имели место болезненные социально-политические проявления, связанные с коллаборационизмом и многими другими метаморфозами военного времени. Все это в существенной степени определяло и, вероятно, в настоящее время определяет повышенный интерес молодежи к историческому прошлому, к Великой Отечественной войне, в том числе и к празднику 9 Мая – Дню Победы.

Ежегодно, начиная с 1999 года, по репрезентативной выборке нами проводились социологические исследования с целью выявления отношения молодежи к различным вопросам, связанным с Великой Отечественной войной и, прежде всего, по отношению к празднику Победы – 9 Мая. Объем выборки при опросах составлял не менее 1500 респондентов, которые представляли молодежь Крыма в возрасте от 18 до 35 лет, по критериям национальности и месту проживания. Опросы проводились фактически во всех городах и районах Крымской автономии (а с 2014 года – в Республике Крым).

Ниже, в таблице 1, представлено распределение ответов на вопрос: **«Является ли для Вас праздником 9 Мая?»** (данные в процентах к общему количеству опрошенных, в среднем по периодам, указанным в таблице).

Таблица 1

Позиции	Степень поддержки, в %							
	1999	2000–2002	2003–2005	2006–2008	2009–2011	2012–2014	2015–2016	2017–2020
Да, 9 Мая является праздником	89,0	90,0	89,5	91,5	90,0	91,0	93,5	93,0
Нет, 9 Мая не является праздником	6,5	6,5	7,5	4,5	5,5	6,5	3,5	3,5
Затруднились с ответом	4,5	3,5	3,0	4,0	4,5	2,5	3,0	3,5
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Анализ полученных результатов исследований, представленных в таблице 1, показывает, что фактически на протяжении всего мониторинга крымская молодежь в подавляющем большинстве считала День Победы одним из основных праздников. Из года в год общественное мнение молодых крымчан по рассматриваемому вопросу фактически не менялось. Об этом свидетельствуют не только количественные данные, но и ответы респондентов на ряд открытых вопросов.

Наиболее часто встречающиеся ответы на открытый вопрос: «Если 9 Мая является для Вас праздником, то что, на Ваш взгляд, определяет содержание этого праздника?» (приводятся в авторской стилистике респондентов):

- День Победы – праздник победы над фашизмом, над мировым злом;
- вероятно, это один из тех праздников, который достался нам от советской эпохи и который отмечают фактически все, поскольку все хотят победить и в великом, и в малом;
- День Победы – праздник дедов, которые, проявляя героизм, одержали одну из величайших Побед в истории человечества. Позор их потомкам, которые не смогли удержать их победу, развалив некогда Великую страну по частям;
- в единстве – сила и гарант победы! Вот в чем смысл праздника Победы;
- деды победили фашизм, нам необходимо победить западный тоталитаризм, называемый демократией;
- праздник Победы символизирует торжество силы духа и мужества всех русских народов, которые в единстве и одержали эту победу и т.п.

При опросе в марте 2020 года ранее высказываемые ответы на данный открытый вопрос в значительной степени повторялись, но имели свои специфические особенности (приводятся в авторской стилистике респондентов):

- сейчас нужно отмечать не Победу, а примирение;
- я поддерживаю акцию «Бессмертный полк». В нем «состоял» и мой прадед и без принуждения хожу 9 мая на демонстрацию;
- как бы за последние годы не менялось отношение к историческим фактам, 9 Мая остается неизменным праздником;

– трудно ответить, поскольку очень много противоречивой информации о тех событиях;

– 9 Мая – праздник победителей, которых почти уже не осталось;

– 9 мая – трагическая и трогательная дата. Никакие другие праздники не могут сравниться с Днем Победы и т.п.

Рассматривая отношение крымской молодежи к Великой Отечественной войне, следует специально отметить и тот факт, что в украинский период истории Крыма киевскими властями упрямо навязывались идеи, отрицающие Великую Отечественную войну для Украины, как «Отечественную», а события 1941–1945 годов относились исключительно ко Второй мировой войне.

В связи с этим при проведении социологических опросов нами предпринималась попытка выявления отношения крымской молодежи непосредственно и ко Второй мировой войне.

Ниже представлена группировка ответов на вопрос: **«Что для Вас означает Вторая мировая война прежде всего?»** (данные в процентах к общему количеству опрошенных, в среднем за 2000–2013 гг. и 2014–2020 гг. Формулировка вопроса и варианты ответов (позиций) составлены на основе обобщений соответствующих социологических индикаторов, применяемых при исследовании аналогичных проблем).

Таблица 2

Позиция	Степень поддержки, в %	
	2000–2013 гг.	2014–2020 гг.
Это была освободительная Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков	69,5	67,5
Это была война фашистской Германии и Советского Союза совместно с его союзниками за передел сфер влияния в мире	19,0	14,5
Это была война Германии и части европейских государств за новый мировой порядок	5,5	9,0
Другое	6,0	9,0
Итого	100	100

По позиции «другое» наиболее часто встречались ответы следующего содержания (приводятся в авторской стилистике респондентов):

– *Вторая мировая война – это прежде всего освободительная Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков, в которой воевали наши деды и прадеды;*

– *война Германии, Японии и Италии (тройственного союза) за господство в мире;*

– *война двух тоталитарных режимов, которая охватила весь мир;*

– *война ведущих государств мира за свои интересы + перечисленные выше в вопросе варианты;*

- это была война, развязанная Германией против всего мира, с целью его завоевания;
- война Советского Союза и ряда европейских стран с фашистским блоком;
- это война СССР и его союзников с фашистской Германией за передел сфер влияния в мире;
- бред это был, я против войны. Лично для меня она ничего не значит;
- склоняюсь к первому варианту, однако это война не только советского народа;
- я считаю, что каждый из вариантов ответа немного прав, и поэтому точно сказать нельзя и т.п.

При опросах в 2020 году преимущественно встречались ответы следующего содержания:

- для нас это была война Отечественная, а для других – Вторая мировая;
- различного рода «нацисты и нацики» еще не добиты, можно сказать, что война продолжается;
- я с Донбасса. Там также идет война против агрессии нацистов, и обязательно будет свой День Победы;
- сейчас также идет мировая война против России. Санкции – разве это не попытка насильственным путем уничтожить нашу страну? Нужно сопротивление, сильное сопротивление;
- бандеровцы опять прут, и многие им потакают;
- коллаборационисты остались, и преумножились во многих странах т.п.

В последнее время и в связи с 75-летним юбилеем Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне значительно увеличилось количество публикаций на данную тему. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в существенной степени имеется больше выступлений по вопросам прошедшей войны политиков, чем ученых. Это касается как публикаций отечественных, так и зарубежных авторов.

Среди российских журналов, которые уделяют большое внимание вопросам Великой Отечественной войны, можно выделить «Честь Отечества», «Вопросы истории», «Военно-исторический журнал», «История и археология», «Отечественная история», «Власть» и ряд других. В публикациях отечественных исследователей приводятся достаточно убедительные доказательства того, кто именно развязал Вторую мировую войну и являлся агрессором, кто был союзником агрессора. Рассматриваются и многочисленные факты, связанные с победой советского народа в Великой Отечественной войне, а также демонстрируются небывалые героические трудовые свершения работников тыла, внесших существенный вклад в общую Победу. В то же время в многочисленных зарубежных публикациях, в масс-медиа по нарастающему увеличивается количество публикаций и выступлений лидеров отдельных государств, в которых содержатся попытки исказить факты, связанные с Великой Отечественной войной. Это особенно характерно для значительной части правящих элит современной Польши, Украины, Великобритании, Прибалтийских и ряда других стран. Повсеместно, особенно в Польше, уничтожаются памятники советским солдатам,

освободившим эту страну от фашизма, и с упрямой настойчивостью предпринимаются попытки возложить ответственность за развязывание Второй мировой войны наряду с Германией и на Советский Союз, умаляется, а иногда отрицается Победа советского народа в прошедшей войне в целом. Такие дискуссии вышли на международный уровень и вынуждают лидеров России давать отпор на самом высоком государственном уровне. В частности, выступая на международном форуме «Сохраняем память о Холокосте, боремся с антисемитизмом» 23 января 2020 г. в Иерусалиме, Президент РФ В. Путин специально отметил: «Тогда, в 1945-м, конец варварским планам положил прежде всего советский народ. Он... отстоял и свое Отечество, и принёс освобождение от нацизма Европе. Мы заплатили за это такой ценой, которая не снилась раньше в самых страшных снах ни одному народу, – 27 миллионов погибших» [9].

В контексте нашего исследования на протяжении всего мониторинга мы предпринимали попытки выяснить отношение молодежи Крыма к победителям во Второй мировой войне. В таблице 3 представлено распределение ответов на вопрос: **«Кого, на Ваш взгляд, следует считать победителем во Второй мировой войне, прежде всего?»** (данные в процентах к общему количеству опрошенных, в среднем за 2000–2013 гг. и 2014–2020 гг.)

Таблица 3

Позиция	Степень поддержки, в %	
	2000–2013 гг.	2014–2020 гг.
Советский Союз	77,5	77,0
Антигитлеровскую коалицию	11,5	12,0
Соединенные Штаты Америки	4,0	6,0
Другое	7,0	5,0
Итого	100	100

Данные, приведенные в таблице 3, показывают, что в общественном сознании крымской молодежи устойчивым является факт приоритета Советского Союза в победе во Второй мировой войне в целом.

Рассматривая вопросы, связанные с Победой советского народа в Великой Отечественной войне, на всем протяжении проведения исследований нами выяснялся и вопрос о том, почему Советский Союз одержал убедительную победу в Великой Отечественной войне и проиграл войну «холодную», что привело к развалу Советского Союза в 1991 году.

Ниже представлены фрагменты комплексного исследования, проведенного в последней декаде апреля–начале мая 2007 года по репрезентативной выборке в связи с 62-й годовщиной со дня Победы над фашистской Германией, и в феврале 2020 года, накануне 75-й годовщины Победы. Результаты исследований представлены в форме наиболее типичных ответов респондентов на открытый вопрос: **«Как Вы считаете, почему Советский Союз был непобедим в войне с фашистской Германией, но проиграл «холодную» войну?»** (приводятся в авторской стилистике респондентов).

Ответы при опросе 2007 года:

- я не считаю, что Советский Союз проиграл «холодную войну»;
- не было властного руководителя подобно Сталину;
- огромный патриотический дух во время Великой Отечественной войны и спад патриотизма во время «холодной войны» из-за закрытости СССР от внешнего мира (изолированности);
- это спорный вопрос. Я считаю, что в «холодной» войне не было проигравших и победителей;
- «холодная война» – идеологическая война, где, прежде всего, попораны общечеловеческие ценности: честь, совесть, достоинство, патриотизм, гуманность, где греховность и порок, неприкрытый разврат возвеличиваются в неопровержимые достоинства, морально разлагая общество, а наша страна оказалась не готовой к такому информационному, психологическому насилию и агрессии... Вот и проиграла «холодную» ...;
- наверное, потому что перед настоящей бедой мы смогли объединиться и проявить героизм и мужество, но не увидели настоящей опасности в «холодной войне»;
- Горбачев был завербован, вот и проиграли;
- «холодная война» была коварнее, чем Великая Отечественная война;
- проиграли «холодную войну» потому, что в правительство проникли «шестерки»;
- проиграли потому, что была неправильная политика государства и т.п.

Ответы при опросе 2020 года:

- очень сложный вопрос, требующий специального изучения;
- «холодная война» проиграна, страна разрушена, но наши победы впереди и будут более весомые. Слава Богу, что мы вместе с Россией, а значит – сильнее;
- Путин прав, назвав развал Советского Союза «геополитической катастрофой», думаю, это относится ко всем, в том числе и к англосаксам;
- проиграли «холодную войну» из-за бездарного политикоруководства: Ельцин сдал все, а американцы это все» взяли» ;
- не было проигрыша в «холодной войне», а был банальный переворот в результате которого к власти пришла всяческая мразь... и т.п.

В целом, изучив вопросы, связанные с отношением крымской молодежи к празднику 9 Мая – Дню Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 годов), ко Второй мировой войне и результатам «холодной войны», есть все основания сделать следующие заключения:

Первое. В общественном сознании крымской молодежи устойчиво проявляется позиция, определяющая День Победы не только как общегосударственный праздник, но и как праздник в личностном плане. При этом обращает на себя внимание тот факт, что такая позиция не менялась даже в украинский период истории Крыма, когда на официальном уровне предпринимались попытки принизить роль и значение этого праздника и самого факта Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Второе. В оценке Второй мировой войны у крымской молодежи устойчиво проявляется собственная позиция. Для значительного большинства молодых крымчан Вторая мировая война – это прежде всего Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Здесь, вероятно, интернациональный сегмент прошедшей войны, роль и значение антигитлеровской коалиции в системе образования молодежи проявляется в определенной степени недостаточно.

Третье. Установлено, что крымской молодежью в большинстве своем болезненно воспринимается факт развала Советского Союза. Анализ ответов на многочисленные открытые вопросы показывает, что среди молодежи растет патриотизм как ценностная ориентация в современном мире. И не исключено, что подрастающее поколение может преодолеть последствия «холодной войны» и выйти победителем в современных гибридных войнах так, как когда-то их деды и прадеды победили в войне Отечественной.

Список литературы

1. Хриенко Т. В. Мировоззренческие ценности молодежи Крыма (1991-2017 гг.) : монография / Т. В. Хриенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – 356 с.
2. Хриенко Т. В. Молодежь Крыма о политике и политиках (опыт социологических исследований) : монография / Т. В. Хриенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2013. – 206 с.
3. Хриенко Т. В. Республика Абхазия в социологических измерениях : монография / Т. В. Хриенко. – Сухум – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. – 88 с.
4. Хриенко Т. В. Приднестровье: социологические показатели гражданской идентификации / Т. В. Хриенко. – Тирасполь–Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. – 54 с.
5. Пометун О. І., Гулан Н. Н. Історія України. Підручник для 11 класу. Рівень стандарту, академічний рівень / О. І. Пометун, Н.Н. Гулан – Київ: Грамота, 2012. – 328 с. Украине Великую Отечественную войну
6. Ермаков А.М. Концепция истории Второй мировой войны в новом украинском школьном учебнике / Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 2. – Т.1 (Гуманитарные науки). – С. 74-80.
7. Дивеева Юлия. В учебниках истории на Украине Великую Отечественную войну переименовывают в советско-немецкую. Киев решил преподносить подрастающему поколению исторические факты под особым углом [Электронный ресурс] / Режим доступа <https://www.kp.ru/online/news/1812877/>
8. Севастополь на рубеже тысячелетий / под ред. Л. М. Жунько. – Севастополь: Издательство «Арт-Политика», 2003. – С. 430.
9. Речь В.В. Путина на международном форуме «Сохраняем память о Холокосте, боремся с антисемитизмом» [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62646>

Khrienko T. V. The Great Patriotic War in the Assessment of Crimea Youth (Sociological Research Experience) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 2. – P. 116–124

The results of the sociological research regarding the attitude of Crimean youth towards the Great Patriotic War are presented in the article. It includes the attitude to the celebration of the 9th of May, the Victory Day, to the victors in World War II and other events of that time. As it is well known, 2020 is the year of the 75th anniversary of the Soviet Union victory in the Great Patriotic War (1941-1945). The issues connected with youth's estimation of past events are actual and extremely important concerning awareness of contemporary identification processes among young Crimean people and youth of Russia as well. The main results of the

presented research are obtained during a protracted monitoring study of public opinion of Crimean youth which was conducted from 1999 up to 2020. The sample of poll survey is representative on the criteria of not only the age but nationality and location (urban/rural) of respondents. The data given indicate that mostly young people of Crime are feel the events connected with the Great Patriotic War adequately at all stages of the recent history of the region.

Keywords: the Great Patriotic War, World War II, the Victory Day, youth of Crimea, public opinion, sociological research, monitoring

References

1. Khrienko T. V. Mirovozzrencheskie cennosti molodezhi Kry'ma (1991-2017 gg.) [Ideological Values of the Youth of the Crimea (1991-2017 years)] Simferopol', ARIAL, 2018, 356 p.
2. Khrienko T. V. Molodezh' Kry'ma o politike i politikax (opy't sociologicheskix issledovaniy) [Youth of the Crimea on Politics and Politicians (Experience of Sociological Research)]. Simferopol', ARIAL, 2013, 206 p.
3. Khrienko T. V. Respublika Abxaziya v sociologicheskix izmereniyax. [The Republic of Abkhazia in the Sociological Dimension]. Suxum - Simferopol', ARIAL, 201, 88 p.
4. Khrienko T. V. Pridnestrov'e: sociologicheskie pokazateli grazhdanskoj identifikacii [Pridnestrovie: Sociological Indicators of Civil Identification]. Tiraspol'–Simferopol', ARIAL, 2012, 54 p.
5. Pometun O.I., Gupan N.N. Istoriya Ukraïni. Pidruchnikdlya 11 klasu. Riven' standartu, akademichni jriven' [History Of Ukraine. Textbook for the 11th Grade. Level of the Standard, Academic Level]. Kiïv, Gramota, 2012, 328 p.
6. Ermakov A.M. Koncepciya istorii Vtoroj mirvoj vojny' v novom ukrainskom shkol'nom uchebnike [The Concept of the History of the Second World War in the New Ukrainian School Textbook]. Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2012, Vol.1, № 2. (Humanities), p. 74-80.
7. Diveeva Yu. V uchebnikax istorii na Ukraine Velikuyu Otechestvennuyu vojnu pereimenuyut v sovetsko-nemeczkuyu. Kiev reshil prepodnosit' podrastayushhemu pokoleniyu istoricheskie fakty' pod osobam uglom [In the Textbook of History in Ukraine, the Great Patriotic War is Referred to as the Soviet-German War. Kiev has Decided to Present to the Growing Generation History References External Links]. URL :<https://www.kp.ru/online/news/1812877/>
8. Sevastopol' narubezhe ty'syacheletij [Sevastopol at the Turn of the Millennium]. Sevastopol', Art-Politika, 2003, 430 p.
9. Rech' V.V. Putina na mezhdunarodnom forume «Sokhranyaem pamyat' o Kholokoste, boremsya s antisemitizmom» [Vladimir Putin's Speech at the International Forum «Preserving the Memory of the Holocaust, Fighting Anti-Semitism»]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62646>

УДК: 291.71

К ТИПОЛОГИИ МИССИОНЕРСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

Ефанов В. Ю.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: relig97@mail.ru

Глобализующийся мир усложняет формы традиционных социокультурных практик, этот процесс требует изучения. В статье рассматривается религиозная практика миссионерства с точки зрения её возможных изменений в современных условиях. Утверждается, что в наши дни происходит трансформация этой деятельности, в ней появляются политический и правовой аспекты, обусловленные социальными особенностями современного мира, в котором миссионерская деятельность имеет тенденцию сливаться с прозелитизмом. Российское законодательство отвечает на такую трансформацию, учитывая нарастание прозелитизма. Методологически различение миссионерства и прозелитизма крайне важно, ибо это две религиозные практики с разным коммуникативным потенциалом. С целью их корректного обособления в статье дается типология миссионерства, которая позволит выделить его в качестве предмета дальнейшего исследования.

Ключевые слова: миссионерская деятельность, религиозные объединения, государственно-конфессиональные отношения, свобода совести.

С позиций религиозного дискурса миссионерство является одним из способов существования религии вообще, оно связано с распространением вероучения, его экспансией на новые земли. Нередко эта практика способна оказать деструктивное воздействие как на тех, на кого она распространяется (объект миссионерства), так и на тех, кто ею занят (субъект миссии). Это обстоятельство выявляет правовой аспект деятельности миссионера, когда под прикрытием религиозных атрибутов скрываются опасные для общества и преступные для государства группировки. Так миссионерство становится эффективным каналом информационно-культурного и идеологического влияния на граждан. Кроме того, существует тенденция к отождествлению миссионерства и прозелитизма. Эти обстоятельства требуют корректного определения и выделения миссионерства из совокупности религиозных практик вне-культового, социокультурного характера.

Какие типы миссионерства можно выделить? Как меняется существо этой практики в современных условиях? Для ответа на эти вопросы мы дадим общую характеристику миссионерской деятельности, охарактеризуем её особенности в условиях современной России и предложим деление миссионерства по разным

основаниям. Это позволит обособить предметную сферу исследований данного социокультурного объекта и лучше понимать его место в мире современной коммуникации.

По мнению специалистов, на современном этапе своей истории Россия достигла высокого уровня религиозной свободы [6, С. 134–135]. Корни современной религиозной ситуации в нашей стране уходят в религиозный «бум» 90-х годов, когда в ответ на «всеядные» запросы общества религиозность приобретала самые неожиданные проявления. Это позволило разным конфессиям действовать по-разному в использовании потенциала увеличения количества своих последователей, то есть, на миссионерском поприще. При этом принято считать, что миссионерство или миссионерская деятельность являются неотделимыми компонентами религиозных традиций. Если этимология слова «миссионерство» восходит к латинскому *missio* («посылка, поручение»), то о каком поручении и послании идет речь? И почему мы подошли к теме миссионерства сейчас? Причина обращения к данной теме лежит в плоскости проблем, специфических для современного общества, в том числе: экстремизм, терроризм, угроза мировой войны. Проповедничество и миссионерство играют, на наш взгляд, в генезисе этих проблем заметную роль. Не случайно в России с недавних пор появился правовой аспект рассмотрения этой деятельности: так называемый «пакет Яровой» направлен на противодействие терроризму, и одна из поправок в данном своде законодательных инициатив связана с миссионерством. А именно, в ФЗ №125 «О свободе совести и религиозных объединениях» была расширена глава III, появилась глава III.1 «Миссионерская деятельность» от 06.07.2016. Сразу же возникла проблема осведомленности религиозных организаций с нововведениями в сфере права, затем были зафиксированы прецеденты незаконной миссионерской деятельности. Особенно отличились активные проповедники «Свидетелей Иеговы» и представители «Общества Сознания Кришны». В сложившейся ситуации миссионерство предстало в новом свете, получило, так сказать, топологию в обновленном дискурсе. Как понимать суть миссионерства, и какие виды или типы миссионерской деятельности можно выделить? Это основные вопросы нашей статьи. (Отметим, что выражения «миссионерская деятельность» и «миссионерство» для нас тождественны по смыслу).

Понятию «миссионерство» в религиоведении дают множество определений, все они описывают схожий семиотический каркас. Приведем некоторые, на наш взгляд, самые авторитетные из дефиниций. Отечественный социолог религии Е.С. Элбакян под миссионерством понимает «...одну из форм внекультовой деятельности религиозных организаций, целью которой является распространение своего вероучения и обращение в свою религию неверующих. Осуществляется эта деятельность посредством миссионеров – как правило, специально обученных членов религиозной организации» [11, С. 81]. Другой современный социолог религии М.Ю. Смирнов определяет миссионерство как «распространение вероучительных и религиозно-нравственных идей через специально подготовленных посланников (миссионеров) за рубежом или внутри страны» [9, С. 168]. В «Энциклопедии религии» под ред. А.П. Забияко, миссионерство

понимают как внекультовую деятельность религиозной организации в целях распространения своего вероучения и пополнения числа новообращенных (неофитов) через специальных представителей – миссионеров на еще не освоенных данной религиозной организацией (церковью) территориях [4, С. 812–813]. В статье «Миссионерская деятельность религиозных объединений: социально-политический аспект» А.В. Исаева и Ю.В. Исаева определяют миссионерство как «деятельность религиозной организации, направленную на распространение своего вероучения среди лиц, не являющихся членами, участниками, последователями данного религиозного объединения, в целях вовлечения указанных лиц в религиозное объединение, и осуществляемую через специальных представителей миссионеров непосредственно, публично, при помощи средств массовой информации, либо другими законными способами неканонической или еще не освоенной религиозным объединением территории» [5, С. 92–93].

Приведенный перечень показывает, что миссионерство можно определить по-разному. Логических противоречий между указанными дефинициями мы не обнаружили. Но стоит заметить, что они даны светскими учеными, тогда как конфессиональное рассмотрение неизбежно будет маркировано специфическим пониманием религиозной истины и миссионерства, которое будет пониматься именно как **приобщение к истине**.

В указанных выше определениях отмечалось, что миссионерство – это **внекультовая практика**, в которой адепты получают первое представление о религиозной традиции, а следом постепенное и углубленное познание вероучения. То есть, внекультовую деятельность можно понимать как отделенную от прямого и действенного (в действии) почитания Бога. Заметим, что при этом акт проповеди, её необходимость и уместность вписаны в религиозную картину мира того, кто проповедует.

Распространено устойчивое представление о том, что миссионерство – это деятельность, прежде всего, мировых, универсальных религий. Судя по всему, оно устарело, так как в современных условиях проповедь осуществляется практически всеми религиозными и около-религиозными объединениями. На наш взгляд, это обусловлено следующими факторами. Во-первых, это переориентация в коммуникативном сообществе, когда религиозные общины постепенно открывались для коммуникации – как внутри своих образований, так и в ориентации на внешний мир. Во-вторых, если большинство религиозных сообществ открыты миру и активно с ним коммуницируют, то увеличивается конкуренция в борьбе за паству. В-третьих, необходимо упомянуть «бум религиозности» – сначала «новой» после 60-х годов, а затем после распада Советского Союза, когда начинают активно действовать и т. н. «новые религиозные движения» (НРД), и церковное проповедничество. О «новых» религиях говорить нужно отдельно и предметно, сейчас важно отметить, что появление на поле такого «игрока» как представители НРД, способствовало активизации деятельности традиционных религий. В этих условиях миссионеры большинства религий начали активную и конкурирующую проповедь.

Суть миссионерской деятельности представляет собой **коммуникацию** между миссионером и потенциальным неофитом или неофитом-конвертитом, т.е. тем, кто переходит из одной религии в другую. Если подходить к миссионерству как коммуникации, то её можно обозначить как **субъект-объектное взаимодействие** – в этом случае сторона потенциального неофита не заинтересована в том, чтобы продолжать диалог. Напротив, если взаимодействие между миссионером и его собеседником становится субъект-субъектной коммуникацией, есть вероятность успешности миссии.

Распространение вероучения происходит посредством деятельности миссионеров – представителей конкретной религиозной организации. Миссионеры чаще всего работают в паре, однако, это не обязательное условие. Основная задача миссионеров состоит в том, чтобы заинтересовать посторонних людей, даже прохожих, в своем вероучении. При разговоре они могут использовать цитаты из своих священных текстов, как делают представители «Общества сознания Кришны», опираясь на «Бхагавадгиту как она есть» Прабхупады или протестанты на Библию.

В определенной мере от миссионера в разговоре может исходить суггестия, то есть, потенциальный неофит может быть подвергнут убеждению: «твои проблемы исчезнут, как только ты начнешь постигать тайны предлагаемого вероучения». Большинство людей, с которыми миссионеры завязывают разговор, по тем или иным причинам прекращают диалог. Однако, люди, ищущие себя, не определившиеся в ценностных ориентирах, лишённые идентичности, могут выслушать миссионерствующих, ожидая «что предлагаемые последними утопические программы сакрального совершенствования человека и общества приведут к чудодейственному разрешению всех трудностей современной цивилизации и, прежде всего, безотлагательно помогут им лично» [1, С. 58].

Также стоит отличать миссионерство от прозелитизма. Цель и первого и второго совпадает – привлечение в церковь новых последователей, однако они различаются методологически. Достижение происходит разными методами. Прозелитизм снискал себе славу негативного феномена внутри церкви. Хотя их смысл имеет только частичное сходство. Для прозелитизма характерно негативное оценочное отношение к другим религиям и их сотериологии сопровождающееся вертикальной моделью коммуникации. Тогда как в миссионерстве – это демонстрация ценностей проповедуемой религии. И коммуникация является горизонтальной. И основное различие остается за объектом миссионерства – его личный выбор вступать в ряды неофитов предлагаемой конфессии. И это демонстрация не является навязыванием. В прозелитизме объект находится под давлением и воздействием субъекта. То есть, разница между этими религиозными практиками существенна, имеет разный смысл, тогда как на практике их различить порой не так легко. Кроме того, в современных условиях миссионерство можно перепутать с религиозным просвещением которое не всегда не ставит целью приобщение к религиозной традиции.

Как можно типологизировать – разделить и упорядочить – миссионерскую деятельность?

По её **эффективности**, по тем результатам, которых достигли миссионеры за конкретное время. При этом критерием успешности миссии можно считать прирост неопитов в религиозной организации. Также можно классифицировать по отношению затрат ресурсов (человеческих, финансовых, материальных) к приросту последователей. Статичная цифра последователей религиозной организации или группы не может считаться успехом, если в течении длительного времени нет новых последователей или, что ещё хуже, наблюдается их отток.

Говоря о специфике распространения НРД, белорусский теолог В. А. Мартинович отмечает: «можно выделить два частично взаимосвязанных аспекта анализа распространенности новых религиозных движений: географический, относящийся к количеству затронутых работой новых религиозных движений населенных пунктов страны; и статистический, относящийся к количеству членов новых религиозных движений» [7, С. 132].

По **топологии деятельности**. Миссионерство может осуществляться в среде, где уже действует данная религиозная организация – назовем это **внутренним** миссионерством – тогда это проповедь, направленная на углубление и усложнение знания и веры приверженцев того или иного вероучения. Также существует миссионерство на новых, ещё неосвоенных религиозным объединением территориях – назовем её **внешним**. Период после великих географических открытий и построения мировой колониальной системы – яркая иллюстрация внешнего миссионерства. В первом – внутреннем – случае происходит углубление веры у уже имеющейся паствы, а во втором – знакомство и первичное изложение вероучения, ознакомление с религиозной организацией. В первом случае подразумевается, что на территории, где происходит миссионерская деятельность, уже существует некоторая группа последователей вероучения, которые ведут внутреннюю миссионерскую деятельность. И среда, где ведется проповедь, чаще всего может быть знакома с внешней атрибуцией религиозной традиции. В случае внешней миссии миссионеры попадают в среду иной культуры, где распространено влияние других религий. Это более сложная ситуация. Начиная свою деятельность, миссионеры должны следовать законам, которые регулируют процесс создания общины, им необходимо задействовать максимальное информационное пространство той среды, для того чтобы потенциальный адепт обратил внимание на предлагаемое религиозное учение. При этом есть реальная возможность превращения миссионерства в **прозелитизм**.

Миссионеры приезжают и проповедуют с целью создания общины и её увеличения, для приобретения здания в культовых целях (молитвенного дома, церкви, Зал Царства, ашрама и т.д.), для создания поселения (как это делают вассарионовцы, или анастасиевцы). При этом они могут встать во главе религиозного объединения и вести свою проповедническую деятельность уже в общине. То есть появление общины на новой территории – это «план минимум» для миссионера. До лета 2016 года можно было встретить проповедников, агитаторов, миссионеров самой разной религиозной направленности и в самых разных людных местах. Они предлагали литературу, зывали на собрания, в молитвенные дома.

Представители Общества Сознания Кришны раздавали *прасада* – жертвенную пищу, проводили *санкиртан* – совместное песнопение и т. д.

3. По **форме распространения** миссионерство можно разделить на:

1) подомовой обход (к данной форме можно отнести деятельность объединений, которые направляют, чаще всего, двух миссионеров для поквартирного обхода с целью привлечения новых последователей в религиозную организацию);

2) миссионерство в проходных местах города (где сконцентрировано большое количество людей – площади, парки, остановки, переходы);

3) точечные миссионерские собрания (открытые лекции на темы около-религиозного и религиозного характера или с целью пропаганды здорового образа жизни, где беседы сопровождаются раздачей пищи; бесплатные уроки английского; закрытые сообщества йоги(для интересующихся восточными религиями); сборы; семинары; просветительские фестивали; занятия в приходских школах и т. д.);

4) негласное миссионерство (когда последователь предлагает посетить собрание религиозной группы или религиозной организации; просто разговор на тему религии);

5) интернет-миссионерство (привлечение IT для распространения вероучения);

С 2016 года по настоящий момент из вышеперечисленных форм ведения миссионерской деятельности мы можем явно наблюдать только (5)интернет-миссионерство и (4) негласное. Все остальные формы ведения миссионерской деятельности т.н. «новой», нетрадиционной религиозности стали запрещены законом(если миссионерство не происходит на территории, которая законодательно принадлежит религиозному объединению).

Таким образом, формы проведения миссионерства разнообразны в силу разнообразия форм религиозности (и в традиционных религиях, и в новых религиозных движениях). Впрочем, в ходе дальнейших, более детальных исследований миссионерства (и прозелитизма) это деление может измениться. Отметим, что сейчас существуют формы альтернативной религиозности, которые напоминают скорее клубы по интересам – там религиозность как таковая может быть редуцирована к минимуму. Однако апелляция миссионеров таких учений к элементам, в том числе, и традиционных религий, учению придается высокодуховный, порой, эзотерический смысл, причем с отсылками к существующим и устоявшимся религиозным традициям. К таким учениям мы можем отнести, например, «Школу Причинности» Василия Гоча. Книги Василия Гоча [2, С. 29–30] пестрят ссылками на священные тексты разных религий, однако, вероучение как таковой в этой «школе» отсутствует. Как раз в таких формах альтернативной религиозности миссионерская деятельность будет очень слабо выражена или будет отсутствовать вовсе.

На современном этапе миссионерскую деятельность в России можно представить как своеобразную систему координат. В разных концах этой системы будут находиться, с одной стороны, миссионерская деятельность религий с наименьшим количеством прецедентов (когда представители, реже, устав религиозной организации вступает в конфликт с законом), а с другой –

миссионерская деятельность запрещенных религиозных организаций в России, например, «Свидетели Иеговы», «Хизб ут-Тахрир» [3].

Как мы уже отметили, тема миссионерства в последнее время актуализировалась по причине глобальности экстремистской и террористической деятельности, при этом религиозный экстремизм – это один из возможных вариантов экстремизма вообще. Миссионерство – специфическая черта религиозных организаций, через которую в российское сообщество могут проникать идеи, которые, в свою очередь, могут наносить вред и представлять угрозу целостности государства. В целях предотвращения такого сценария и были приняты упоминавшиеся нами поправки. Миссионерство рассматривается законодательными органами как источник потенциальной угрозы, которую в большей мере представляет деятельность тех деноминаций из числа религиозных меньшинств, которые склонны приглашать к себе миссионеров из своего религиозного центра, находящегося за рубежом. В первую очередь это касается представителей протестантских церквей. «Пакет Яровой», направленный на борьбу с терроризмом и экстремизмом, ужесточил контроль за миссионерством, что незамедлительно повлекло за собой изменения в конфессиональной среде России, а в СМИ регулярно стали поступать сведения о незаконной миссионерской деятельности. Так, законом теперь запрещается повсеместное и открытое распространение вероучения без надлежащего документального сопровождения, предусмотренного законом. Чтобы лучше (с учетом действия этого «пакета») понимать суть возникающих в обществе коллизий и конфликтов, сформулируем, наконец, **признаки**, по которым можно **квалифицировать** деятельность в качестве миссионерской.

1. Наличие субъекта деятельности, осуществление деятельности религиозным объединением (религиозная группа, либо религиозная организация).

2. Направленность деятельности: на распространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения.

3. Цель деятельности: вовлечение лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения в деятельность религиозного объединения.

4. Способ осуществления деятельности: публично, при помощи средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» либо другими законными способами.

Напомним, что миссионерскую деятельность в нашей стране разрешено осуществлять только в местах определенных законом, а именно: в культовых зданиях, которые закреплены юридически за религиозным объединением; на участках земли, которые юридически закреплены за религиозным объединением; в местах, которые предоставляются религиозному объединению собственником для отправления культа: богослужения и обряды; в местах паломничества; на кладбищах и крематориях; в помещениях образовательных организаций, исторически используемых для проведения религиозных обрядов [10]. Посмотрим, какие социально-практические импликации введения таких строгих норм появляются в наше время.

К последним изменениям в законодательстве о миссионерстве отнесем решение Конституционного суда РФ от 10 октября 2019 года, когда суд вынес определение по жалобе Церкви евангельских христиан-баптистов «Примирение» в Йошкар-Оле. Баптисты оспаривали решение суда в марте 2018 года о штрафе за «нарушение закона о миссионерской деятельности» распространением печатных изданий в 100 км от места регистрации общины. Баптисты указывали на противоречия между ст. 5.26 КоАП (нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях), законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» и Конституцией РФ. Суд не нашел нарушений конституционных прав заявителя, однако прокомментировал некоторые важные положения ст. 5.26 КоАП и закона «О свободе совести» [8]. Перед Конституционным судом был поставлен вопрос, связанный с определением сферы миссионерской деятельности местной религиозной организации: ограничивается ли она территорией муниципального образования, в котором проживают верующие и зарегистрирована эта организация, или нет [8]. Эти замечания нашли отражение в следующем решении: сфера миссионерства религиозных объединений, предусмотренная законом, значительно шире, нежели территориальная сфера их основной религиозной деятельности. Т.е. местные религиозные организации, зарегистрированные в определенном муниципальном центре, могут проводить миссионерство по всему субъекту РФ.

Правовой аспект миссионерской деятельности на современном этапе находится в состоянии разработки. На наш взгляд, то, как в законодательстве понимается миссионерская деятельность, на сегодняшний день можно считать вполне приемлемым и даже релевантным сути происходящих в области религии процессов. Однако отметим, что между академическим сообществом ученых-религиоведов и государственными чиновниками нет налаженной рабочей координации, которая была бы в состоянии регулировать сферу государственно-конфессиональных отношений в сторону повышения их эффективности.

Итак, деление миссионерской деятельности по разным основаниям в целях создания её типологии может помочь в решении неизбежно возникающих социально-политических и социокультурных проблем, связанных с практикой миссионерства, так как постоянное структурное усложнение законодательства оставляет лакуны в понимании и интерпретации миссионерской деятельности. Взаимосвязь этих двух моментов очевидна: для эффективного решения вопроса регулирования деятельности различных религиозных организаций при составлении проектов законов и поправок к ним полезно учитывать предложенное нами разделение.

Список литературы

1. Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. – М.: ИФРАН, 1999. Ч. 1 – 244 с.
2. Гоч В.П. Неклассическая тотальная наука / С.В. Белов. Гоч В.П. – СПб: ООО ИЦДОМ «Айзорэль», 2019. – 336 с.
3. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации

- террористическими (на 2 июня 2017 г.) // ФСБ – [Электронный ресурс] – URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (Дата обращения 25.10.2019)
4. Забияко А.П., Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Гаудеамус, 2008. – 1520 с.
 5. Исаева А.В., Исаева Ю.В. Миссионерская деятельность религиозных объединений: социально-политический аспект // Среднерусский вестник общественных наук. – 2013 – № 1. – С. 92–95.
 6. Лункин Р.Н. Религия и право в современной России / Загребина И.В. Лункин Р.Н. – М.: ИД «Юриспруденция», 2017. – 256 с.
 7. Мартинович, В. А. – Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция: Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. – Минск: Минская духовная академия, 2015. – Т. 1 – 560 с.
 8. Славянский правовой центр «Религия и Право» [Электронный ресурс] URL: <https://www.sova-center.ru/religion/news/authorities/legal-regulation/2019/10/d41635/> (дата доступа 25.10.2019)
 9. Смирнов М. Ю. Социология религии: Словарь / М. Ю. Смирнов – СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2011. – 412 с.
 10. Федеральный закон от 26.09.1997 №125-ФЗ (ред. от 22.10.2014) «О свободе совести и о религиозных объединениях» [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс: Законодательство: Версия Проф. – URL:<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=170122> (дата обращения 25.10.2019)
 11. Элбакян Е. С. От миссии – к миссионерству [Текст] // Религиоведение. – 2016. – № 3. – С. 77–90.

Efanov V. Y. To the Typology of Missionaries: Modern Realities // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 2. – P. 125–134

A globalizing world complicates the forms of traditional sociocultural practices, this process requires study. The article discusses the religious practice of missionary from the point of view of its potential transformations in modern conditions. It is argued that in our days there is a transformation of this activity, political and legal aspects arise in it, due to the social features of the modern world, in which missionary activity tends to merge with proselytism. Russian legislation responds to such a transformation, given the growth of proselytism. Methodologically, the distinction between missionaryism and proselytism is extremely important, because these are two religious practices with different communicative potential. The article attempts to give a complete typology of missionary work with the goal of isolating it as the subject of further research.

Keywords: missionary activity, religious associations, state-confessional relations, freedom of conscience.

References

1. Balagushkin E.G. Netradicionnye religii v sovremennoj Rossii: morfologicheskij analiz [Non-traditional religions in modern Russia: a morphological analysis]. — Moscow: IFRAN, 1999. CH. 1 – 244 s.
2. Goch V.P. Belov S.V. Neklassicheskaya total'naya nauka [The total non-classical science]. SPb, ООО ICDOM «Ajzorel'», 2019. — 336 s.
3. Edinyj federal'nyj spisok organizacij, v tom chisel inostrannyh i mezhdunarodnyh organizacij, priznannyh v sootvetstvii s zakonodatel'stvom Rossijskoj Federacii terroristicheskimi (na 2 iyunya 2017 g.). [Unified Federal list of organizations, including foreign and international organizations, recognized as terrorist in accordance with the legislation of the Russian Federation (as of June 2, 2017)]. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (Accessed: 25 Okt.2019)
4. Isaeva A.V., Isaeva YU.V. Missionerskaya deyatel'nost' religioznyh ob"edinenij: social'no-politicheskij aspekt. [Missionary activity of religious associations: socio-political aspect]. Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. [Central Russian Bulletin of social Sciences], 2013 – № 1. — S. 92-95.

5. Zbiyako A.P., Enciklopediya religijy. [Encyclopedia of religions]. Pod red. A.P. Zbiyako, A.N. Krasnikova, E.S. Elbakyan. Moscow: Gaudeamus, 2008. — 1520 s.
6. Lunkin R.N. Religiya i pravo v sovremennoj Rossii. [Religion and law in modern Russia] Zagrebina I.V. Lunkin R.N. . Moscow, ID «YUrisprudenciya», 2017. — 256 c.
7. Martinovich, V. A. Netradicionnaya religioznost': vzniknovenie i migraciya: Materialy k izucheniyu netradicionnoj religioznosti.[Non-traditional religiosity: emergence and migration: Materials for the study of non-traditional religiosity]. Minsk: Minskaya duhovnaya akademiya, 2015. — T. 1 – 560 s.
8. Slavyanskij pravovoj centr «Religiya i Pravo» URL: <https://www.sova-center.ru/religion/news/authorities/legal-regulation/2019/10/d41635/> (Accessed: 25.10.2019)
9. Smirnov M. YU. Sociologiya religii: Slovar' [Sociology of religion: a Dictionary]. SPb.: S. Peterb. un-ta Publ., 2011. — 412 s.
10. Federal'nyj zakon ot 26.09.1997 №125-FZ (red. ot 22.10.2014) «O svobode sovesti i o religioznyh ob"edineniyah» [Federal law No. 125-FZ of 26.09.1997 (as amended on 22.10.2014) "on freedom of conscience and religious associations"] SPS Konsul'tantPlyus: Zakonodatel'stvo: Versiya Prof. – URL:<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=170122> (Accessed: 25.Okt. 2019)
11. Elbakyan, E. S. Ot missii - k missionerstvu [From mission to mission]. Religiovedenie. [Religious studies.], 2016. - № 3. - S. 77-90.

УДК 008

ФОРМИРОВАНИЕ МУЗЕЙНОЙ СЕТИ КРЫМА: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ

Швецова А.В.¹ Стельмах И.Ф.²

Крымский университет культуры, искусств и туризма, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: ¹voljaton@rambler.ru, ²irinastelm@mail.ru.

В статье рассматривается история музейной сети Крыма, начиная с начала XIX и по настоящее время. Отмечена особая роль музеев как социокультурных институтов, их важная роль в сохранении отечественного культурного и природного наследия. Значительная часть этого наследия находится на территории Республики Крым, и исследование исторического опыта развития крымских музеев является актуальным как для музееведения, так и для музейной практики. Целью данной статьи является анализ формирования крымской музейной сети как целостного феномена, а задачами – определение и характеристика основных этапов ее развития с начала XIX века до настоящего времени в контексте социокультурной и политической истории региона. Описаны и проанализированы в хронологическом аспекте основные этапы формирования музейной сети, взаимосвязь музейной деятельности с историко-политическими событиями и условиями. Определены основные этапы формирования и развития музейной сети Крыма, выделены особенности каждого этапа и соответствующие проблемы создания и развития музеев. По каждому из рассмотренных периодов приведен перечень действовавших на полуострове музейных учреждений. Особое внимание уделено взаимосвязи развития музеев с соответствующими политикой, идеологией и общественными запросами.

Ключевые слова: музей, музейная сеть, этап формирования, Крым.

Музей – это уникальный социокультурный институт, представляющий собой универсальный механизм связи прошлого с настоящим через призму индивидуального и общественного сознания, позволяющий человечеству не только сохранить память об истории, но и ощутить ее, воспринять визуально, чувственно. В силу своей исключительной познавательной и воспитательной роли, музейная деятельность стала объектом многочисленных и разнообразных по тематике научных исследований, среди которых особый интерес представляет история музейного дела, позволяющая рассмотреть закономерности и основные аспекты становления и развития музеев. Особый интерес данная проблематика вызывает в отечественной музеологии, имеющей дело с богатейшей историей и уникальным культурно-историческим и природным наследием России. Огромная часть этого наследия находится на территории Республики Крым, и потому исследование исторического опыта развития крымских музеев является актуальным и чрезвычайно интересным как для музееведения, так и для музейной практики [1].

Актуальность данного исследования определяется также тем, что история музейного дела полуострова до настоящего времени не была изучена комплексно – существующие исследования посвящены в основном первой половине XX века и истории отдельных музеев. Исходя из этого, целью данной статьи является анализ формирования крымской музейной сети как целостного феномена, а задачами – определение и характеристика основных этапов ее развития с начала XIX века до сегодняшнего дня в контексте социокультурной и политической истории региона.

Музейная сеть Крыма начала формироваться в начале XIX в. и продолжает свое активное развитие в настоящее время. Анализ соответствующей документальной базы позволяет выделить несколько этапов развития музейной сети полуострова.

Первый этап, охватывает XIX – начало XX вв., – период активного формирования и развития музеев на всей территории Российской империи, что явилось естественным следствием общекультурного развития общества, возросшего интереса к отечественной истории, формирования общественной потребности в изучении и сохранении памятников культурного и природного наследия. С музеями исследуемого периода связана деятельность крупных ученых и общественных деятелей, научных, краеведческих, археологических, естественноисторических и художественных обществ, что предопределило высокую степень общественной активности в создании музеев того времени.

В Крыму на протяжении всего периода создание музеев было связано с общественной и частной инициативами. Первые крымские музеи – это музеи древностей, связанные с археологическими изысканиями, активно проводившимися на полуострове. Феодосийский музей древностей был создан в 1811 году по инициативе феодосийского градоначальника С.М. Броневского, основу музея составила коллекция феодосийского купца Джеварджи. В 1826 году, благодаря хлопотам археолога И.Ф. Бларамберга, при поддержке новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова был открыт Керченский музей древностей на базе коллекции Поля Дюбрюкса, формировавшейся с 1810 года, и материалов, собранных Бларамбергом [11].

В 1869 г. в Крыму был создан первый музей, связанный с отечественной историей: участники 349-дневной обороны Севастополя в Восточной (Крымской) войне 1853-1856 гг. инициировали создание старейшего военно-исторического музея Черноморского флота – музея Севастопольской обороны 1854-1855 гг.

1880 г. стал годом открытия первой не только в Крыму, но и на юге страны публичной картинной галереи, основанной академиком и почетным членом Императорской Академии художеств, Академий художеств в Амстердаме, Риме, Париже, Флоренции, художником с мировой известностью И.К. Айвазовским.

С 1884 по 1917 г. по всей территории Российской империи создаются Губернские ученые архивные комиссии, состав которых формировался на добровольных началах, а средства складывались из членских взносов и пожертвований. В 1887 г. была учреждена Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК), организовавшая свой музей древностей и библиотеку. В 1892 г. благодаря усилиям и деятельности К.К. Косцюшко-Валюжинича, одного из организаторов «Кружка любителей истории и археологии», на территории Херсонеса открылся

музей «Склад местных древностей». В том же 1892 г. при активном участии известных общественных деятелей был учрежден музей при Крымском горном клубе [2].

В 1890-е гг. в Крыму были созданы первые естественноисторические музеи. В 1892 г. начал свою деятельность музей наглядных пособий при училище садоводства и виноградарства в Никитском ботаническом саду. В 1897 г. при Севастопольской биологической станции по инициативе директора станции академика А.О. Ковалевского основан морской музей-аквариум. Естественноисторический музей Таврического земства открылся в 1899 г.; в его задачи входило: изучение растений и животных Таврической губернии, исследование почв, составление полной коллекции полезных ископаемых, фенологические наблюдения, обработка собранных материалов и их публикация.

В 1904 г. в Ялте был открыт первый литературный музей – дом-музей А.П. Чехова «Белая дача». Музей был создан сестрой писателя в доме, где писатель жил с 1899 г., и где им были написаны пьеса «Вишнёвый сад», рассказы «Дама с собачкой», «Невеста» и др.

В 1905 г. в честь 50-летия обороны Севастополя в Восточной (Крымской) войне создан музей «Панорама 349-дневной обороны» города, продолжавшейся с 13 сентября 1854 г. по 27 августа 1855 г. Сюжетом для «Панорамы» стали события 6 июня 1855 г. – отражение защитниками Севастополя штурма Малахова кургана и Корабельной стороны.

В августе 1916 года Евпаторийская городская управа, удовлетворяя ходатайство исследователей античного городища Керкинитида профессора М.И. Ростовцева и члена Императорской Археологической Комиссии Л.А. Моисеева, открыла в городе музей для хранения археологических находок. В 1917 г. по инициативе историка-этнографа Усеина Боданинского в Бахчисарайском дворце был открыт первый музей, связанный с историей крымско-татарского народа [3].

Таким образом, все музеи рассмотренного периода – исторические, археологические, естественноисторические, художественные, литературные – были созданы по инициативе общественных и научных деятелей, в полной мере соответствуя запросам общества, удовлетворяя его потребность в сохранении истории полуострова и достижений людей, его населяющих.

События 1917 г. и последовавшие годы гражданской войны поставили под угрозу не только коллекции, но и сам факт существования перечисленных музеев, поскольку произошел своеобразный «пересмотр» общественных ценностей и запросов. Однако реформирование общества в период становления Советской власти привело не только к расширению музейной сети за счет национализированных дворцов, церквей, усадеб, к значительному увеличению количества музейных предметов за счет конфискованных ценностей, но и к появлению новых форм музейной деятельности. Именно в это время начинается *второй этап* развития профессиональной музейной сети Крыма, который продолжался до известных событий 1941.

За два года, с 1920 по 1922 гг. на полуострове было создано 20 музеев. Открылись пять художественных музеев в Алуште, Керчи, Судаке, Феодосии и

Ялте, три этнографических музея: дом-музей в Бахчисарае, художественно-этнографический музей и музей караимской культуры при национальной библиотеке «Кара-битиглии» в Евпатории [4]. Появились совершенно новые формы музеев – музей-дворцы и музей-церкви. Было открыто три дворца-музея в Алушке, Коккозах и Ливадии, и два музея-церкви в Массандре и Ореанде. Создавались музеи в национализированных усадьбах: музей-усадьба в Кучук-Кое и художественно-бытовой музей в бывшем имении кн. Голицина Новый Свет. Открылись четыре мемориальных музея: И. Гаспринского, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и А. П. Чехова. В Симферополе, в результате объединения музеев Таврического губернского земства и Ученой архивной комиссии, был создан Центральный музей Тавриды [5].

Решающее влияние на развитие музеев 1921-1927 гг. оказал процесс формирования государственной структуры по управлению музеями, которая определяла порядок финансирования музеев, их экономическую защищенность в сложной ситуации трансформации социально-экономической системы государства [6].

С 1921 по 1922 гг. все музеи, кроме Центрального музея Тавриды (ЦМТ), находились в ведении городских и уездных отделов народного образования. ЦМТ был единственным музеем в ведении народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) Крымской АССР. С 1922 г. были переподчинены Главмузею Наркомпроса РСФСР: ЦМТ, Херсонесский музей, Панорама обороны, Военно-исторический музей (Севастополь), Керченский историко-археологический, Евпаторийский археолого-этнографический, Феодосийский археологический, Ялтинский краеведческий и Восточный музеи; дворцы-музеи в Алушке, Бахчисарае и Ливадии; дома-музеи А.С. Пушкина в Гурзуфе, Л.Н. Толстого в Севастополе, А. П. Чехова в Ялте, а также картинная галерея И.К. Айвазовского в Феодосии. С 1926 г. музеи начали вновь передавать в ведение крымских органов управления. К 1929 г. все музеи, кроме Судакской крепости, с 1927 г. находившейся в ведении Московского государственного исторического музея, были переведены на бюджет Крыма, а к 1930 г. – на бюджет местных районных исполкомов. В 1930 г. в прямом подчинении Крымского комиссариата просвещения оставались только четыре музея: ЦМТ, Бахчисарайский дворец-музей, Херсонесский и Керченский музеи [3].

Во вновь созданном государстве музеи были призваны способствовать реализации государственной политики и укреплению идеологии советской власти. Поэтому уже Первый музейный съезд Крыма, проходивший 5-9 октября 1922 г., принял решение о ликвидации художественных музеев в Алуште, Евпатории, Керчи и Судак, бытового музея в Новом Свете, дворца-музея в Коккозах, музеев-церквей в Массандре и Ореанде. Был утвержден первый официальный список музеев, деятельность которых могла продолжаться. В список попали: Центральный музей Тавриды (Симферополь), Бахчисарайский дворец-музей тюрко-татарской культуры, дом-музей И. Гаспринского в Бахчисарае, Керченский историко-археологический музей, Феодосийский археологический музей и художественная галерея И. К. Айвазовского, дом-музей А.С. Пушкина в Гурзуфе, Алушкинский и Ливадийский дворцы-музеи, Евпаторийский этнографо-археологический музей,

Музей обороны Севастополя и Панорама, Дом-музей Л.Н. Толстого в Севастополе, в Ялте – художественный, естественноисторический и Восточный музеи [7].

В 1924 г. музейная сеть вновь была пересмотрена, в результате чего были ликвидированы дом-музей Л.Н. Толстого в Севастополе, музей композитора Ребикова и церковно-музей при Морском санатории в Ялте. Ряд музеев были объединены: в Евпатории – археолого-этнографический, караимский музей и караимская национальная библиотека «Карай-Битиклиги»; в Феодосии – галерея И.К. Айвазовского и археологический музей. Несколько музеев претерпели реорганизацию: музей Севастопольской обороны был трансформирован в военно-исторический музей, Алушкинский дворец – в музей русского быта конца XVIII в. – начала XIX в. В 1926 г. был закрыт Ливадийский дворец, а в 1927 г. ликвидирован дом-музей Гаспринского [4; 8].

Таким образом, за период с 1917 г. по 1927 г. музейная сеть Крыма, на начальном этапе насчитывавшая 29 музеев, к 1928 г. значительно сократилась: основными музейными учреждениями считались Херсонесский, Феодосийский, Керченский, Ялтинский, Евпаторийский музеи, Бахчисарайский и Алушкинский дворцы, Центральный музей Тавриды, Судакская крепость, Панорама Севастопольской обороны [9].

В 1930-е гг. музейная сеть Крыма мало пополнялась новыми музеями. В 1937 г. на базе художественного отдела Центрального музея Тавриды была открыта художественная галерея. В 1938 г. первых посетителей принял музей А.С. Пушкина в Гурзуфе. Однако тоталитарная политика государства привела к унифицированной системе организации и деятельности музеев, развитие музейной сети полуострова полностью соответствовало политическим установкам и контролировалось государством.

Трагические события Великой Отечественной войны, период оккупации привели к значительным потерям исторических и культурных ценностей, сокращению музейной сети. В 1941 г. были эвакуированы в Свердловск наиболее ценные коллекции Херсонесского историко-археологического музея, в Томск – Севастопольская картинная галерея, в Ереван – картины галереи Айвазовского и 52 картины Симферопольской картинной галереи, в Сочи были частично вывезены экспонаты Феодосийского краеведческого музея, в Уральск (Казахстан) эвакуирован Ялтинский краеведческий музей. Музейная сеть Крыма понесла в то время большие потери – в частности, не удалось эвакуировать коллекции Алушкинского дворца, погибло во время налета немецкой авиации основное собрание Симферопольской картинной галереи, при эвакуации были утеряны коллекции Керченского музея, Центрального краеведческого музея [10].

Послевоенный, *третий этап* развития музейной сети Крыма начался с возвращения эвакуированных коллекций и восстановления музеев. В 1944 г. был проведен ремонт дома-музея А.С. Пушкина в Гурзуфе, в 1948 г. открылся Военно-исторический музей Черноморского флота [11].

В послевоенный период в значительной степени активировалось краеведческое движение, а также появилось новое тематическое направление музейной деятельности – события Великой Отечественной войны, подвиг советского народа,

что в значительной степени повлияло на рост численности музеев. В частности, в 1959 г. в Севастополе была открыта диорама «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года».

В целом можно отметить, что во второй половине 1960-х гг. произошла активизация музейной деятельности, возрос интерес к отечественной истории и культуре [12]. В 1963 г. музейная сеть Крыма была представлена 23 музеями, в число которых входили: Областной краеведческий музей и Областная картинная галерея в Симферополе; Историко-археологический музей в Бахчисарае, ведавший 14-ю пещерными городами; Музей Черноморского флота; Государственный музей обороны и освобождения Севастополя; Панорама «Оборона Севастополя»; Диорама «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года»; Государственный Херсонесский историко-археологический музей; Аквариум при Морском биологическом институте АН УССР в Севастополе; Дом-музей С.Н. Сергеева-Ценского и небольшой музей при управлении Крымского государственного заповедно-охотничьего хозяйства в Алуште; Краеведческий музей и Дом-музей А.П. Чехова в Ялте; музейная комната на первом этаже Большого Ливадийского дворца; Алушкинский дворец-музей; Сакский краеведческий музей, Краеведческий музей в Евпатории; Судакская крепость; Картинная галерея имени Айвазовского и Краеведческий музей в Феодосии; Историко-археологический музей имени Пушкина; Лапидарий в здании Церкви Иоанна Предтечи и Музей-выставка обитателей морских и океанских глубин – в здании Азово-Черноморского института морского рыбного хозяйства и океанографии в Керчи.

В последующие годы сеть крымских государственных музеев расширялась пространственно и тематически. В 1987 г. на базе Керченского музея был создан Керченский государственный историко-культурный заповедник. В 1984 г. был открыт Дом-музей М.А. Волошина в Коктебеле, а в 1987 г. – Дом-музей академика архитектуры А.Н. Бекетова в Алуште. Несколько литературных музеев получили статус музеев в качестве филиалов: в 1964 г. был открыт дом А.С. Грина в Старом Крыму как филиал Феодосийского краеведческого музея, а с 1971 г. – как филиал Феодосийского литературно-мемориального музея А.С. Грина в Феодосии; Дача Чехова в Гурзуфе с 1987 г. существовала в качестве филиала Дома-музея А. П. Чехова в Ялте. Наконец, в 1989 г. начал работать Музей А.С. Пушкина на правах отдела Ялтинского историко-литературного музея [2].

Развитие краеведческого движения, популяризация героических и трудовых будней советского народа во многом способствовали созданию общественных музеев. Наряду с действующими государственными музеями во второй половине 1950-х годов активно создавались музеи при учреждениях культуры, в школах, на предприятиях, – особенно в тех районах и населенных пунктах, которые находились далеко от государственных музеев, и где была острая потребность в музеях местных. Наибольшее распространение в то время получили музеи боевой и трудовой славы, истории комсомола, истории предприятий, мемориальные и школьные музеи.

Были созданы и действовали музеи при отделах культуры: Нижнегорский историко-краеведческий музей, Белогорский историко-краеведческий музей, Джанкойский районный историко-краеведческий музей, Красногвардейский

историко-краеведческий музей и Восходненский народный музей истории колхоза «Россия» Красногвардейского района, Красноперекопский районный историко-краеведческий музей, Первомайский районный исторический музей.

При высших учебных заведениях были открыты: Зоологический музей при кафедре зоологии, Музей редкой книги научной библиотеки и Ботанический сад в Таврическом национальном университете им. В.И. Вернадского (в то время – Крымский государственный педагогический институт имени М. В. Фрунзе); Музей анатомии человека и истории морфологии кафедры нормальной анатомии человека Крымского государственного медицинского университета им. С.И. Георгиевского; Геологический музей на станции Московского государственного университета в Бахчисарайском районе. Во всесоюзном детском центре «Артек» в 1967 г. по инициативе первого космонавта Ю.А. Гагарина и С.П. Королева был создан уникальный «Музей космоса».

В советский период была создана целая сеть школьных музеев, посвященных военно-исторической тематике, отдельным воинским подразделениям: 51 Армии, 8-й Воздушной Армии, Отдельной Приморской армии, 383-й шахтерской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии, 87-й Гвардейской стрелковой Перекопской Краснознаменной ордена Суворова дивизии, 318-й Новороссийской ордена Суворова II-й степени горнострелковой дивизии, 263-й стрелковой Сивашской дивизии 51-й Армии, 267-й, 127-й и 77-й стрелковым дивизиям, 5-му Гвардейскому Констанцкому морскому ракетноносному авиационному полку, 25-му дважды ордена боевого Красного Знамени Керченскому Истребительному авиаполку, 36-му Краснознаменному минно-торпедному авиаполку, 11 Гвардейскому авиаполку, 46-му гвардейскому Таманскому женскому авиационному полку, 943-му Констанцкому Краснознаменному ракетноносному полку морской авиации, 97-му отдельному мотосаперному Керченскому ордена Красной звезды батальону и 15-му Гвардейскому отдельному мотоштурмовому инженерно-саперному Дрезденскому батальону, 4-му Гвардейскому Кубанскому казачьему кавалерийскому корпусу, 7-ой Гвардейской отдельной артиллерийской бригаде, Ичкинскому партизанскому отряду.

Только в 1978 г. было открыто 30 новых общественных музеев, в 1981 г. – 17 музеев, 50 музеев было создано в 1985 г. В 1985 г. в Крымской области наряду с государственными действовали 256 общественных музеев, в 1986г. – 272, в 1987г. – 288, в 1988 г. – 305, в 1989 г. – 299 [13].

Таким образом, советский период в истории развития музейной сети полуострова может быть охарактеризован значительным ростом общего числа музеев за счет музеев общественных, и жесткой направленностью музейной деятельности государственными идеологическими догмами.

В 90-е гг. XX в. начался *четвертый этап* развития крымской музейной сети. Новая политико-экономическая ситуация эпохи перестройки обусловила кризис как в культуре в целом, так и в музейной сфере. В то время начался интенсивный процесс сокращения музейной сети, прежде всего – за счет музеев, невостребованных идеологически в эпоху политического кризиса и неустойчивых

экономически. В частности, почти в два раза сократилась сеть общественных музеев.

Однако во второй половине 1990-х-2000 гг. кризисная ситуация была преодолена, началось создание крупнейших разнопрофильных заповедников и музеев. В 1990 г. были открыты Алушкинский дворцово-парковый музей-заповедник и Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник. На базе археологического памятника античного времени – городища «Калос Лимен» – в 1997 г. создан историко-археологический музей-заповедник «Калос Лимен». В 2000 г. был создан историко-культурный мемориальный музей-заповедник «Киммерия М.А. Волошина».

1992 г. – год создания Дворца-музея Александра III в Массандре и Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия в Симферополе, в структуру которого в 2001 г. вошел Музей дважды Героя Советского Союза Амет-Хана Султана. В 1993 г. были открыты музей в Ливадийском дворце и Музей И. С. Шмелева и литературы русского зарубежья в Алуште; в 2003 г. – Балаклавский подземный военно-исторический музей; в 2005 г. в Старом Крыму – Дом-музей К.Г. Паустовского; в 2009 г. – Крымский этнографический музей в Симферополе [2].

С 1992 по 2005 г. было создано значительное количество музеев при национальных обществах: крымчаков «Кърымчахлар», евреев, караимов «Кардашлар», чехов «Влтава», при центре «Текие-дервиш». Одним из новшеств 1990-х гг. является возрождение частных музеев: мемориальных, таких как Дом-музей Е. В. Нагаевской и А. Г. Ромма в Бахчисарае и Музей Натана Рахлина в Мисхоре; этнографических – Греческого этнографического музея в с. Чернополье Белогорского района, Музея истории и культуры крымских караимов им. С. И. Кушуль в Евпатории и Дома-музея истории, культуры и быта крымских татар в г. Старый Крым, Музея крымско-татарской культуры «Олун-Базар-Къапусу» в Евпатории, технического Музея дельтапланеризма в Феодосии и музея истории виноделия Алуштинской долины «Грот «Седьмое небо» в с. Солнечногорское Алуштинского региона [2].

Создавались музеи при предприятиях: Музей истории ОАО Феодосийской судостроительной корпорации «Море», Музей истории города и ТОК «Судак», Музей истории трамвая и троллейбуса при КРПП «Крымтроллейбус», музеи морских торговых портов Евпатории и Феодосии, Музей истории Феодосийского казенного оптического завода, Музей боевой и трудовой славы ОАО «Симферопольского консервного завода им. Кирова», Музей боевой и трудовой славы СМЗ «Прогресс», Музей истории завода ОАО «Крымский содовый завод», Комната-музей боевой, трудовой славы и интернациональной дружбы птицеплемзавода им. Фрунзе, Музей боевой и трудовой славы Госплемсовхоза. Истории виноделия посвящены Музей виноделия ЗАО «Торговый дом «Массандра», Музей боевой и трудовой славы ГП «Судак», Музей истории виноградарства и виноделия завода шампанских вин «Новый свет», Музей вина ООО «Арсенал вин» г. Евпатории.

Появилась новая группа музеев, создаваемых при церквях, монастырях, епархиях: Музей истории возрождения храма «Всех святых» («Забвению вопреки») и Музей «Христианская история Феодосии и Карантина» в Феодосии, Музей Святого Луки при Свято-Троицком монастыре в Симферополе [13].

Отдельные отрасли науки, техники, промышленного производства нашли свое отражение в экспозициях более 20-ти музеев, к которым относились Музей истории космонавтики (Евпаторийский центр дальней космической связи), Музей мелиорации (Республиканский комитете по водному хозяйству), Музей истории защиты растений (Государственная инспекция), Музей запахов (Научно-производственное объединение «Эфирмасло»), Евпаторийский музей фармации Крыма, Музей Управления пожарной охраны, Музей почты (Крымское почтовое управление). История развития крымского судостроения и мореплавания представлена в музеях истории Евпаторийского морского порта, Морского торгового порта Феодосии и Феодосийской судостроительной корпорации «Море». Развитие электрического транспортного сообщения на полуострове освещено в Музее истории Симферопольского железнодорожного узла Приднепровской железной дороги, Музее истории железной дороги Джанкой-Феодосия в г. Феодосии и Музее истории трамвая и троллейбуса КРПП «Крымтроллейбус». История развития крымского виноградарства и виноделия представлена в Музее истории Национального института винограда и вина «Магарач», Музее виноделия ЗАО «Торговый дом «Массандра», Музее истории виноградарства и виноделия завода шампанских вин (ЗШП) «Новый свет», Музее вина в Евпатории, Музее ГП «Судак» и Музее «Грот «Седьмое небо». Оригинальный спортивный Клуб-музей «Его Величество Футбол» создан при Общественном объединении «Дом футбола» в г. Ялта. Частными лицами были организованы Музей катастроф на водах в с. Малореченское и Музей денег в г. Феодосия. Более 50 музеев краеведческой направленности было создано при общеобразовательных школах [13]. В 2013 г. музейная сеть Крыма насчитывала около 300 музеев, основанных на общественных началах. Несмотря на серьезные социально-экономические проблемы постперестроечного периода, музейная сеть Крыма формировалась в соответствии с общественными запросами, часто обращенными к малоизвестным, ранее замалчиваемым вопросам региональной истории.

С 2014 г. музейная сеть Крыма вошла в *новый этап* своего развития и продолжает активно развиваться в российском культурном пространстве. Особенностью данного этапа является значительное сближение и расширение сотрудничества крымских музеев с ведущими музеями России, работа в российском законодательном поле, создание многочисленных инновационных проектов, связанных с усилением статуса культуры и государственной культурной политики [14; 15; 16].

В настоящее время крымская музейная сеть представлена уникальными заповедниками, такими как: Алушкинский дворцово-парковый музей-заповедник, Ливадийский дворцово-парковый музей-заповедник; Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник; Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник; Историко-культурный мемориальный музей-

заповедник «Киммерия М.А. Волошина»; Музей-заповедник «Судакская крепость»; Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский»; Историко-археологический музей-заповедник «Калос Лимен»; Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник, созданный в 2016 г.

Некоторые заповедники представляют собой целые комплексы: например, в состав заповедника «Киммерия М.А. Волошина» входят Дом-музей М.А. Волошина в Коктебеле, Музей Марины и Анастасии Цветаевых в Феодосии, Дом-музей А.С. Грина, Дом-музей К.Г. Паустовского. Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник представлен Историко-археологическим музеем, картинной галереей, Музеем истории обороны Аджимушкайских каменоломен, Музеем истории Эльтигенского десанта, Царским и Мелек-Чесменским курганами, крепостью Керчь. В состав Алушкинского музея-заповедника входят Воронцовский дворец и дворец-музей Александра III в Массандре. Бахчисарайский заповедник включает в себя Ханский дворец в г. Бахчисарай, «пещерные города» Мангуп-Кале, Чуфут-Кале, Эски-Кермен, Качи-Кальон и Историко-архитектурный комплекс Зынджирлы-медресе и Дом-музей И. Гаспринского. В Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник включены Дом-музей А.П. Чехова в Ялте, Музей А.С. Пушкина в Гурзуфе, Отдел «Чехов и Крым», Отдел «Дача А.П. Чехова и О.Л. Книппер в Гурзуфе» [17].

Наряду с заповедниками активно развиваются такие музеи, как Центральный музей Тавриды, Крымский этнографический музей, Алуштинский литературно-мемориальный музей им. С.Н. Сергеева-Ценского, Крымско-татарский музей культурно-исторического наследия, Симферопольский художественный музей, Дворец-замок «Ласточкино гнездо», Феодосийский музей древностей, Феодосийский литературно-мемориальный музей А.С. Грина, Феодосийская картинная галерея им. И.К. Айвазовского, Евпаторийский краеведческий музей, Музей краеведения и истории грязелечения в г. Саки, Ялтинский историко-литературный музей, Музей истории города Симферополя, Алуштинский литературно-мемориальный музей С.Н. Сергеева-Ценского, предприятие «Поляна сказок», Армянский историко-краеведческий музей, Белогорский историко-краеведческий музей, Джанкойский историко-краеведческий музей, Красноперекопский краеведческий музей, Историко-археологический музей Ленинского района, Нижнегорский историко-краеведческий музей, Музей Симферопольского района им. Н. Островского, Советский районный историко-краеведческий музей.

Центральный музей Тавриды объединяет Алуштинский историко-краеведческий музей, Литературно-мемориальный «Дом-музей И. Сельвинского», Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941-1944 гг. и комплекс Центрального музея Тавриды. В комплекс Алуштинского литературно-мемориального музея им. С.Н. Сергеева-Ценского входят Музей И.С. Шмелева, Дом-музей академика архитектуры А.Н. Бекетова и Музей С.Н. Сергеева-Ценского. Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия в Симферополе включает музей дважды Героя Советского Союза Амет-Хана Султана в Алушке. В составе Ялтинского историко-литературного музея наряду с историко-

литературным музеем работают Музей Леси Украинки и дом-музей Н.З. Бирюкова [17].

В Севастополе действуют музей-заповедник «Херсонес Таврический», Музейный комплекс «Музей героической обороны и освобождения Севастополя», включающий в себя панораму «Оборона Севастополя 1854-1855 гг.», диораму «Штурм Сапун-горы», музей Черноморского флота; Военно-исторический музей Черноморского флота; Балаклавский подземный музейный комплекс; Военно-морской музей «Михайловская батарея»; комплекс «35-я береговая батарея» на Херсонесе; Севастопольский аквариум; Художественный музей им. Крошицкого. В 2018 г. открыт музей «Константиновская батарея».

Развиваются музеи, находящиеся в ведении отдельных министерств и ведомств: Музей природы Крымского природного заповедника, Квартира-музей академика А. Б. Северного при Крымской Астрофизической Обсерватории, Геологический музей при Станции Московского государственного университета, Музей океанической флоры и фауны Южного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, Музей истории трамвая и троллейбуса ГУП РК «Крымтроллейбус», Музей истории Симферопольского железнодорожного узла Крымской железной дороги, Музей пожарно-спасательных сил ГУ МЧС России по Республике Крым при Главном управлении МЧС России по Республике Крым, музей истории Крымского федерального университета и Музей Н.В. Багрова при КФУ им. В.И. Вернадского, Музей анатомии человека и истории морфологии кафедры нормальной анатомии человека при Медицинской академии им. С.И. Георгиевского КФУ им. В.И. Вернадского, Зоологический музей Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского, Научный музей Никитского ботанического сада при ГБУ РК «Никитский ботанический сад – Национальный научный центр», Музейно-выставочный комплекс Международного детского центра «Артек», Музей истории Крымского академического русского драматического театра имени М. Горького. Продолжают свою деятельность музеи при общественных организациях, постоянно расширяется сеть школьных музеев. О беспрецедентной важности музеев в современном обществе и социокультурной политике государства свидетельствует то, что большая часть крымских музеев относится к государственной форме собственности (92%), а более 70% от общего числа музеев составляют музеи исторической направленности [18].

Таким образом, исходя из соответствующих социально-политических условий, в историческом развитии музейной сети Крыма условно можно выделить пять этапов, каждый из которых имеет определенные особенности, указанные выше. Начиная с начала XIX века наблюдается неуклонный рост общественных запросов, касающихся специального, музейного сохранения памятников культурного и природного наследия крымского полуострова. Изучение истории музейной сети Крыма позволяет увидеть и оценить роль личности в культуре, понять значение общественных инициатив, выделить проблемы музейной деятельности на каждом этапе ее исторического развития, обосновать и учесть ее зависимость от соответствующих социально-политических условий.

При этом следует отметить, что, невзирая на изменения политических и идеологических установок, музеи всегда были востребованы как социокультурные институты и хранители исторической памяти, и тем более востребованы сейчас, когда перед народами и нациями остро встала проблема сохранения культурной самобытности и своего культурного «лица», противостояния нивелирующему воздействию процессов глобализации на культуру, а потому и на социум в целом. Кроме того, как показала современная практика, музеи могут быть использованы как ресурсы социально-экономического развития, развития туристской деятельности, создания позитивного имиджа региона и соответствующего населения, выступать очагами духовной жизни и инструментом формирования личности, особенно – подрастающего поколения.

Список литературы

1. Резник О.В., Стельмах И.Ф., Швецова А.В. Сохранение и популяризация культурного наследия как направление деятельности музеев Крыма // Культурное наследие России. – 2018. – №3. – С. 74–79.
2. Музеи Крыма: Справочник-путеводитель / Авт.-сост. А. В. Зубарев, С. Н. Пушкарёв, Е. Б. Вишневская [и др.]. – ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2009. – 256 с.
3. Андросов С.А. Деятельность Крымохриса по созданию и развитию музейной сети в Крыму (1920 – 1926 гг.) // II Таврические научные чтения, посвященные 80-летию Центрального музея Тавриды (г. Симферополь, 2001 г.): Сб. мат. / гл. ред. Е.Б. Вишневская; – Симферополь: Данила-5, 2002. – С. 26–32.
4. Дубинина Л.И. Деятельность Евпаторийского краеведческого музея по изучению, сохранению и развитию традиционной культуры проживающих в Евпатории народов // I Таврические научные чтения, посвященные 80-летию Центрального музея Тавриды (г. Симферополь, 2000 г.): Сб. мат. / гл. ред. Е.Б. Вишневская; – Симферополь, 2001. – С. 48–50.
5. Дубилей Л. П. Страницы истории Центрального музея Тавриды // II Таврические научные чтения, посвященные 80-летию Центрального музея Тавриды (г. Симферополь, 2001 г.): Сб. мат. / гл. ред. Е.Б. Вишневская; Крым. респуб. краевед. музей. – Симферополь: Данила-5, 2002. – С. 4–9.
6. Волкова Т., Гарагуля В., Русанов И. Крым. Персональный гид / Т. Волкова, В. Гарагуля, И. Русанов. – Симферополь : ЧП Боженко, 2007. – 248 с.
7. Андросов С.А. Основные тенденции музейного строительства в Крыму в 1930-е годы // XI Таврические научные чтения (г. Симферополь, 2010 г.): Сб. мат. – Ч. 1 / гл. ред. Е.Б. Вишневская. – Симферополь, 2011. – С.14–37.
8. Мусаева У.К. Развитие музейного дела в Крымской АССР (1921–1941) / У.К. Мусаева ; Под ред. А.А. Непомнящего. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2013. – 402 с.
9. Мусаева У.К. Музейное строительство в Крымской АССР в 1920-1940 гг.: формы и методы руководства и организации музейной работы в Крыму // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Серия: История. – 2014. – № 3. – Т. 4. – С. 36–44.
10. Андросов С.А. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // IV Таврические научные чтения (г. Симферополь, 2003 г.): Сб. мат. – Ч. 1 / гл. ред. Е.Б. Вишневская. – Симферополь, 2004. – С.11–24.
11. Андросов С.А. Музейная жизнь Крыма в 1944-1945 гг. // X Таврические научные чтения (г. Симферополь, 2009 г.): Сб. мат. – Ч. 1 / гл. ред. Е.Б. Вишневская. – Симферополь, 2010. – С. 3–12.
12. Андросов С.А. Первая послевоенная пятилетка Крымского областного краеведческого музея (1946 – 1950 гг.) // XII Таврические научные чтения (г. Симферополь, 2011 г.): Сб. мат. – Ч. 1 / гл. ред. Е.Б. Вишневская; ЦМТ. – Симферополь, 2012. – С.20–29
13. Стельмах И. Ф. Развитие общественных музеев в Автономной Республике Крым. Автореф. дис. канд. ист. наук / И. Ф. Стельмах. – Киев, 2012. – 20 с.

14. Закон Республики Крым от 9 января 2018 г. N 453-ЗРК/2018 «О музеях и музейном деле в Республике Крым». URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/crimea/1160083/> (Дата обращения: 18.05.2020).
15. Федеральный закон от 26.05.1996 N 54-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ca87cfd187048d9e8949248e19b86b9273a38778/#dst157 (Дата обращения: 18.05.2020).
16. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 N 73-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (Дата обращения: 18.05.2020).
17. Зубарев А.В. Музеи Крыма: первое десятилетие в XXI веке // XI Таврические научные чтения (г. Симферополь, 2010 г.): Сб. мат. – Ч. 1 / гл. ред. Е.Б. Вишневская. – Симферополь, 2011. – С. 78–91.
18. Стельмах И. Ф. Музейная сеть и классификация музеев Республики Крым // Таврические студии. – 2015. – С. 104–110.

Shvetsova A. V., Stelmakh I. F. Formation of the Crimean Museum Network: the Main Stages and Features // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 2. – P. 135–149

The article examines the history of the Museum network of the Crimea, starting from the beginning of the XIX century and up to the present. The special role of the museums as the socio-cultural institutions and their important role in preserving the national cultural and natural heritage were noted. The significant part of this heritage is located on the territory of the Republic of Crimea; therefore, the study of the historical experience of the development of the Crimean museums is relevant for both the Museum studies and the Museum practice. The purpose of this article is to analyze the formation of the Crimean Museum network as an integral phenomenon. The tasks of this article are to determine and characterize the main stages of its development from the beginning of the XIX century to the present time in the context of the socio – cultural and political history of the region. The main stages of the formation of the Museum network and the relationship of the Museum activities with the historical and political events and conditions are described and analyzed in chronological terms. The main stages of the formation and the development of the Museum network of the Crimea are defined. The features of each stage and corresponding problems of the creation and the development of the museums are highlighted. The list of the Museum institutions, operating on the Peninsula during this considered period, is provided. The special attention is paid to the relationship between the development of the museums and the corresponding policy, ideology and public demands.

Keywords: Museum, Museum network, stage of formation, Crimea.

References

1. Reznik O.V., Stel'makh I.F., Shvetsova A.V. Sokhraneniye i populyarizatsiya kul'turnogo naslediya kak napravleniye deyatel'nosti muzeyev Kryma [The preservation and popularization of the cultural heritage as a direction of the activity of Crimean museums]. // Kul'turnoye naslediye Rossii [The Cultural Heritage of Russia], – 2018, №3. p. 74–79.
2. Muzei Kryma: Spravochnik-putevoditel' [Museums of Crimea: The Guide-book]. - OJSC Simferopol City Printing House (SGT), 2009, 256 p.
3. Androsov S.A. Deyatel'nost' Krymokhrisa po sozdaniyu i razvitiyu muzeinoi seti v Krymu (1920 – 1926 gg.) [Activities of Krymokhris on the creation and the development of the museum network in Crimea (1920 - 1926)] // II Tavrisheskie nauchnye chteniya, posvyashchennye 80-letiyu Tsentral'nogo muzeya Tavridy (g. Simferopol', 2001 g.): Sb. mat. [II Taurida scientific readings dedicated to the 80th anniversary of the Central Museum of Tauris (Simferopol, 2001): The Collection of materials], – Simferopol: Danila-5, 2002, p. 26–32.
4. Dubinina L.I. Deyatel'nost' Yevpatoriyskogo krayevedcheskogo muzeya po izucheniyu, sokhraneniyu i razvitiyu traditsionnoy kul'tury prozhivayushchikh v Yevpatorii narodov [The activities of the Evpatoria Museum of the Local Lore that deals with the study, preservation and the development of the traditional culture of the nations living in Evpatoria]. // I Tavrisheskiye nauchnyye chteniya, posvyashchennye 80-

- letiyu Tsentral'nogo muzeya Tavridy (g. Simferopol', 2000 g.): Sb. mat. [I Taurida scientific readings dedicated to the 80th anniversary of the Central Museum of Tauris (Simferopol, 2000): the collection of materials], – Simferopol, 2001, p. 48–50.
5. Dubiley L. P. Stranitsy istorii Tsentral'nogo muzeya Tavridy [The pages of the history of the Central Museum of Tauris] // II Tavricheskiye nauchnyye chteniya, posvyashchennyye 80-letiyu Tsentral'nogo muzeya Tavridy (g. Simferopol', 2001 g.): Sb. mat. [II Taurida scientific readings dedicated to the 80th anniversary of the Central Museum of Tauris (Simferopol, 2001): the Collection of materials] – Simferopol, Danila-5, 2002, p. 4–9.
 6. Volkova T., Garagulya V., Rusanov I. Krym. Personal'nyy gid [Crimea. The Personal guide]. – Simferopol, PE Bozhenko, 2007, 248 p.
 7. Androsov S.A. Osnovnyye tendentsii muzeynogo stroitel'stva v Krymu v 1930-ye gody [The main trends of the museum construction in the Crimea in the 1930s] // XI Tavricheskiye nauchnyye chteniya (g. Simferopol', 2010 g.): Sb. mat. [XI Taurida scientific readings (Simferopol, 2010): the Collection of materials] – Part 1, Simferopol, 2011, p.14–37.
 8. Musayeva U.K. Razvitiye muzeynogo dela v Krymskoy ASSR (1921–1941) [The Museum development in Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic (1921–1941)]. – Simferopol, the Crimean educational teaching paper, 2013, 402 p.
 9. Musayeva U.K. Muzeynoye stroitel'stvo v Krymskoy ASSR v 1920-1940 gg.: formy i metody rukovodstva i organizatsii muzeynoy raboty v Krymu [The Museum construction in Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic during the period 1920-1940: forms and methods of leadership and organization of the museum work in the Crimea]. // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. Seriya: Istoriya Vestnik, A. Pushkin Leningrad State University. Series: History] – 2014, Vol. 4, № 3, p. 36–44.
 10. Androsov S.A. Muzei Kryma v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [The Museums of Crimea during the period of the Great Patriotic War]. // IV Tavricheskiye nauchnyye chteniya (g. Simferopol', 2003 g.): Sb. mat. [IV Taurida scientific readings (Simferopol, 2003): the Collection of materials] – Part 1, Simferopol, 2004, p.11–24.
 11. Androsov S.A. Muzeynaya zhizn' Kryma v 1944-1945 gg. [The Museum Life of the Crimea in 1944-1945] // X Tavricheskiye nauchnyye chteniya (g. Simferopol', 2009 g.): Sb. mat. [X Taurida scientific readings (Simferopol, 2009): the Collection of materials] – Part 1, Simferopol, 2010, p. 3–12.
 12. Androsov S.A. Pervaya poslevoynennaya pyatiletka Krymskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya (1946 – 1950 gg.) [The first afterwar five-year plan of the Crimean Regional Museum of the Local Lore (1946 - 1950)] // XII Tavricheskiye nauchnyye chteniya (g. Simferopol', 2011 g.): Sb. mat. [XII Taurida Scientific Readings (Simferopol, 2011): the Collection of materials]. –Part 1, Simferopol, 2012, p.20–29.
 13. Stel'makh I. F. Razvitiye obshchestvennykh muzeev v Avtonomnoy Respublike Krym [The development of the public museums in Autonomous Republic of Crimea]. – Extended abstract of candidate's thesis, Kiev, 2012, 20 p.
 14. Zakon Respubliki Krym ot 9 yanvarya 2018 g. N 453-ZRK/2018 «O muzeyakh i muzeynom dele v Respublike Krym» [The Law of the Republic of Crimea dated January 9, 2018 N 453-LRC / 2018 "About the museums and the museum business in the Republic of Crimea"]. – URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/crimea/1160083/> (Accessed: 18 May 2020).
 15. Federal'nyy zakon ot 26.05.1996 N 54-FZ (red. ot 27.12.2018) «O Muzeynom fonde Rossiyskoy Federatsii i muzeyakh v Rossiyskoy Federatsii» [The Federal Law dated 05.26.1996 N 54-FL (as amended on 12.27.2018) "About the Museum Fund of the Russian Federation and the museums in the Russian Federation"]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ca87cfd187048d9e8949248e19b86b9273a38778/#dst157 (Accessed: 18 May 2020).
 16. Federal'nyy zakon «Ob ob'yektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii» ot 25.06.2002 N 73-FZ (poslednyaya redaktsiya) [The Federal Law "About the Objects of the Cultural Heritage (Monuments of History and Culture) and about the nations of the Russian Federation" dated 06.06.2002 N 73-FL (latest revision)]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (Accessed: 18 May 2020).

17. Zubarev A.V. Muzei Kryma: pervoye desyatiletiye v XXI veke [The Museums of the Crimea: the first decade of the XXI century] // XI Tavricheskiye nauchnyye chteniya (g. Simferopol', 2010 g.): Sb. mat. [XI Taurida scientific readings (Simferopol, 2010): the Collection of materials]. – Simferopol, 2011, p. 78–91.
18. Stel'makh I. F. Muzeynaya set' i klassifikatsiya muzeyev Respubliki Krym [The Museum network and the classification of museums of the Republic of Crimea]. Tavricheskiye studii [Taurida Studios]. – 2015. p. 104–110.

Сведения об авторах

Буткевич С. А. – кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Крым, заместитель начальника Крымского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, г. Симферополь. E-mail: butkevich-sa@mail.ru

Вербицкая Т. В. – ассистент кафедры теории и истории международных отношений, г. Екатеринбург, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». E-mail: aquitania-17@yandex.com.

Герасимова И. А. – д.филос.н., профессор, г. Москва, Институт философии РАН главный научный сотрудник. E-mail: home_gera@mail.ru.

Ефанов В. Ю. – ведущий специалист кафедры философии социально-гуманитарного профиля КФУ им.В.И. Вернадского. Email: relig97@mail.ru

Клецкин М. В. – кандидат философских наук, г. Самара, Самарский государственный медицинский университет, доцент кафедры философии и культурологии. E-mail: samkoms@mail.ru

Козарезова О. О. – Московский Педагогический государственный университет, Российский Православный университет им. Св. Иоанна Богослова. Email: koz.helga@gmail.com

Коноплева А. А. – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, г. Симферополь, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России. E-mail: konoplyova.artcrimea@gmail.com;

Муратишина К. Г. – доцент кафедры теории и истории международных отношений, г. Екатеринбург, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», кандидат исторических наук, доцент. E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru.

Пашковский П. И. – канд. полит. наук, доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, доцент кафедры политических наук и международных отношений. E-mail: petr.pash@yandex.ru

Самовольнова О. В. – соискатель, г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет, кафедра современных проблем философии философского факультета, ovsamovolnova@gmail.com

Стельмах И. Ф. – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский университет культуры, искусств и туризма». E-mail: irinastelm@mail.ru.

Хамзин И. Р. – младший научный сотрудник Лаборатории естественно-научных методов в гуманитарных исследованиях, г. Екатеринбург, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Email: ildar.hamzin1991@mail.ru.

Хриенко Т. В. – доктор социологических наук, профессор, академик Крымской Академии наук, Лауреат государственной премии Республики Крым в номинации «наука и научно-техническая деятельность», Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, профессор кафедры политических наук и международных отношений. E-mail: t.v.khrienko@mail.ru

Цокало О. А. – к.филос.н., доц., г. Воронеж, Воронежский государственный университет, доцент кафедры онтологии и теории познания. E-mail: shapiro.olha@gmail.com

Швецова А. В. – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, культурологии и гуманитарных дисциплин Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский университет культуры, искусств и туризма». E-mail: voljaton@rambler.ru.

Шкорубская Е. Г. – соискатель кафедры философии социально-гуманитарного профиля Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: shkorubska@gmail.com

Шульга Е. Н. – д-р филос. наук, г. Москва, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора методологии междисциплинарных исследований человека, профессор кафедры истории и философии науки Института философии РАН. E-mail: elena.shulga501@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Герасимова И. А. Философская элита технических наук	3
Клецкин М. В. Становление ценностного дискурса в древнегреческой философии	15
Козарезова О.О. Семантика категорий «сущность» и «энергия» в богословии свт. Григория Паламы и их отражение в византийской и русской иконографии	23
Самовольнова О. В. Осмысление перформативности гендера: влияние перформативных высказываний на формирование гендерного субъекта..	39
Цокало О. А. «Встань и иди»: трансформация делиберативной аргументации в истории развития текстовой культуры	48
Шкорубская Е. Г. Публикации в поле науки: место научного журнала в системе символического производства П. Бурдье	59
Шульга Е.Н. Перспективы герменевтического метода в био-и экофилософии	70

ПОЛИТОЛОГИЯ

Коноплева А.А. Буткевич С.А Проблема регламентации поведения этнических групп Северного Кавказа посредством формирования кодексов и рекомендаций	79
Муратшина К. Г. Вербицкая Т. В. Хамзин И. Р. Сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан в сфере туризма: основные тенденции и проблемы	90
Пашковский П. И. Особенности участия парламентов во внешней политике: проблемные теоретические аспекты исследования	103
Хриенко Т. В. Великая отечественная война в оценках молодежи Крыма (опыт социологического исследования)	116

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ефанов В. Ю. К типологии миссионерства: современные реалии	125
Швецова А.В. Стельмах И.Ф. Формирование музейной сети Крыма: основные этапы и особенности	135
Сведения об авторах.....	150
Содержание.....	152

About the Authors

Butkevich S. A. – Cand. of Sc. (Law), Docent Deputy Head of Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia for Educational and Scientific Work Honored Lawyer of the Republic of Crimea, Simferopol. E-mail: butkevich-sa@mail.ru.

Verbitskaya T. V. – Assistant Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations, Ekaterinburg, Ural Federal University. E-mail: aquitania-17@yandex.com.

Gerasimova I. A. – Doctor of Philosophical Science, Professor, Moscow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences Chief Researcher. E-mail: home_gera@mail.ru.

Efanov V. Y. – Leading specialist of the Department of Philosophy of Social and Humanitarian Profile V.I. Vernadskiy Crimean Federal University. Email: relig97@mail.ru

Kletskin M. V. – Candidate of Philosophical Sciences, Samara, Samara State Medical University, Assistant Professor at the Department of Philosophy and Culturology. E-mail: samkoms@mail.ru

Konopleva A. A. – Cand. of Sc. (Philosophy), Docent Associate Professor of the Chair of Humanitarian and Social-Economic Disciplines, Simferopol, Crimea Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia. E-mail: konoplyova.artcrimea@gmail.com

Kozarezova O. O. – Moscow State Pedagogical University, Russian Orthodox University. St. John the Theologian. Email: koz.helga@gmail.com

Muratshina K. G. – candidate of History, Ekaterinburg, Ural Federal University, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations. E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru.

Pashkovsky P. I. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Simferopol, V. I. Vernadskiy Crimean Federal University, Associate Professor of the Department of Political Science and International Relations. E-mail: petr.pash@yandex.ru

Samovolnova O. V. – applicant, Moscow, Russian State University for the Humanities, Modern Problems of Philosophy Department, faculty of philosophy, ovsamovolnova@gmail.com

Stelmakh I. F. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanitarian Disciplines of the State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Republic of Crimea “Crimean University of Culture, Arts and Tourism”, E-mail: irinastelm@mail.ru.

Hamzin I. R. – junior Research Fellow of the Laboratory of Natural Sciences Research in Humanities, Ekaterinburg, Ural Federal University. E-mail: ildar.hamzin1991@mail.ru.

Khrienko T. V. – Doctor of Social Sciences, professor, Member of the Crimean Academy of Science, laureate of the State Prize of Crimean Republic in “Science, Scientific and Technical Activity” category, Simferopol, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, professor of the chair of political sciences and international relations. E-mail: t.v.khrienko@mail.ru

Tsokalo O. A. – Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Voronezh, Voronezh State University, Associate Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge. E-mail: shapiro.olha@gmail.com

Shvetsova A. V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities of the State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Republic of Crimea «Crimean University of Culture, Art and Tourism». E-mail: voljaton@rambler.ru.

Shkorubskaya E. G. – graduate seeker of the Department of the Department of Philosophy of Social and Humanitarian Profile, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University. E-mail: shkorubska@gmail.com

Shulga E. N. – Doctor of Philosophical Sciences, Moscow, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of Department of Methodology of the Interdisciplinary Study of Man, Professor of the Department of the History and Philosophy of Science. E-mail: elena.shulga501@gmail.com

CONTENT

PHILOSOPHY

Gerasimova I. A. Philosophical Elite of Engineering	3
Kletskin M. V. Formation of Value Discourse in Ancient Greek Philosophy	15
Kozarezova O.O. Semantics of the Categories of “Essence” and “Energy” in the Theology of St. Gregory Palamas and their Reflection in Byzantine and Russian Iconography	23
Samovolnova O. V. Understanding of Gender Performativity: the Impact of Performative Statements on Formation of Gender Subject	39
Tsokalo O. A. «Get up and Go»: Transformation of the Deliberative Arguments in Textual Culture Development History	48
Shkorubskaya E.G. Publications in the Scientific Field: The Place of a Scientific Journal in the P. Bourdieu System of Symbolic Production	59
Shulga E. N. Prospects of the Hermeneutical Method in Bio- and Eco-Philosophy	70

POLITICAL SCIENCE

Konopleva A. A., Butkevich S. A. Problem of Regulation of Behavior of North Caucasus Ethnic Groups through the Formation of Codes and Recommendations	79
Muratshina K. G., Verbitskaya T. V., Hamzin I. R. Russia-Uzbekistan cooperation in tourism: basic trends and problems	90
Pashkovsky P. I. Features of the Participation of Parliaments in Foreign Policy: Problematic Theoretical Aspects of the Research	103
Khrienko T. V. The Great Patriotic War in the Assessment of Crimea Youth (Sociological Research Experience)	116

CULTUROLOGY

Efanov V. Y. To the Typology of Missionaries: Modern Realities	125
Shvetsova A. V., Stelmakh I. F. Formation of the Crimean Museum Network: the Main Stages and Features	135
About the authors.....	154
Content.....	156